

Библиотека советской фантастики

Е. ВОЙСКУНСКИЙ, И. ЛУКОДЬЯНОВ
ОЧЕНЬ ДАЛЕКИЙ ТАРТЕСС

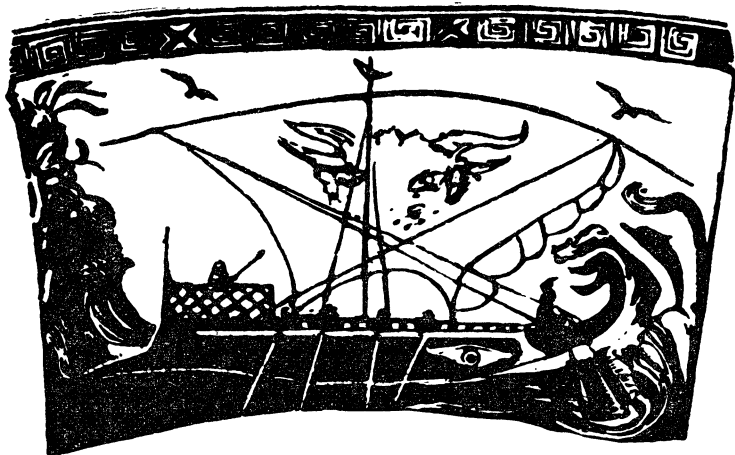

Евгений Львович Войскунский родился в 1922 году в Баку. Много лет служил на Балтийском флоте, в годы Великой Отечественной войны принимал участие в обороне Ханко и Ленинграда. Работал журналистом во флотской печати. Окончил Литературный институт имени Горького. Первые книги писателя — «Первый поход» (1956 г.) и «Наш друг Пушкарев» (1960 г.) — были посвящены жизни советских военных моряков. В 1957 году пьеса Е. Войскунского «Бессмертные» получила премию на Всероссийском конкурсе. Член Союза советских писателей. В 1962 году вышел научно-фантастический роман «Экипаж «Меконга», написанный в соавторстве с И. Лукодяновым и положивший начало их совместной литературной работе.

Исай Борисович Лукодянов родился в 1913 году в Баку. Инженер-проектировщик. В годы Великой Отечественной войны служил в Военно-Воздушных Силах. Автор технических книг и ряда научно-популярных очерков, печатавшихся в журналах. Последние годы работает в соавторстве с Е. Войскунским в области научно-фантастической литературы. После романа «Экипаж «Меконга» были изданы следующие произведения обоих авторов: повесть «Черный столб» (1963 г.), сборник рассказов «На перекрестках времени» (1964 г.), рассказы «Формула невозможного», «И увидел остальное», «Алатырь-камень» и ряд других.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», МОСКВА
1968**

Е. Войскунский, И. Лукодянов

**ОЧЕНЬ
ДАЛЕКИЙ
ТАРТЕСС**

Фантастический роман

P2
B-65

*В древние времена это был
большой и богатый город, теперь же
это бедное, ничтожное, людьми по-
кинутое место, развалин гряда...
Но в прежние времена этот город
в представлении людей имел такое
могущество, такой блеск...*

А в и е н, Морские берега

-Тартесс? Что-то я не слыхивал о таком городе. Или, может, действие у вас происходит на другой планете?

— Да нет же, читатель, действие происходит на Земле. Просто об этом городе мало что известно.

— А что же все-таки известно?

— Античные авторы иногда упоминали Тартесс. В древности это был очень богатый и даже могучий город на крайнем западе ойкумены, как называли греки известный им населенный мир. Тартесс вел в Средиземноморье обширную торговлю металлами, особенно оловом. Вы, конечно, представляете, какое значение для бронзового века имело олово. Тартессы привозили олово в слитках с Оловянных островов, или, как их называли греки, с Касситерид. Это нынешняя Англия.

— Неплохие, видно, были мореходы?

— Да, наверно. А в Тартесс за оловом приходили критские корабли, потом долгое время с ним монопольно торговали финикияне, а их сменили греки из Фокеи*.

— Позвольте, а где он, собственно, находился, ваш Тартесс?

— Точно не известно. Но есть предположение, что он стоял на юго-западном побережье Испании. Может быть, в устье Гвадалквивира. Уже в наше время немецкий ученый Шультен производил там археологические раскопки.

— И нашел?

— Нет, читатель, ничего он, к сожалению, не нашел. Если и остались руины Тартесса, то скорее все-

---

* Фокея — древнегреческая колония на побережье Малой Азии.

го они под водой. Ведь за два последних тысячелетия уровень океана повысился на два метра. А может быть, опустился берег.

— И Тартесс погиб от наводнения или землетрясения, вы хотите сказать?

— Понимаете, неизвестно. Есть предположение, что его разрушили до основания карфагеняне. Они ненавидели Тартесс, препятствовали его торговле. Даже выставили в Гибралгаре морской дозор и не пропускали в Тартесс корабли греков. Факт тот, что с середины шестого века до нашей эры Тартесс не существует. Никаких упоминаний. Что-то там произошло.

— Понятно. И вы, значит, решили на основании этих весьма скудных сведений...

— Простите, еще один существенный момент. Некоторые ученые, и не только древние, полагают, что Тартесс имел какое-то отношение к Атлантиде. Более того, высказывалось мнение, что платонова Атлантида — это и есть Тартесс.

— Гм, Атлантида...

— Вас это смущает, читатель?

— Немножко смущает, признаться. Из того, что вы говорили, я заключил, что мне предстоит прочесть исторический роман, но если там Атлантида...

— Давайте сразу договоримся: в романе только фон исторический. Плавания фокейцев в Иберию, битва при Алалии, козни Карфагена — все это было. Ну, а что касается самого Тартесса — тут мы дали волю фантазии.

— Выходит, это роман лишь отчасти исторический...

— Но главным образом фантастический. Вы правильно поняли. Ну что ж, дорогой читатель, давайте поплывем в Тартесс...

ГЛАВА I

От Фокеи до Геракловых Столбов

Боги благоприятствовали Горгию. Много тысяч стадий* отделяли его корабль от берегов Фокеи, но люди были живы и здоровы. Корабельные бока, плотно сшитые деревянными гвоздями и дорогими бронзовыми скобами, не пропускали воды: двести талантов** свинца пошло на об-

---

* Стадий — мера длины, равная 177,6 метра.

** Талант — древнегреческая единица веса — около 26,2 килограмма.

шивку, чтобы морской червь не источил, не продырявил корабельного днища.

Горгий поднял голову, посмотрел на парус, хорошо ли наполнен ветром.

Ходко бежит корабль, шипит вода, обтекая крутые бока. Восточный ветер дует через все Море с берегов Фокеи, несет корабль к Геракловым Столбам.

Диомед, топя босыми ногами, взбежал на высокую корму, уселся, высыпал на доску горсть разноцветных камешков.

— Сыграем, хозяин?

Горгий не удостоил матроса ответом. Задумчиво тербил бороду, вглядывался в холмистый берег, чуть тронутый зарей. Его горбоносое лицо в слабом свете раннего утра казалось оливковым, ночь запуталась в черной бороде.

— Положи рулевое весло левее, Неокл, — сказал он кормчему. И резко добавил: — Еще, еще, не бойся потерять берег из глаз, там для нас нет ничего хорошего!

Громче заговорила вода под кораблем. За кормой розовые пальцы Эос, предвестницы Гелиоса, отошли вправо. Чистый восход, без тучки. Вот так и держать, так и выйдем к Столбам.

Кормчий смочил палец слюной, подставил ветру. Велел справа парус подтянуть, слева отдать.

Юркий Диомед, управившись с парусом, вернулся на корму. Сгреб пятерней рыжую бородку, состроил за спиной Горгия зверскую рожу. Пожилой кормчий не выдержал, засмеялся. Потеха с этим Диомедом. Вечно кого-нибудь передразнивает. Особенно смешно изображает он аэда. Вытянет руку и,

ударяя по ней палочкой, будто плектром по струнам кифары, поет старческим голосом такое, что самый заматерелый разбойник со стыда закроет голову плащом. Про Данаид, например, и их женихов. Или... Да нет, страшно вымолвить. Как только боги терпят, не покарают нечестивца... А однажды обмотался чьим-то длинным гиматием, наподобие женского пеплоса *, подложил за пазуху тряпья и пошел по палубе, кривляясь и вихляя бедрами, к стойлу, в котором томилась последняя корова. Это он изображал Пасифаю, жену критского царя Миноса, восплававшую страстью к быку. Матросы с хохота валялись, глядя, как Диомед простирает руки к корове, хватая ее за жилистые ноги и корчится на палубе, представляя, как грешная царица рождает Минотавра — получеловека, полубыка.

Помрешь с этим Диомедом.

Горгий тоже усмеялся в черную бороду, глядя на выходки Диомеда. В тихую погоду часами играл с ним в камешки.

Но теперь, достигнув берегов Иберии, сделался Горгий молчаливым и задумчивым. Стоя на покачивающейся корме, глядит и глядит на дальний берег, на синее море — не видно ли чужого паруса. Роятся в многодумной голове воспоминания о долгом и трудном пути.

А путь и впрямь был нелегок.

Верно, Пелопоннес обогнули и дошли до Керкиры ** благополучно. Зато потом...

---

* Гиматий — плащ ниже колен. Пеплос — длинное, широкое женское платье.

** Остров Керкира — современный остров Корфу.

Семь суток полного безветрия между Керкирой и проливом Сциллы и Харибды *. Обессиленные гребцы, обливаясь жарким потом и протяжно стелая, не могли уже вырывать тяжелые весла из будто загустевшей воды. А за проливом противный ветер. Медленнее черепахи полз корабль вдоль италийского берега. Когда же доползли до Питекуссы — Обезьяньего острова, что лежит против Кум, — такое узнали...

Полмесяца назад, как рассказали Горгию, у берегов Кирны ** боевые фокейские триеры *** сшиблись в морском бою с несметной флотилией карфагенских и этрусских кораблей. Давно уже карфагеняне точили зубы на фокейских мореходов — не давала им покоя торговля греков с богатым Тартессом. И вот, заключив союз с этрусскими морскими разбойниками, напали они на фокейцев. Яростно обменивались неприятельские корабли градом камней из баллист, сваливались бортами, бились врукопашную на палубах. Разошлись поздним вечером, оставив три с лишним десятка кораблей — жаркими факелами горели они в ночи. Не одолели греков карфагенские воины в открытом бою, но слишком велики были потери фокейцев. Пришлось им отступить от Алалии, отдать Кирну врагу.

Советовали Горгию поворачивать обратно.

---

* Пролив Сциллы и Харибды — Мессинский пролив между Апеннинским полуостровом и Сицилией.

** Кирна — древнегреческое название Корсики, на которой находилась фокейская колония Алалия. Кумы — колония древних греков в Италии, близ города Неаполя.

*** Триера — трехъярусный корабль с двумястами гребцов.

— Все равно не пройдешь в Тартесс. Даже если проскочишь к иберийским берегам, к Майнаке*, останоят тебя карфагеняне в узком месте, у Геракловых Столбов. Слышь, купец, поклялся Карфаген, что ни один фокейский корабль не достигнет больше Тартесса. Принеси жертвы богам и поворачивай назад.

— Жертвы богам я принесу, — ответил Горгий после долгого раздумья. — Но сворачивать с пути не стану. Запад опасен, но еще большая опасность надвигается на Фокею с востока.

— Персы? — спрашивали колонисты из Кум.

— Персы, — подтвердил Горгий. — Фокее нужно оружие. Много оружия. За этим я и плыву в Тартесс. А дальше — как будет угодно богам.

— Да, да, — кивали колонисты. — Оружие в Тартессе хорошее... О боги, что станется с Фокеей!

Горгий принес богатые дары Посейдону и Аполлону — укротителю бурь — и вышел в море. Упрямо держал на запад. Божественные близнецы Кастор и Полидевк, сияя в ночном небе, указывали ему дорогу. Ужасная двухдневная буря обрушилась на корабль и поглотила бы его, если б не дары, принесенные в Кумах. Она же, эта буря, спасла корабль от этрусских морских разбойников, погнавшихся было за Горгием у острова Ихнусса**.

Дальше, за Ихнуссой, был долгий и опасный переход до Островного моста — тысяча шестьсот стадий открытого пустынного моря.

---

* М а й н а к а — фокейская колония на юго-восточном побережье Иберии.

** И х н у с с а — древнегреческое название Сардинии.

Остались позади затаенные в вечерней дымке Мелусса и Кромииусса, населенные дикими балеарами, несравненными метателями камней, ныне подвластными, по слухам, Карфагену. Осталась за кормой Питиусса * — последний из островов Моста.

И вот открылся взглядам фокейцев скалистый берег Иберии. Не это ли сказочная Гесперия, Вечерняя страна, дальний край ойкумены, омываемый таинственной рекой Океаном, овеянный древними легендами? Где-то там, как говорили в старину, — Элисий, обиталище душ умерших.

Сам Горгий, хоть и немало поплавал на своем веку, ни разу не забирался так далеко, на крайний запад Талассы **. Но многоопытный кормчий Неокл дважды хаживал в Тартесс, потому и выбрал его Горгий. Уверенно довел Неокл корабль до стоянки под высокой, как башня, скалой.

Это был Гемероскопейон — «Дневной страж» — первая фокейская колония на иберийском побережье. Здесь уже знали о морском сражении у Алалии — скорбную весть принес заезжий купец-массалиот ***. Впрочем, немногочисленные жители колонии были взбудоражены другим событием: дочь местного правителя выходила замуж за вождя соседнего иберийского племени. «Эти уже никогда не вернутся на родину», — подумал Горгий, глядя на колонистов, на их бурные приготовления к свадьбе. И хотя сам он был родом не из Фокеи, ему стало грустно.

---

* Мелусса — Менорка, Кромииусса — Мальорка, Питиусса — Ивиса.

** Таласса — море (греч.).

*** Массалия — древнегреческая колония, основанная фокейцами на том месте, где теперь стоит Марсель.

Дождаться свадьбы Горгий отказался. В небольшом храме Артемиды принес он в жертву последнюю из взятых с собой коров — все равно собиралась она околеть от жары и качки, а солонина подходила к концу. Всемогущим богам пожертвовали коровью утробу и тощие ноги, остальное зажарили, поели вдоволь свежего мяса, запили вином. Гребцы и матросы повеселели.

Последняя стоянка и отдых были в Майнаке.

Издали, с моря, это поселение, окруженное стенами и утонувшее в буйной зелени, казалось беззаботно дремлющим под жарким синим небом, на фоне желтоватых гор. Но, сойдя на берег, Горгий понял, что дремотный покой был обманчив. Здешние колонисты сильно опасались, что теперь, когда фокейский флот, по видимому, надолго покинет западную часть Моря, Майнака станет добычей карфагенян. Уже дважды входили в широкую бухту карфагенские корабли — к берегу, верно, не приближались, но стояли подолгу, высматривали что-то. По всему видно, собираются запереть Майнаку с Моря.

Массалиотский купец — тот самый, что перед Горгием побывал в Гемероскопейоне, — сидел в винном погребке, пьяный и всклокоченный. Проливая вино на дорогую хламиду, выкрикивал непристойности, грозился до основания разрушить Карфаген, а заодно Майнаку — это прибежище скотоложцев и трусов.

— Уже десять дней наливаются вином и богохульствует, — хмуро сказал Горгию здешний старейшина. — Продолжать путь в Тартесс морем опасается и по сухопутью идти не хочет, а в Массалию возвра-

щаться тоже не желает. Видывал я упрямых ослов, но таких...

Массалиот, услышав это, повернул голову и выпучил на Горгия бессмысленные глаза.

— Хватайте его! — закричал, тыча пальцем и пытаясь подняться. — Это кар-р-фагенская собака! Рубите его!

Диомед, сопровождавший Горгия, подскочил сзади к массалиоту, защекотал его под мышками. Тот взвизгнул, захохотал; отбиваясь, опрокинул пифос с вином.

Горгий вышел на улицу, под тень шатрообразных пиний, утер пот ладонью. Старейшина покосился на его горбоносый профиль.

— Долог ли сухой путь в Тартесс? — спросил Горгий.

— Дорога идет через горы. — Старейшина вяло махнул рукой в сторону гор. — Потом надо спуститься в долину Бетиса *, она и приведет к Тартессу. Если на лошадях, то доберешься за десять дней. На быках — за двадцать.

— А морем?

— Не советую тебе идти морем. У Столбов...

— Сколько, я спрашиваю, плыть морем? — резко прервал его Горгий.

— Пять суток корабельного бега, — недовольно сказал старейшина.

Несколько дней отдыхали в гостеприимной Майнаке, ели свежую баранину и пили много вина. Горгий размышлял. Как-то утром поймал массалиотского

---

* Бетис — древнее название Гвадалквивира.

купца в минуту просветления, предложил вместе плыть к Тартессу.

— Ты, как видно, не очень дорожишь своим товаром, горбоносый фокеец, — ответил заносчивый массалиот. — У меня же в трюме не коровий навоз. Нам с тобой не по пути.

И Горгий решился. В ранний предрассветный час вывел корабль из майнакской бухты, направился к Геракловым Столбам.

Гелиос уже над головой — полдень. Ветер поух, обвис парус. Кормчий велел келевсту — начальнику гребцов — усилить греблю: следовало до темноты пройти узкое место, Столбы. Бойчее засвистала флейта, длинные весла вспахали синюю воду вдоль бортов корабля.

Остро посматривая на скалистые берега, что тянулись справа, Горгий вел негромкий разговор с пожилым кормчим.

— Верно ли, — спрашивал, — что за Тартессом нет кораблям пути, что воды реки Океана густы, как студень, и не поддаются веслу?

— Так говорят, — отвечал Неокл, держа одну руку на рулевом весле, а другой потирая слезящиеся глаза. — В старину говорили, что за Столбами — кха! — была в Океане богатая земля. Боги разгневались на нее и погубили. Ушла она под воду, и остался там глубокий ил.

— Чем же навлекла она гнев богов?

— Кха! — У кормчего в глотке на всю жизнь застрял морской ветер, никак он его не выплюнет. — Боги ничего не объясняют смертным. Но слышал

я, будто жители той земли захотели подняться выше богов... блеском серебра возжелали затмить луну...

— Это как понять?

— Не знаю. Как слышал, так и говорю — кха!.. От Столбов до Тартесса море такое же, как здесь, сам видел. А дальше, говорят, мелко. Водоросли оплывают корабль до верхушки мачты и держат... держат, говорю... По мелководью ползают стаи чудищ... Почешется чудище — корабль опрокинет.

— Как же ходят по мелководью корабли тартеситов?

— Видно, знают проходы...

Задумался Горгий. Что же это за река Океан, по которой бесстрашно плавают тартесские мореходы? Сам Тартесс — всем известно — богат серебром и медью, а за оловом посылает свои корабли к далеким Касситеридам, таинственным Оловянным островам... Узнать бы, разведать к ним дорогу...

Посвистывала флейта, привычно всплескивала вода под веслами.

— Расскажи мне о Серебряном человеке, — сказал Горгий.

И терпеливый кормчий в который уже раз за долгий путь принялся рассказывать о престарелом царе Тартесса.

То ли за седую бороду, то ли за несметные богатства прозвали фокейские купцы царя Аргантония Серебряным человеком. Царствует он, по слухам, лет сто, а может, и побольше. Давно помер фокейский мореход, что некогда первым приплыл в Тартесс, а и тогда уже сидел там на троне седоборсдый

царь Аргантоний. Ну, может, и привирают насчет бороды, может, в ту пору была она черная...

Крут и своеволен владыка Тартесса к согражданам. Строго блюдет законы, а их в Тартессе великое множество, и все они, по слухам, записаны стихами. Но к элинам Серебряный человек неизменно добр. Зовет их к царскому столу, потчует медовым вином, одаривает щедро. Сам не гнушается вникать в торговые дела. Может, потому и добр, что далеко от Тартесса Фокея и не посягает на его богатства.

Верно, далек и финикийский Тир, но с финикиянами были в старину у Тартесса раздоры. Недаром поставили финикияне вблизи Тартесса свой город Гадир* — будто занозу воткнули в глаз. Пал Тир, и не бороздят Море корабли финикиян, — а Гадир стоит, обнесенный крепкими стенами, и люто враждует с могучим Тартессом, и пытается перебить ему дорогу к Оловянным островам.

Ныне Гадир держит руку Карфагена — по родству крови (тоже ведь финикиянами был поставлен Карфаген) и по необходимости опереться на сильного союзника...

Да, сильно поднялся Карфаген. Замыслил отнять у фокейцев Талассу... загородил, как говорят, кораблями Столбы...

При этой мысли у Горгия засосало под ложечкой. Сплюнул за борт, велел Диомеду подать еду. Поколотил сушеную рыбу о палубу, ловко содрал шкурку. Разломил лепешку, налил в чашу разведенного вина.

Жуя и запивая, хмуро смотрел на пустынное море.

---

* Г а д и р (или Гадес) — нынешний Кадис на юге Испании.

— Молодцы все-таки эти древние. Отваживались пускаться в такие плавания на жалких скорлупках. Какое водоизмещение могло быть у корабля Горгия?

— Ну, что-нибудь около ста тонн. Не такая уж, собственно, скорлупка.

— Да, если вспомнить, что Ален Бомбар пересек Атлантический океан на резиновой шлюпке... Пожалуй, современные люди тоже молодцы.

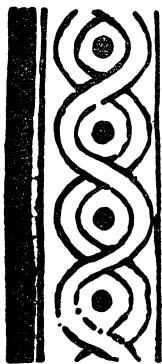
— Безусловно. Но Бомбар был в центре внимания людей всего мира, и оснастка у него была что надо. А древние мореходы... у них ведь не было даже обыкновенного компаса, не говоря уж о секстанте. Вот уж поистине, «по рыбам, по звездам...». Какие только страхи и ужасы им ни приходилось преодолевать.

— У вас там кормчий говорит, что океан за Тартессом мелеет и чудища всякие ползают. Откуда у греков эти сведения?

— Тут два возможных объяснения. Первое относится к легенде о гибели Атлантиды: когда уходит под воду большой кусок суши, поднимаются к поверхности огромные тучи ила и водорослей. Второе объяснение более правдоподобно. Тартесситы, а вслед за ними и карфагеняне могли нарочно распускать слухи о «застывшем море» и прочих ужасах, чтобы отбить охоту у соперников плавать к Оловянным островам.

— Иначе говоря, экономическая конкуренция?

— Именно.

ГЛАВА 2

Почему лиса отпустила зайца?

Впереди, над невидимыми еще, но близкими Столбами, низко стоял Гелиос. В его красноватом закатном свете не сразу заметили греки трехрядный корабль. А когда увидели — приуныли.

Поворачивать назад? Бесполезно, подумал Горгий. Не уйти от погони...

Эх, не послушался старейшину в Майнаке, не пошел в Тартесс по сухому пути. Глотал бы сейчас, трясясь на быках, пыль горных троп — да была бы при себе свобода. Трудно ее получить, а потерять — пустяк...

Он смотрел на приближающийся карфагенский корабль, на огромный, резной, расписанный красками глаз на его борту. Смотрел на приближающееся рабство...

Уже видны смуглые воины в кожаных доспехах. Лохматые бородачи поигрывают пращами, скалят зубы. А впереди, на самом носу, стоит молодой воин с яростным лицом, медный шлем его горит зловещими отблесками заката,

он потрясает копьем и кричит, указывая грекам на парус.

Горгий велел парус спустить.

Корабли сошлись бортами. Оцепенело смотрели греки, столпившись у мачты, как закидывали карфагенские воины крючья, зацепляясь за борт.

Попрыгали, хлынули, затопали по палубе — и все с криками, будто на базаре. Окружили, наставили копья. Запах кожи и пота смешался с неистребимым запахом коровьего навоза, что шел из опустевшего стойла.

Резкий гортанный выкрик — и все смолкло. Молодой военачальник (лицо темное, глазищи неистовые) обвел греков взглядом, сказал что-то. Горгий понял: старшего выкликает, — подобрал полы гиматия, шагнул вперед. Двое подскочили, скрутили руки сырыми ремнями. Третий цапнул за бороду кормчего, пинком отшвырнул его в тесную группу греческих матросов, а сам встал к рулевому веслу. Было и это понятно: поведут корабль в Гадир, а может, и в самый Карфаген, поделают добычу, продадут греков в рабство. Или гребцами прикуют навечно к скамьям своих кораблей.

Прощай свобода...

С карфагенского корабля неспешно перелез через борт дородный человек с выбритой до синевы головой. Был он одет не по-военному, но подпоясан дороей перевязью с коротким мечом. Воины почтиительно расступились перед ним. Он подошел к молодому военачальнику, бросил несколько слов. Тот, видно, возразил. Бритоголовый повел на него на-

брякшим веком, этого оказалось достаточно: молодой, сверкнув непримиримыми глазами, повиновался, отошел в сторону.

Горгий ощутил на себе жесткий оценивающий взгляд. Услышал вопрос на ломаном греческом — шел он будто из чрева карфагенянина.

— Это твой корабль?

— Нет, господин, — поспешно ответил Горгий. — Я выполняю волю своего хозяина, Крития из Фокеи.

— Критий из Фокеи, — повторил бритоголовый, еле шевеля губами. — Куда послал тебя Критий? В Тартесс?

— Да, господин. По торговому делу.

— Ты непохож на грека, фокеец. Где ты рожден матерью?

— В Колхиде, на понте Эвксинском.

Неясно было, понял бритоголовый это или нет. Он сказал что-то воинам, и те мигом расшвыряли грубые холсты и доски, прикрывавшие трюм. Трюм был набит серым песком, из него торчали горлышки полузакопанных амфор. Темнокожий воин сорвал залитую смолой затычку — ком виноградных листьев, — сунул в амфору копьё. Несколько амфор вытащили воины. Тыкали копьями в песок — не спрятано ли что в нем.

— Вино и масло, — сказал Горгий бритоголовому. — Еще египетские благовония...

— Это весь твой товар? — презрительно спросил тот.

Горгий заколебался. Все равно ведь обшарят корабль, уж лучше сказать правду.

— Еще янтарь...

— Показывай.

Горгий взглянул на свои руки, прикрученные к бокам. Повинуясь жесту бритоголового, воин развязал ремни. Горгий повел важного карфагенянина в дощатую каюту. Стража двинулась было следом, но тот взмахом руки пригвоздил ее к месту.

В каюте карфагенянин уселся на скамью, по-домашнему ослабил перевязь, распустил живот. Горгий достал из тайника мешочки с янтарем. Карфагенянин долго разглядывал золотистые и зеленоватые куски. В брюхе у него урчало, взгляд уже не был жестким. Отобрал штук десять, сунул за пазуху. Корабль качнулся, он чуть не сполз со скамьи — Горгий деликатно придержал опасного гостя за круглый локоть.

— Светлая Танит! — вздохнул карфагенянин. — Люди по твердой земле ходят, едят жареных молочных щенят... искусные женщины их развлекают... А мы с тобой, грек, болтаемся в море, как луковицы в тощей похлебке.

Горгий удивленно посмотрел на него: уж не ищет ли бритый сочувствия? Решил промолчать.

— Верно говорю? — не отставал карфагенянин. Пришлось Горгию согласно кивнуть.

— Что поделаешь, служба такая. — Карфагенянин еще расслабил перевязь, поставил меч между коленей. — Ты меня не бойся, грек. С тебя и взять-то нечего: товар твой — кал собачий.

Вдруг ослабился, ткнул Горгия большим пальцем под ребро: пошутил.

Играет со мной, как лиса с зайцем, подумал Горгий, отирая взмокшие ладони о гиматий.

— И корабль у тебя — поганая лохань. Верно говорю?

И опять согласился Горгий. А сам подумал: много ты понимаешь, базарный вор... Одного свинца на обшивку днища двести талантов пущено...

— Что ж с вами, греками, делать? — размышлял вслух карфагенянин. — Людишки у тебя — дохлятина, много за них не дадут. Сам ты, верно, ничего — камни таскать годишься... Ну, что посоветуешь?

Горгий молчал, тоскливо глядя на тесаные доски палубы.

— Ну вот что. Посидел я у тебя — и хватит. Дух тут тяжелый. Вижу, хитер ты, грек, не хочешь по-приятельски рассказать, почему с таким дрянным товаром пускаешься в такую даль. И не надо. Неохота мне портить слух твоим враньем. Плыви-ка себе дальше, в Тартесс.

У Горгия будто холодная змея по кишкам проползла. Играет, пес бесстыжий, издевается...

Карфагенянин приподнял тяжелые веки, с интересом посмотрел на Горгия.

— Чего же не пляшешь, грек, от радости? Думаешь, шучу? Понравился ты мне, клянусь светлой Танит. Хочу с тобой еще раз повидаться — когда пойдешь обратно из Тартесса. Да и ты, верно, захочешь похвастать, показать старику Падрубалу — это меня так зовут, — каких товаров наменял в богатом Тартессе, да обгадят его боги сверху донизу... Ну, чего не радуешься?

— Я радуюсь, господин, — выдавил из себя Горгий. — Боги воздадут тебе за доброту...

А сам напряженно думал: вот же что замыслил разбойник, тартесский товар ему больше по душе.

Отсрочку дает, а там не миновать рабства... И вдруг вспомнил про сухой путь из Тартесса до Майнаки. Быстро прикинул в уме, сколько можно в Тартессе выручить за корабль и во что обойдутся быки с повозками...

Падрубал поднялся, отшвырнул ногой скамью, затянул перевязь.

— Теперь запомни. — По жесткому его голосу Горгий понял, что шутки кончены. — Найдешь в Тартессе, в квартале моряков, канатную лавку купца Эзула. Отдашь ему вот это. — Он протянул Горгию узкий ремешок локтя в два длины. — Скажешь: от Падрубала. Сделаешь, как велю, — на обратном пути пройдешь Столбы без помехи. Но если не отдашь ремешка Эзулу или покажешь другому, то берегись, грек!

— Сделаю, как велишь, господин.

Уже в дверях Падрубал обернулся вполоборота, добавил голосом, идущим из утробы:

— Не помышляй о сухопутной дороге на Майнаку — она для тебя закрыта.

Воины пировали на палубе: прямо из амфор лили себе в глотки вино, орали, гоготали. При появлении Падрубала унялись, повскакали, вытирая ладонями губы. Неспешно перелез Падрубал, показав жирные икры, через борт на свой корабль. Воины поспешили за ним. Последним покинул греческую палубу военачальник; прощальный его взгляд обжег Горгия лютой ненавистью.

Колдуны проклятые, беспокоило подумал Горгий, в мыслях читают... Это почему же закрыта для меня сухая дорога?

Но раздумывать было некогда. Скорей бы убрать-

ся с глаз долой. Парус принял ветер, гребцы навалились — птицей полетел корабль прочь от опасного соседства. Диомед дернул Горгия за полу:

— Чем ты отвадил карфагенянина, хозяин?

Горгий не ответил: подсчитывал пустые и разбитые амфоры, прикидывал в быстром уме убытки. Подумал с веселой злостью: хоть и хитер ты, Падрубал, а дурак, не разгадал, что за песочек везем мы в Тартесс. С виду и верно простой песок для балласта, а на самом деле — нет ему цены, наждаку с острова Наксос. Нигде в мире такого не сыщешь. Без наждака разве обточишь металл? Резать ли — под пилу подсыпать, сверлить — под сверло. Вот тебе и дрянной товар, карфагенская собака! Да на этот товар тартесские мастера накинута, как мухи на мед.

С кормы донесся хриплый хохот: Диомед непристойными телодвижениями посылал удаляющемуся карфагенскому кораблю прощальный привет.

Сгущались на востоке сумерки. А закатная сторона неба была словно кровью залита. Там, впереди, сближались берега. Наплывала справа огромная каменная гора — черная на алом небе.

Ветром подхватило корабль, понесло из Моря в реку Океан, мимо Геракловых Столбов, поддерживающих небо.

— 3

наете, я сейчас подумал: будь всемогущие боги умнее, они бы сделали все проливы пошире. Ужасно неприятно, когда в узком месте подкарауливает тебя субъект вроде вашего Падрубала.

— Да, конечно. В те времена еще не было конвенции о проливах.

— В наше время конвенция есть, но с проливами тем не менее далеко не все благополучно. Не в конвенции дело.

— А в чем же, читатель?

— Узость мест полезно компенсировать шириной взглядов.

— Что верно, то верно.

ГЛАВА 3

По торговым делам

Долго плыли вдоль скучного песчаного берега. И вот за крутым поворотом открылся вдаль, в знойном мареве полудня город Тартесс. Над городом низко стелилось рыжеватое облако — оно будто нанизано было на корабельные мачты.

Горгий повидал на своем веку портовых городов. Кишела кораблями глубоко врезанная в берег бухта Фокеи. Немало их приплывало в Милет и Пилос. Но такого леса мачт, какой открылся сейчас его жадному взгляду, Горгий еще не видывал.

Бухты Тартесс не имел — берег острова, на котором он стоял, был низким и ровным. Зато далеко в море вытянул он каменные и деревянные причалы. В западной части города у самой воды стояли крепостные стены с зубчатыми башнями. За стенами высилось огромное изжелта-серое строение, увенчанное тремя гребнями.

— Дворец царя Аргантония, — сказал кормчий, проследив взгляд Горгия.

Правее дворца поднималось над стеной еще одно крупное здание — по виду храм. По бокам тонкие башенки, словно пальцы, воткнутые в небо, в середине массивный купол, смотреть на него — глазам больно.

— Чистое серебро, — сказал кормчий.

Горгий поцокал языком — детская привычка, над которой немало потешались фокейцы. Начал было прикидывать, сколько талантов серебра пошло на такую кровлю, да сбился со счета.

Еще правее крепостная стена уходила в глубь острова, и дальше начинался обычный с виду город: разбросанные домики с плоскими крышами, купы деревьев, склады, верфи.

Впереди покачивалось несколько гребных судов. На одном весла пришли в движение, разворачивая судно поперек дороги, на помосте появились люди с копьями, секирами.

Горгий знал порядки — велел спустить парус. Гребное судно подошло вплотную. Товар морские стражники только окинули скучающим взглядом, зато людей осмотрели придирчиво: заставляли разевать рты, заглядывали под мышки. Диомед и ногу поднял для добросовестности. Хмурый стражник усмехнулся.

Обошлось: заразных не оказалось.

Кормчий старательно повел корабль по обозначенному вешками пути к главному причалу, как велела стража.

Не успели завести канаты, а уж на причале собралась толпа — все больше курчавые, бронзоволицые, полуголые. Кричали что-то на своем языке, раз-

махивали руками. Густо запахло рыбой и чесноком. В толпу вклинились люди в желтом, древками копий расчищая дорогу, и в проходе появился невиданно разряженный человек. Было на нем много слоев разноцветного полотна, в квадратном вырезе на шее — богатые ожерелья, на руках до локтей — серебряные змеи с цветными камнями вместо глаз. Куда ни глянь — чистое серебро: на нагрудных пряжках и ремнях сандалий, на полотняной шапочке. Черная борода и усы завиты колечками. В одной руке щеголь держал игрушечную амфору, часто подносил ее к носу — видно, вдыхал благовоние. Другой рукой вел на цепочке пушистого ливийского зверька — кошку в серебряном ошейнике.

«Вырядился, как гетера, ожидающая знатного гостя», — неодобрительно подумал Горгий. Легко им тут, видно, серебро достается...

Он поспешно сошел на причал, остерегаясь поскользнуться на рыбьей чешуе. Поклонился, приложил руку к сердцу.

Завитой заулыбался, сказал по-гречески, излишне твердо выговаривая «т» и «р»:

— Приветствую фокейский корабль в великом Тартессе.

— Приветствую и тебя, господин, — ответил Горгий.

— Можешь называть меня просто... как это по-вашему... Блестящий... Нет, блистательный. Давно не видели мы фокейских парусов в Стране Великого Неизменяемого Установления.

Речь завитого текла церемонно и гладко, но при этом смотрел он больше не на Горгия, а на кошку,

которая приняживалась к рыбьим обглодкам — их валялось много на досках причала.

— Дорога стала опасной, блистательный, — объяснил Горгий. — В море появилось много разбойников. Гнались они за мной возле Ихнуссы...

— Оставим Ихнуссу. — Завитой остро взглянул на Горгия. — Как ты прошел Столбы?

— Боги помогли мне. — Из осторожности Горгий решил не вдаваться в подробности.

— Боги всемогущи, — охотно согласился завитой, — но, как известно, в Столбах стоят карфагенские дозоры.

— Спасибо майнакскому архонту, надумил меня пройти Столбы безлунной ночью.

Завитой в раздумье понюхал благовоние. Тут он увидел, что кошка, задрав морду, чешет задней ногой под ухом. Гневно посмотрел на толпу: не оттуда ли блоха? Стражники в желтом закричали, надвинулись, размахивая копьями, на толпу, потеснили ее; несколько человек свалилось с причала в мутную воду.

Завитой еще немного порасспросил Горгия: какой товар привез, что желает получить в обмен. Посоветовал навестить торговые дома двух-трех именитых тартесских купцов. Во время его речи кошка подошла к Горгию потереться. Тошнехонько стало Горгию, но стерпел, не пнул зверька ногой.

После ухода блистательного снова прихлынула к сходне толпа. В быстром тартесском говоре почудились Горгию знакомые слова. Кормчий немного понимал по-тартесски. Объяснил, что эти люди — кха! — хоть сейчас готовы начать разгрузку, и не

грех было бы угостить их вином. Осмотрительный Горгий решил с разгрузкой не торопиться. Угощать тоже не пожелал: и без того немалый убыток понес в Столбах от непрошенных гостей.

Сразу за верфями и складами раскинулась многолюдная базарная площадь. Горгий, сопровождаемый Диомедом, неторопливо шел меж торговых рядов, зорко поглядывал, кто что продает. Приценивался к маслу и вину, пробовал на вкус. Щупал полотна и шерстяные ткани, про себя отметил: шерсть хороша и цветом и выделкой. Рыбные ряды, что спускались к берегу, где сбились у грязного причала рыбацьи лодки, Горгий прошел бегом. За долгие месяцы плавания сушеная рыба поперек горла стала. С души воротило от чада жаровен.

В гончарном ряду удивленно уставился на невиданный сосуд — большую красную трубу, закрученную спиралью. Тощий гончар перехватил недоуменные взгляды греков. Взял коричневыми руками трубу, сунул узкий ее конец в рот — из пасти раструба вырвался громовой звук. Диомед испугался — побежал было, но тут же любопытство превозмогло страх. Вернулся, жестами показал гончару: позволь, дескать, дунуть разок. Пристроился, дунул — труба издала лишь жалкое хрипение. Как ни пыжился Диомед, как ни надувался воздухом, ничего у него не получалось, только слюней напустил в трубу. Уж и народ стал вокруг собираться. Горгий силком оттащил матроса от диковинки. Не любил привлекать внимание.

Мычали быки под навесами, покрикивали торгов-

цы, расхваливая товар. Бойко торговались тартесские женщины — все они были закутаны в темные пеплосы, у всех на головах кожаные митры, от которых с боков свисали, прикрывая уши, медные диски. Горгий поглядывал на женщин, иные из них были красивы броской южной красотой.

О матери у Горгия было лишь смутное воспоминание: восьмилетним мальчишкой увез его милетский купец из родной Колхиды. Но чудились почему-то в резко очерченных лицах тартесситок полузабытые черты...

И еще тревожило странное ощущение: будто слышал уже когда-то гортанный тартесский говор. Давно замутнились в памяти видения колхидских гор, давно отзвучала в ушах речь тамошних иберов. В Милете, а затем в Фокее, куда был продан Горгий в рабство заезжему купцу, привык он считать родным греческий язык. Отчего же взволновал его базарный гомон в чужом, безмерно далеком городе?

Он посмотрел на крепостные стены, к которым примыкал базар. За стеной жарко сверкал на солнце купол храма. На крепостных башнях скучала стража. Просторное небо было пустым и выцветшим от зноя. Все чужое. Все непохожее. Откуда ж эта странная тоска? Почему богам угодно повернуть его мысли к началу жизни?

Топот и громкие крики прервали размышления Горгия. На базарную площадь рысью въехал конный отряд. Всадники в защитных доспехах из толстой желтой кожи рассыпались по рядам, опрокидывая лошадиными крупами, а то и смахивая копытами с прилавков товары. Торговцы с воем кинулись кто

куда, прижимая к груди плетеные корзины, пифосы, мешки. Всадники, гогоча, вытягивали их по спинам, по головам мечами в кожаных ножнах. Храпели, взвивались на дыбы кони. Кого-то связали веревками, погнали с площади. Иные торговцы торопливо совали всадникам серебряные монеты — этих не трогали. Ручьями растекалось вино из разбитых сосудов, перемешиваясь с маслом, рыбьим рассолом, конским навозом. Заскрипели повозки, ошалелые возничие понукали медлительных быков. Рыбаки прыгали в свои лодки, шестами отталкивались от берега.

Скорым шагом, сторонясь всадников, Горгий с Диомедом покинули торжище, что так неожиданно превратилось в побоище.

Квартал моряков начинался от базарной площади и тянулся на восток вдоль южного берега острова. Улицы здесь были вымощены тесаным камнем, дома сложены из желтовато-белого известняка. Над глухими стенами свешивались пыльные ветви деревьев.

Прохожие выглядели почище, чем толпа в порту или на базаре. Да оно и понятно: в квартале жили купцы Тартесса и кормчие принадлежавших им судов. А мощна у тартесских купцов набита туго — всему миру известно.

По расспросам Горгий быстро нашел дом купца Амбона. Это имя упоминал Критий, наставляя Горгия перед отплытием из Фокеи. Его же первым назвал нынче блистательный.

Амбон принял Горгия во внутреннем дворике, в

тени шелковицы. Не отягощенный одеждой, сидел он на мягких подушках на краю бассейна, свесив ноги в воду, — важный, толстощекий, с завитой бородой. Раб отгонял от него опахалом мух. Горгий не заставил себя упрашивать — подобрал полы гиматия, скинул сандалии, тоже погрузил ноги в прохладную водичку.

Амбон хорошо отозвался о Критии — достойный, дескать, человек. Спросил, почему сам Критий не приплыл в Тартесс. Важно покивал, услышав в ответ, что почтенный фокейский купец болеет животом да и по старости лет опасается пускаться в столь далекое плавание. Искоса посмотрел на Горгия, спросил, какие товары желательны Критию.

Таиться было нечего: пошел нужный торговый разговор. Коротко рассказал Горгий об опасности персидского нашествия, о нужде в хорошем оружии для защиты Фокеи.

— Есть олово в слитках, — сказал Амбон. — Недавно вернулись мои корабли с Оловянных островов. Медь тоже найдется. А бронзу из них вы и сами умеете выплавлять.

— Умеем, — согласился Горгий. — Но потребно нам, почтенный Амбон, иное. Сильно просит тебя Критий продать, — тут Горгий стал загибать пальцы, — мечи, наконечники копий в пол-локтя, нагрудные латы, поножи из черной бронзы.

— Черная бронза? — Амбон насторожился. — Видно, ты плохо меня расслышал, фокеец. Я тебе толкую про олово.

— Слышали мы, почтенный Амбон, что меч из тартесской черной бронзы перерубает обыкновен-

ный. Понимаю, это ваша тайна, но ведь я не допытываюсь, как ваши оружейники плавят ее...

— Талант олова за талант твоего наждака, — твердо сказал Амбон. Он, не глядя, протянул руку назад, принял от раба амфорку с благовонием, поднес к волосатым ноздрям.

Уклоняется, подумал Горгий. Не по-торговому разговор ведет. Ногами в воде болтает да снадобье свое нюхает, будто от меня смердит...

Вслух сказал:

— Так как же насчет черной бронзы, почтенный Амбон? — Доверительно добавил: — Есть у меня и янтарь первейшего сорта.

Тартессит сухо проронил:

— Завтра пришлю к тебе на корабль человека. Посмотрит, что у тебя за товар, тогда и решим, сколько олова можно дать.

Грязная узкая протока отделяла квартал моряков от квартала оружейников. Здесь стеной стоял высокий камыш. А дальше, сколько охватывал глаз, разливался в топких берегах желтый медлительный Бетис. Вдоль густых камышовых зарослей бродили цапли, копались в иле длинными клювами. Здесь, на краю квартала, и разыскал Горгий канатную лавку купца Эзула.

При лавке была мастерская. В длинном, пропахшем болотной гнилью сарае десятка два рабов лениво теребили камышовое волокно, вили канаты, плели корзины и циновки.

Купец Эзул был худ и неопрятен. Весь отпущенный ему богами волос рос ниже глаз — на голо-

ве не было ничего. Он жевал пряник, роняя липкие крошки в нечесаную бороду, скрипучим голосом покрикивал на рабов.

— Говори скорее — что надо? — буркнул он на плохом греческом, приведя Горгия в убогую каморку за мастерской. — Я по бедности надсмотрщика не держу, сам управляюсь с этими ленивыми скотами.

Горгий и не собирался долго с ним разговаривать. Достал из-за пазухи карфагенский ремешок, подал Эзулу:

— Это тебе шлет Падрубал.

Эзул проворно выглянул из каморки, покрутил головой — нет ли кого поблизости. Вытащил из-за груди корзин круглую палочку, обмотал вокруг нее спиралью ремешок Падрубала. Долго шевелил губами, водя глазами по палке.

Тайное письмо, подумал Горгий. А так, не навивая на палку, посмотришь — вроде узор выжжен. Ну, не мое это дело.

— Прощай, — сказал он и шагнул к двери.

— Не торопись, фокеец. Не хочешь ли отведать моего вина?

Отказаться — обидеть. Горгий принял чашу, с отвращением поднес ко рту. Вино оказалось на удивление: так и прошибло Горгия медовым духом, даже в ноздрах защекотало.

В бесцветных глазах Эзула мелькнула усмешка.

— Полагаю, — проскрипел он, — почтенный Амбон потчевал тебя вином получше?

— Вино твоё превосходно, — сказал Горгий. — Но я тороплюсь...

— Торопливая стрела летит мимо цели. Сядь,

фокеец. После разговора с Амбоном тебе некуда торопиться.

— Откуда ты знаешь, о чем я говорил с Амбоном?

— Я знаю почтенного Амбона. Он не сделает ни шагу за пределы Неизменяемого Установления.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— И не старайся, чужеземец. Амбон скоро получит титул блистательного. — Эзул захихикал. — Хорошо, что живет в Тартессе старый Эзул. Кроме него, никто не поможет тебе разжиться оружием.

Непростой человек, подумал Горгий, устраиваясь на скамье поудобнее.

— Если ты и вправду берешься мне помочь, — осторожно начал он, — то в накладе не будешь. Мне нужно готовое оружие из черной бронзы: мечи, наконечники...

— Да будет тебе известно, фокеец, что царский указ запрещает вывозить черную бронзу из Тартесса. Кто нарушит указ, тот и почесаться не успеет, как угодит на рудник голубого серебра.

Горгий знал от бывалых мореходов, что существует в Тартессе великая тайна голубого серебра. Но если оружие из черной бронзы изредка попадало в руки иноземцев, то голубого серебра никто никогда не видел, только смутные слухи о нем ходили.

Спросил с притворным простодушием:

— Голубое серебро? А что это такое?

— Не лезь, фокеец, в дела правителей великого Тартесса. Тебе нужно оружие из черной бронзы? Старый Эзул поможет тебе.

— Хорошо, — сказал Горгий. — Приди ко мне на корабль, посмотри товары...

— Опять торопишься. Когда настанет время, я пришлю человека. Ко мне больше не ходи.

Серой ящерицей выскользнул Эзул из каморки. Горгий последовал за ним. Выходя, услышал скрипучий голос из сарая:

— Эй, шевелитесь! Не будет вам сегодня корму за такую работу!

— Вы задумались, читатель?

— Да, видите ли, немножко странно, что Горгию, выходцу из Колхиды, чудится нечто знакомое в языке тартесситов. Где Колхида и где Испания?

Вот послушайте, что пишет древнеримский историк Аппиан: «Азиатских иберов одни рассматривают как колонию иберов европейских, другие — как отцов последних, третьи полагают, что у них нет ничего общего, кроме имени...»

— И это доказано?

— Нет. Более или менее доказано, что пиренейские иберы — выходцы из Африки.

ГЛАВА 4

Горгий встревожен

Царь Аргантоний плескался в бассейне. Вокруг стояло несколько приближенных — первые люди Тартесса. Им было даровано почетное право лицезреть царскую особу без одежды. Более того: иногда они удостоивались высочайшей чести — приглашались царем в бассейн для беседы о государственных делах.

Вот и сегодня.

— Павлидий! — позвал царь.

Верховный жрец вострепелся, разжал тонкие губы.

— Иду, Ослепительный!

Как был, в многослойных одеждах и сандалиях; плюхнулся в бассейн, по горло в воде заспешил к царю. Аргантоний, потирая костлявые плечи, посмотрел на него из-под строгих седых бровей.

— Что нового в Тартессе?

Павлидий заученно ответил:

— В Стране Великого Неизменяемого Установления не может быть ничего нового. Народ благословляет твое имя, Ослепительный!

Придворные, что стояли

по краям бассейна, выкрикнули громким нестройным хором:

— Вечно свети нам!

Аргантоний лег на спину, задвигал ногами. Верховный жрец медленно поплыл сзади, стараясь не брызгать. Одежды вздулись у него на спине желтым пузырем.

— Во дворце нечем стало дышать, — сказал Аргантоний. — Что там делают в городе? Почему столько дыма?

— В кварталах оружейников... и медников... дымят горны... — Павлидию трудно было говорить, он часто дышал.

Царь подплыл к ступеням бассейна, сел, выпростал из воды длинную седую бороду. Павлидий почтительно стоял перед ним по горло в воде.

— Третьего дня, — доложил он, — карфагеняне нагло напали в море на корабли купца Амбона, идущие с Оловянных островов. Если бы не попутный ветер...

— Хорошо, что ты напомнил об Амбоне. Кажется, я еще не подписал указ о его производстве в блистательные?

— Нет, Слепительный. Это достойный подданный, ни разу не замеченный в сомнениях. Он уже сделал в твою казну большой взнос.

— Передай Амбону: пусть поднимет вдвое восточную стену. Вели пригнать рабов. За прокорм и камень пусть платит он.

— Будет исполнено! — Павлидий склонил голову, клюнул воду ястребиным клювом.

— Высокорожденным не пристало нюхать дым, — изрек царь.

— Прекрасно сказано, — громко зашептались придворные. — Такие слова надо чеканить в серебре...

— Разреши доложить, Ослепительный, — сказал Павлидий. — Стало мне известно, что карфагеняне собирают войско, чтобы идти на Тартесс войной. Их отряды стоят в Гадире. Их флот...

Аргантоний в сердцах ударил кулаком по воде.

— Ощипанная цапля на кривых ногах — вот что такое твой Карфаген.

Придворные не смогли сдержать восторга, закричали:

— Какая глубина! И вместе с тем точность!.. Цапля на кривых ногах!

— Ощипанная, — веско добавил Павлидий, скользнув взглядом по придворным. Никому не было дано права укорачивать высказывания царя.

— Никто не смеет угрожать моему царству, — сказал Аргантоний. — Как идет Накопление?

— С начала месяца в Сокровенную кладовую доставлено два пирима голубого серебра.

— Два пирима за целый месяц? Верховный жрец, ты забыл о своей главной обязанности.

— Я не забыл. Как можно, Ослепительный! Кроме того, месяц еще не кончился...

— Ты забыл. Ну-ка скажи, что повелел бог богов Нетон?

С самого начала разговора Павлидий видел, что царь не в духе. Видно, опять у него жжение в кишках. Все труднее приходилось ему с Аргантонием: в последние годы стал он нестерпимо капризен. Каждое слово поперек поворачивает. Сколько же лет еще отпущено ему богами?

Но вопрос требовал ответа, и Павлидий, скрыв раздражение, привычно забубнил:

— И повелел бог богов Нетон: ничто не должно изменяться, и непреложен закон, и да стоит царство, пока накапливается крупица за крупицей голубое серебро.

— Пока крупица за крупицей накапливается, — поправил Аргантоний. — Я же сказал, что ты забыл. Помнить неточно — все равно что забыть.

— Ты прав, Ослепительный. Я помню, но неточно. — Павлидий решил не сердить царя.

— Ты не хочешь, чтобы шит Нетона был готов поскорее.

— Я хочу, Ослепительный, как можно!

— Кто хочет, тот старается.

— Я очень стараюсь, Ослепительный. Поверь, я строго слежу. Но, как известно, голубое серебро не просто дается в руки. Мрут рабы на руднике...

— Надо пополнять! Или, может быть, на плоскогорье перевелись цельбицены? — в голосе царя слышалась ирония.

Павлидий благоразумно смолчал, не стал сердить царя сообщением, что подлые цельбицены, да и другие племена на плоскогорье — все эти лузитане, индигеты, илеаты — приобрели скверный обычай яростно сопротивляться тартесским конным отрядам.

— Или перевелись преступники в самом Тартесе? — продолжал Аргантоний, пересев на ступеньку повыше (он строго придерживался совета придворного врача: выходить из воды постепенно).

— Я ревностно их разыскиваю, Ослепительный.

— Преступники всюду! Сколько рабов потребно

для рудников, столько чтобы было мне и преступников.

— Будет исполнено. — Павлидий снова клюнул воду. — Разреши доложить, Слепительный: в Тартесс пришел фокейский корабль.

— Давно не приплывали. Хорошо. Фокейцы не цельбицены. Миликон! — позвал царь.

— Иду, Слепительный! — Пышно разодетый вельможа с крупным холеным лицом и завитой каштановой бородкой проворно сбежал по ступеням в бассейн, стал рядом с Павлидием.

— Прими фокейца как следует, Миликон. Греки — союзники Тартесса. Вели купцам принять его товар и отгрузить ему олова.

— Стало мне известно, — заметил Павлидий, — что фокейцу не олово потребно, а готовое оружие из черной бронзы.

— Это он, должно быть, по неразумию, — сказал Миликон с добродушной улыбкой. — Не знает наших законов. Я объясню фокейцу, Слепительный.

— Позови его ко мне на обед. Я сам объясню.

С этими словами царь Аргантоний поднялся во весь свой высокий рост. Двое придворных кинулись к нему с полотенцами.

Амбон не обманул — прислал на корабль сведушего человека. Тот говорил мало, больше смотрел. Подкидывал на жесткой ладони горсть наждака, удовлетворенно кивал. Сказал, что его хозяин намерен взять весь груз наждака — талант за талант олова в слитках. Часть олова, если фокейцу угодно, можно заменить медью.

Горгий угостил сведущего человека вином, стал осторожно выпрашивать — в каких товарах нужда, хорошо ли платит хозяин морякам и ремесленникам, какие нынче цены на масло и полотна. Сведущий человек вино пил исправно, но больше помалкивал, почесывал раздвоенный кончик носа. Однако после четвертого фиала вдруг повеселел, разговорился. Оказывается, был он вольноотпущенником, и выходило по его словам, что лучше его в Тартессе никто в бронзовом литье не смыслит. А узнав, что Горгий из бывших рабов, обрадованно ткнул брата-вольноотпущенника кулаком в бок. И пошел у них совсем уже хороший разговор — кому хозяин больше платит, да каков корм, ну и все такое.

После шестого фиала нос тартессита по цвету сравнился с вином.

— Брось ты свою... как ее... Кофею, — лопотал он, глядя на Горгия пьяненькими рыжими глазками. — Чего там хорошего — козым сыром брюхо набивать... Оставайся у нас, Горгий. Каждый день жирную ба... баранину... Шепну хозяину слово — он тебя возьмет... Он без меня и шагу не ступит. Без меня он бы — вот!

Довольно ловко он сплюнул в трещину между палубных досок.

— Не просто это, — отвечал Горгий. И добавил, чтобы отвязаться: — Там у меня женщина, которую хочу взять в жены.

— Ме-е-е! — проблеял тартессит, всем видом выражая величайшее презрение. — Женщина! Да их у нас тут сколько хочешь! Тебе какую — потолще? — Он встал, шатаясь, направился к двери каютки. — Сейчас приведу...

— Постой, не к спеху. — Горгий поймал его за полу, усадил. — Я бы, пожалуй, остался, да боюсь, не смогу с вашими мастерами сравняться. Вы же не только обычную бронзу льете, а и еще кое-что к меди добавляете...

— Да это — тьфу! — Посланец Амбона снова сплюнул. — Выучу я тебя. Самоцветный порошок любой дурак добавит, был бы он только под рукой. Налей еще вина!

Выпили.

— Самоцветный порошок? — переспросил Горгий. — Посмотреть бы...

— А вот я с обозом на рудники поеду — возьму тебя с собой. Клянусь Быком! Меня там начальник знает, Индибил, блистательный... Да что блистательный! Сам све... светозарный Павлидий меня знает! Думаешь, вру? Клянусь Быком! Он часто у Амбона бывает... У-у-у, Павлидий! — прогудел он, округлив глаза. — Боятся его до смерти... Чуть что — на рудники, а там знаешь как? Лучше удавиться... Да вот, послушай!..

Он протянул над столом жилистую руку, схватил Горгия за ворот, притянул к себе, доверительно прошептал, брызгая слюной:

— Басня такая ходит, будто перед праздником Нетона царь с Павлидием задумались: как бы поделшевле угостить народ и чтоб доволен он был... Дальше слушай! Спросил Павлидий у богов, а боги ему: удавитесь оба, говорят, вот и дешево будет и народу праздник...

Тартессит пьяно заблеял, затрясся от смеха. Вдруг разом умолк, оторопело уставился на Горгия, раскрыв рот с редкими зубами.

— Ничего я тебе не говорил... нич-чего! — прошипел он. — И знать тебя не знаю!

Откуда только в нем, хмельном, такая прыть взялась — опрометью кинулся прочь.

Горгий, усмехаясь в черную бороду, вышел из каютки поглядеть. Вольноотпущенник Амбона мчался по причалу, расталкивая портовых людей. Истинно — как от чумы удирал.

А купец Эзул так и не прислал своего человека...

Грызла Горгия беспокойная мысль: не зря ли доверился Эзулу, что он за человек? Карфагенским псам, видно, служит, затаил злобу на родной город. Ну, это не его, Горгия, дело. Он должен исполнить повеление хозяина, привезти в Фокею оружие (хорошо бы — из черной бронзы!), и тогда Критий, как обещал, возвысит его, возьмет к себе в долю. Критий стар и сам понимает, что нужно передать торговое дело в надежные руки. Так-то вот... Пусть этот Эзул служит кому угодно, хоть мрачным силам Аида, лишь бы сдержал слово. И Горгий в который уже раз начинал прикидывать, сколько выручит за продажу корабля и во сколько обойдутся быки с повозками, чтобы пройти сухим путем до Майнаки, а там надеялся он нанять корабль до Фокеи. Жалко, очень жалко было Горгию продавать корабль (шутка ли — сколько свинца ушло на обшивку), но иного выхода он не видел. Испытывать еще раз судьбу, лезть напролом через Столбы — на это, видят боги, и неразумный ребенок бы не решился.

День перевалил за полдень. Жаркое солнце Тартесса так накалило палубу, что в щелях меж досок плавилась смола — босой ногой не ступишь. Духота загнала гребцов и матросов в воду: кто плавал возле

корабля, кто просто сидел в воде, держась за спущенный канат или за сваи причала. Горгий с завистью подумал о тенистом дворике и прохладном бассейне купца Амбона.

Обедала команда вяло: кусок в рот не лез при такой жарнице. Все были в сборе, кроме Диомеда. Еще утром Горгий с несколькими матросами отправился на базар, продал десятка три амфор с маслом и вином — часть за деньги, часть за бараньи тушки, лук и ячменную муку (пшеничную брать не стал — дорогò больно). Собрались с базара домой — Диомед привязался, как репей к гиматию: дозвожь, мол, остаться ненадолго, еще раз поглядеть на ту диковинную трубу. Прямо малый ребенок. Велел ему Горгий через час быть на судне.

Вот уже солнце за полдень, а Диомеда все нет.

Горгий начинал тревожиться не на шутку. В этом городе держи ухо востро. Припоминал вчерашнюю облаву на базаре. Уж не угнали ли желтые всадники Диомеда вместе с другими бедолагами, не сумевшими откупиться? Денег-то у Диомеда не было...

А может, стоит в гончарном ряду, дует в закрученную трубу, и горя ему мало, обо всем позабыл?

Могло быть и так.

Не выдержал Горгий, пошел на базар — посмотреть, как и что. Портовые закоулки кишели пестрым людом — полуголыми грузчиками, мелкими торговцами, подвыпившими матросами. Горгий скромненько проталкивался сквозь толпу — вдруг навстречу всадники в желтом. Лошади шли шагом, портовый люд спешно очищал им дорогу. Ехавший впереди безбородый человек в высокой шапке держал в руке серебряную палку, обвитую лентами. Потрясал пал-

кой, что-то кричал зычным голосом. Горгий высмотрел в толпе человека почище, моряка с виду, дернул его за рукав, спросил, о чем кричит безбородый. Тот окинул Горгия быстрым взглядом, ответил на плохом греческом:

— Новое царское повеление выкрикивает: отныне считать Карфаген... как это... голый цаплей на кривых ногах.

— Голый цаплей?

— У которой нет перьев, — пояснил тартессит.

— Общипанной цаплей, — догадался Горгий.

— Верно! А ты с фокейского корабля!

— Да. — Горгий поспешил прочь.

Он шагал по пыльной дороге и невольно вспоминал карфагенян — Падрубала и того, молодого, с яростными глазами. Общипанная цапля — как бы не так, думал он, дивясь странному царскому указу.

Издали увидел еще группу всадников — там тоже выкликали указ. Видно, по всему городу разъезжают, чтоб, избави боги, никто не остался в неведении...

Торговые ряды сильно поредели: базарный день заканчивался. Все же Горгию повезло — разыскал тощего гончара с трубой, как раз тот укладывал в возок свой товар. Кое-как объяснились. По словам гончара выходило, что, верно, подходил к нему грек с бородкой, опять пробовал дуть в трубу. Дул, дул, а потом что-то сказал, сам засмеялся и ушел. Куда ушел? Гончар махнул в сторону порта. Больше он ничего не знал.

Ну, не иначе, как в винном погребе сидит Диомед, нашел, видно, собутыльника, угощается на даровщинку. Горгий огорченно поцокал языком.

Вернулся в порт, заглянул в одну винную лавку, в другую. Народу всюду полно, а Диомеда нет. Разыскал еще погреб, спустился в душную, пропахшую бараньим салом полутьму. За длинными нечистыми столами ели, пили, галдели люди, моряки по обличью, над ними тучами роились мухи. Какой-то пьянчуга спал, навалившись грудью на стол и уронив лохматую голову на скрещенные руки.

Диомеда не было и здесь.

Один из едоков привстал, замахал Горгию: подсаживайся, мол. Горгий узнал в нем давешнего моряка, который объяснял про ошипанную цаплю. Сделал вид, что не заметил приглашения, повернулся к выходу — не тут-то было! Моряк подскочил, ухватился за гиматий, чуть ли не силком усадил.

— Отведай, грек, моего пива, — сказал он, — и все заботы с тебя сразу слетят.

С грубого лица моряка смотрели бесстрашные глаза. Он был молод, борода еще не росла как следует, только пух покрывал загорелые щеки. Нос у него был как у хищной птицы.

— Мои заботы — не твоя печаль, — сухо ответил Горгий, раздосадованный неожиданной задержкой.

— Верно, грек! — весело воскликнул моряк. — Вот и выпей, чтобы твои заботы и мои печали обнялись, как родные братья.

И он налил Горгию из пузатого пифоса светло-коричневой жидкости и заставил его взять чашу в руки. Пиво было приятное, горьковатое, с резким полынным духом. Ни в какое сравнение не шло с просяным египетским пивом, которое Горгию доводилось пить прежде.

— Э, нет, грек, пей до дна! Вот так. Это не простое пиво — дикарское. На Касситеридах его варят из зеленых шишек. Тебя как зовут?

— Горгий.

— А меня — Тордул.

Сидевший напротив долговязый юноша с изрытым оспой лицом поправил насмешливо:

— Блистательный Тордул.

Моряка будто оса ужалила в зад. Он схватил рябого за ворот, зарычал что-то по-тартесски. Тот дернулся, выдавил из себя несколько слов — должно быть, попросил прощения. Тордул отпустил рябого. В уголках его сжатых твердых губ белела пена. Горгий подивился такой вспыльчивости. Решил: надо поскорей уходить.

— Спасибо за пиво, Тордул, — сказал он. — Мне пора идти.

— Нет, Горгий, — отрезал моряк. — Ты должен выпить еще.

Горгий огляделся. Вокруг сидели и стояли люди мрачноватого вида. Пили, обсасывали бараньи кости. Горгию стало не по себе от устремленных на него взглядов. Уж не ловушка ли? — подумал он.

Однако и виду не подал, что встревожен. Спокойно отпил пива, вытер усы ладонью, сказал:

— Доброе пиво. Нисколько не скисло, хоть и везли его с очень далеких Касситерид.

— С очень далеких Касситерид? Гы-гы-гы... — Тордул будто костью подавился. — Ну-ка скажи, грек, долго ли ты плыл из Фокеи?

— Я отплыл в начале элафеболиона, а сейчас конец таргелиона... * Значит, три месяца.

* Примерно с 15 марта по 15 июня.

— Ну, так очень далекие Касситериды лежат отсюда куда ближе, чем твоя Фокея.

— Вот как. Но плыть туда, говорят, трудно. Там же море как студень и не поддается веслу...

Тордул опять зашелся смехом. Он перевел своим друзьям слова Горгия, и те тоже загоготали.

— Хитер же ты, — сказал Тордул, хлопнув грека по спине. — Но отправить меня на рудник голубого серебра тебе не удастся.

— На рудник? — удивился Горгий. — Послушай, у меня и в мыслях не было...

— Да будет тебе, Горгий, известно, что путь на Касситериды — одна из великих тайн Тартесса. Эй, Ретобон! — крикнул он рябому. — Ну-ка спой греку закон об Оловянных островах.

И Ретобон, повинуюсь, прочел нараспев:

Труден, опасен тот путь, что ведет корабли
к островам Оловянным,
Честь морякам, что ведут корабли потаенной
дорогой.

Если же кто чужеземцу расскажет великую
тайну,
Тайну пути на туманные, дальние Касситериды,—
Будет казнен заодно с чужеземным пришельцем:
Вырвав злодею язык, что поведал запретное
слово,

Тем языком и заткнуть согрешившее горло,
Дабы, дыханья лишив, наказать его смертью.
Все же именье злодея в казну отписать,
в Накопленье.

Тордул перевел все это Горгию и заключил:

— В Тартессе любопытных не любят. — Он покосился на лохматого, который, похрапывая, спал на краю стола. Понизив голос, продолжал: — Вот что

расскажи ты нам, Горгий. Бывали у вас в Фокее времена, когда коварный царедворец прогонял законного правителя на чужбину или обращал его в рабство?

Горгий осторожно ответил:

— Почтенный Тордул, я купец и не вмешиваюсь в такие дела...

— Не называй меня почтенным, не люблю я это. Отвечай, я жду. Здесь нет лишних ушей.

Угораздило же меня заглянуть в эту дыру, подумал Горгий, отирая с лица обильный пот. Впутают они меня в беду...

— Бывало, — сказал он тихо.

— Так я и думал. — Тордул придвинулся поближе. — А теперь скажи: как поступали у вас изгнанные правители?

— Ну... бежали в соседние города... Бывало, скликали народ и...

— Дальше! — потребовал Тордул, видя, что грек замялся.

— И шли войной на того, кто их изгнал.

— Клянусь Черным Быком, это по мне! — Тордул жарким взглядом оглядел притихших дружков.

— Это было в давние времена, — поспешно добавил Горгий, — сам я ни разу не видел...

— Скоро увидишь! — Тордул трахнул кулаком по столу.

Тут произошло непонятное. Лохматый, что спал с перепоя, вдруг сорвался с места, метнулся к двери. И выскочил бы, если б Ретобон не прыгнул вслед, не подставил беглецу длинную, как жердь, ногу. Лохматого потащили в темный угол, вокруг сгрудилось несколько человек... На миг увидел Гор-

гий безумно выпученные глаза, вывалившийся язык... Лохматый захрипел...

Топот ног, звон оружия — в погреб спускались стражники в желтых кожаных нагрудниках. В темном углу люди Тордула закидали тело удушенного тряпьем.

Воцарилась тишина.

— Есть ли здесь грек из Фокеи? — раздельно выговорил старший стражник греческие слова.

Горгий поднялся, не чуя под собой ног.

— Ты хозяин корабля? Великий царь Тартесса желает видеть тебя.

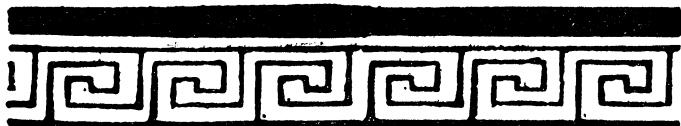

— *И* то же это за черная бронза, которую жаждал получить ваш Горгий?

— Да что-нибудь вроде современной бериллиевой.

— Бериллиевая бронза? Ну, это действительно очень прочный сплав. Кажется, его используют для особо важных пружин и еще для чего-то. Можно понять Горгия.

— Меч из черной бронзы перерубал обычный бронзовый меч.

ГЛАВА 5

Властители Тартесса

В каменной палате журчал фонтан. Певцов и танцовщиц за обедом не было — давно потерял к ним вкус престарелый владыка Тартесса.

Аргантоний сидел во главе стола. Сам рвал пальцами жирную баранину, сам раздавал куски — сначала верховному жрецу Павлидию, потом верховному казначею Миликону, придворному поэту Сапронию, потом другим, кто помельче. Сотрапезников было немного — лишь самые приближенные, именитейшие люди Страны Великого Неизменяемого Установления. Царские кошки — рослые, откормленные — сидели вокруг Аргантония, утробно мурлыкали. Им тоже перепали жирные куски.

— Замечаю я, Сапроний, — сказал царь, — последнее время ты много ешь, но мало сочиняешь.

Толстяк Сапроний всполошился, спешно обтер руки об одежду, воздел их кверху:

— Ослепительный! Каждый проглоченный мною кусок возвращается звучными стихами, славящими твое великое имя!

Аргантоний удовлетворенно хмыкнул. Он ценил придворного поэта за умение красноречиво высказываться. Искусство стихосложения было не чуждо царю: добрую половину тартесских законов он некогда сам, своею рукою, положил на стихи. И теперь нет-нет да и низвергалось на царя поэтическое вдохновение, и глашатаи выкрикивали его стихи на всех перекрестках, и помнить их наизусть был обязан каждый гражданин Тартесса, если не хотел быть замеченным в сомнениях.

Сапроний начал читать. Пылали от верноподданнического экстаза его жирные щеки, тряслось под цветным полотном огромное брюхо. Гремел и отдавался под каменными сводами его сильный, звучный голос:

Что есть Сущность? Внимай: Сущность есть
Неизменность!
Вьется овод вокруг круторогой коровы всегда
неизменно,
Неизменно вращается обод колесный вокруг оси
тележной,
Неизменно вращается солнце вокруг Тартессиды,
Неизменность — и мать и сестра твои, вечная
Вечность,
На устоях твоих и воздвигнуто вечное царство
Тартесса...

Сапроний икнул и продолжал с новой силой:

В чем Основа Основ? В Накоплении, вечно текущем.
Вечен тысячелетний Тартесс в накопленье Основы.

И пока за пиримом пирим серебра голубого
В щит Нетона ложится...

— Стой, — прервал Аргантоний вдохновенную речь поэта. — «За пиримом пирим» — плохо. Не поэтично. Слово «пирим» годится только для рудничных донесений. «За крупницей крупница» — так будет хорошо.

→ Хорошо? — вскричал Сапроний. — Нет, Слепительный, не хорошо, а превосходно!

Тут поднялся сухонький человек с остроконечной бородкой. Кашлянув и прикрыв рот горстью, дабы не обеспокоить соседей дыханием, он произнес тонким голосом:

— Дозволь, Слепительный, уточнить слова сверкающего Сапрония. Он говорит: «В Накоплении вечно текущем». Это не совсем точное определение. Сущность Накопления — неизменность, а не текучесть, хотя бы и вечная. Ибо то, что течет, неизбежно изменяется, и это наводит на опасную мысль об изменчивости Неизменного, что, в свою очередь, ставит под сомнение саму Сущность и даже, — он понизил голос, — даже Сущность Сущности.

— Да что же это! — Сапроний встревоженно затряс подбородками. — Я, как известно, высоко ценю ученость сверкающего Кострулия, но не согласен я! В моей фразе понятие «Текучесть» совокуплено с высшим понятием «Вечность», что не дает права искажать смысл стихов, суть которых как раз и подтверждает Неизменность Сущности, а также Сущность Неизменности.

— И все-таки стихи уязвимы, — мягко сказал Кострулий. — Даже оставив в стороне тонкости

основоположений Вечности и Текучести, замечу, что на протяжении десяти строк сверкающий Сапроний ни разу не упомянул великого имени Аргантония. А, как известно, упоминание не должно быть реже одного раза на шесть строк.

Сапроний подался к царю тучным корпусом.

— Дозволь же, Слепительный, дочитать до конца — дальше идет о твоей непреходящей во веки веков славе... — Он вдруг осекся, завопил: — Слепительный, скажи светозарному Павлидию, пусть он не смотрит на меня так!

Павлидий, слегка растянув тонкие губы в улыбке, опустил финикийское стеклышко, сквозь которое смотрел на поэта.

У Аргантония борода затряслась от смеха.

— Уж не попал ли наш Сапроний в твои списки? — спросил он.

Павлидий убрал улыбку с лица.

— Государственные дела не оставляют мне времени для повседневного наблюдения за поэзией — это, как известно, поручено Сапронию. А он, как мы видим, и сам попадает под власть заблуждений. Чего же удивляться тому, что произошло на вчерашнем состязании поэтов? Взять хотя бы стихотворение Нирула...

— Помню, — сказал Аргантоний. — Стихи местами не отделаны, но основная мысль — прославление моего имени — выражена удовлетворительно.

— Мой ученик, — поспешно вставил Сапроний.

— На слух все было хорошо, — тихо сказал Павлидий. — Но я взглянул на пергамент Нирула и сра-

зу понял, что он опасный враг. Он раздвоил, Ослепительный, твое имя. Он написал в одной строке «Арган» и перенес на другую «тоний».

В палате воцарилась зловещая тишина. Сапроний грустно рухнул на колени и пополз к царю.

— Всюду враги. Всюду преступники, — огорченно сказал Аргантоний. — Покоя нет. Ты отправил Нирула на рудники?

— Сегодня же отправлю, — ответил Павлидий.

— Не торопись. Торопятся те, кто спешит. А в государственных делах спешка не нужна. Надо судить его. Перед народом.

— Будет исполнено, Ослепительный.

— Встань, — сказал царь Сапронию. — Твоя преданность мне известна. Но за едой и развлечениями ты перестал стараться. Мне доложили, что ты держишь в загородном доме одиннадцать кошек. Я, кажется, ясно определил в указе, кому сколько полагается.

— Наговоры, Ослепительный! — взвизгнул Сапроний. У него сегодня был черный день.

— Пять котов и шесть кошек, — спокойно уточнил Павлидий.

— Хоть и люблю я тебя, Сапроний, а никому не позволю. Лишних кошек сдать!

И царь принялся за тыкву, варенную в меду, тщательно оберегая бороду от капель.

Горгия провел в обеденную палату тот самый мелкозавитой щеголь, что встречал его корабль.

Щеголь — звали его Литеннон — заранее растол-

ковал греку, как следует подползать к царю. Горгий на миг растерялся: по торжественному случаю он надел праздничный гиматий, обшитый по подолу красным меандром, а каменные плиты пола были нечисты от кошек. Однако размышлять не приходилось: подобрав гиматий, он стал на колени и пополз к царю.

Аргантоний милостиво принял подарки — куски янтаря и египетский душистый жир. Велел сесть.

— Фокея — союзник Тартесса, — сказал он, ошупывая грека взглядом. Медленно взял с блюда кусок мяса.

Кошки, тесня друг друга, потянулись к нему с ненасытным мявом. Но царь поднял кусок выше, протянул Горгию.

— Отведай. Мясо укрепляет силы. Я хочу знать, почему не стало видно в Тартессе фокейских кораблей.

Горгий сказал, что Фокея по-прежнему дорожит союзом с Тартессом, но на Море возникли большие опасности. Тут он подумал немного, припомнив выкрики давешних глашатаев, и добавил:

— Конечно, все знают, что Карфаген — ошипанная цапля на кривых ногах...

Аргантоний хмыкнул, оторвал для грека еще кусок мяса. Заговорил о чем-то с Павлидием.

За последние дни Горгий уже привык к звучанию тартесской речи, а тут, как ему показалось, разговор шел не по-тартесски. Слова шипели, как весла в кожаных уключинах. «Особый язык для себя придумали?» — подивился Горгий.

— Дошло до меня, — сказал царь, перейдя на гре-

ческий, — что ты хочешь выменять свои товары на оружие из черной бронзы. Так ли это?

— Фокея в опасности, великий басилевс, — осторожно ответил Горгий. — Персы собираются пойти на нас войной, потому и велено мне привезти из Тартесса оружие. И если у нас будет оружие из черной бронзы...

— Ослепительный, — сказал верховный казначей Миликон, не дав Горгию договорить, — грек не знает наших законов...

— Сапроний, прочти купцу закон, — велел царь. — В греческом переводе.

Поэт встал, нараспев произнес:

Тот, кто, замыслив измену владыке Тартесса,
Черную бронзу продаст иль подарит пришельцу,
Или расскажет, как делают черную бронзу,
Будет казнен заодно с чужеземным пришельцем:
Взрезав злодею живот и кишки у злодея изъявши,
Теми кишками удавят его за измену.
Все же именье злодея отпишут в казну, в Накопленье.

— Теперь, фокеец, ты знаешь. Закон на то и составлен, чтоб его знали, — сказал Аргантоний.

Придворные восхищенно зашептались. Царь откинулся на подушки, потирая живот обеими руками, лицо его исказила гримаса: видно, начиналось жжение. Павлидий подал ему чашу с водой, но Аргантоний оттолкнул ее и поднялся.

— Миликон, — сказал он, — поможешь греку в торговле.

Он удалился, сопровождаемый кошками. Павлидий вышел вслед за ним.

В галерее Венценосной Цапли царь оглянулся, недовольно буркнул:

— Ну, что еще? Покоя от вас нет.

— Грек лжет, Слепительный, — доложил Павлидий. — Он сказал моим людям, что, опасаясь карфагенян, прошел Столбы безлунной ночью. А как известно, этими ночами стояла полная луна...

— Утомляешь ты меня, Павлидий. Если грек — карфагенский лазутчик, то займись им. А мне не докучай. Эй, усыпального чтеца ко мне!

После ухода царя придворные почувствовали себя свободнее. Сапроний быстро доел баранину, и выпил вина, и, не отирая жирных губ, придвинул к себе тыкву в меду. Миликон, перебирая холеными пальцами бородку, шептал что-то на ухо ученому Кострулю, а тот хихикал, поводя вокруг острыми глазками.

Горгий сидел, не притрагиваясь к еде, и не знал, что делать. Уйти без разрешения было неприлично, оставаться — вроде бы ни к чему.

Наконец черные глаза Миликона остановились на нем.

— Не хочется в такую жару заниматься делами, — лениво сказал верховный казначей, — но что поделаешь, грек: царь повелел заняться тобой.

Горгий учтиво наклонил голову.

Сапроний оторвался от еды, засопел, остановил на Горгии тяжелый взгляд.

— Послушай, грек, — сказал он, — много ли в Фокее поэтов?

— Есть у нас певцы-аэды, — ответил Горгий. — А много ли их, не знаю, господин. Не считал.

— Многочисленность поэтов идет во вред власти, — высказался Сапроний. И без обиняков добавил: — У меня кончился запас египетских благовоний. Умащиваться нечем.

— Чтобы тебя умастить, — насмешливо заметил Миликон, — надо извести столько жиру, сколько иному хватит на год.

Кострулий захихикал.

— Если бы это сказал не ты, светозарный Миликон... — недобрый тоном начал Сапроний.

— То ты бы немедля написал стихотворный донос, — закончил, смеясь, Миликон. — Знаю я тебя. — Он поднялся, стряхнул с одежды обглодки. — Идем, грек.

— Господин, — обратился Горгий к Сапронию, — у меня есть немного египетского жира. Если позволишь, я...

— Завтра вечером, — перебил его толстяк, — приходи в мой дом по ту сторону стены. Я пришлю за тобой раба.

Горгий поспешил за Миликоном, соображая на ходу, хватит ли для поэта двух амфор жира или придется пожертвовать три. Видно, этот пузатый — влиятельный человек при дворе, ничего не поделаешь, надо быть с ним в хороших отношениях.

Они вышли из дворца и остановились у массивных, обитых серебром колонн, подпиравших портал. Подскочили рабы с носилками, Миликон неторопливо взгромоздился, задернул полог. Рабы понесли его через широкую площадь, залитую солнцем. Горгий

пошел следом. Раскаленные плиты жгли ноги сквозь подошвы сандалий.

Посредине площади перед храмом стояла четырехугольная башня старинной кладки. Сверкал, слепил глаза серебряный купол храма. Литые бронзовые двери были затворены, из дверей как бы вытягивались черные головы неведомого божества. И опять подивился Горгий расточительству тартесских правителей. Все сплошь — серебро и бронза, как еще не додумались вымостить ими площадь...

Пересекши площадь, вошли в тень оливковых деревьев. Здесь, окруженные садами, стояли дворцы — были они гораздо меньше и ниже царского, но тоже крепостенные и затейливые. Горгий заметил, что каждый из них что-то выпячивал: то ли каменный гребень над кровлей, то ли треугольный зубец, то ли просто шест, раздвоенный кверху. Очевидно, в этой части города, обнесенной стенами, жили только знатные тартесситы, царские придворные, и у каждого был дворец побольше или поменьше, соответственно знатности.

Над дворцом Миликона возвышалось два гребня. Распахнулись чернобронзовые ворота, Горгий вслед за носилками вошел в тенистый двор с бассейном. Миликон сбросил одежды на руки рабов, полез, кряхтя от наслаждения, в бассейн. Поплескавшись, сделал знак Горгию. Тот проворно скинул гиматий и сандалии, спустился в прохладную воду. Миликон с усмешкой сказал:

— Когда высокорожденный зовет низшего в бассейн, он не должен ждать, пока низший разденется. Но ты не знаком с нашим обычаем, и я прощаю твое смешное желание стать со мной наравне.

Горгий рассыпался в извинениях, Миликон властно его прервал:

— Помолчи, грек. И не вздумай на меня брызгать. — Он уселся на ступень, по пояс в воде, а Горгию велел стать на ступень пониже. Во дворе не было ни души, только бродили две-три диковинные птицы, облищем похожие на цапель, но с пышными невиданно-прекрасными хвостами. Из глубины дворца доносились невнятные женские голоса.

— Дошло до моего слуха, — начал Миликон, — что карфагеняне сожгли у Кирны фокейский флот. Верно ли это?

— Нет, господин...

— Называй меня — светозарный. И подумай, прежде чем говорить «нет». Будет лучше, если ты скажешь правду.

— Это правда, светозарный. Сожжено в битве много кораблей, но потери карфагенян не уступают фокейским.

— Тем не менее, — жестко сказал Миликон, — уцелевшие фокейские корабли навсегда покинули западную часть Моря.

— Этого я не знаю. Когда я плыл сюда, наш флот стоял в Кумах.

— А в Столбах стоял карфагенский флот, не так ли?

Миликон пристально посмотрел на грека, в его черных и влажных, как маслины, глазах была усмешка.

— Не знаю, светозарный. — Горгий обдумывал каждое слово. — Я прошел Столбы ночью и никого не видел.

— Никого не видел, — насмешливо передраз-

нил Миликон. — И никто тебе ничего не передавал?

— Нет, — твердо сказал Горгий, почесывая под водой живот. Всегда, когда ему было не по себе, в животе у него холодело.

Миликон окунулся с головой, пофыркал, согнал ладонями воду с лица и бороды.

— Нахальных лжецов мы отправляем на рудники, — медленно сказал он. — Но я буду к тебе снисходителен. Через пять дней ты поплывешь обратно с грузом, которого желаешь.

— Спасибо, светозарный. Боги тебе воздадут за доброту. Но... не знаю, удастся ли мне снова без помехи пройти Столбы. Ты сам сказал, что карфагеняне...

— Ты сам сказал царю, что Карфаген — ошипанная цапля. Чего же ты боишься?

«Куда он клонит?» — беспокойно подумал Горгий, призывая на помощь всю свою изворотливость.

— Конечно, это так, — сказал он. — Но груз, который я повезу, заслуживает особой заботы, а мой корабль почти не вооружен. Я бы предпочел, светозарный, сухой путь до Майнаки.

Миликон провел пальцем под носом Горгия.

— Сухой путь закрыт.

— Как же так? — растерянно спросил Горгий. — Мне говорили в Майнаке...

— Ты слишком разговорчив, грек. Я тебе втолковываю, что горная дорога закрыта гадирскими отрядами. Твой корабль будет набит оружием. Через пять дней ты отплывешь. — Миликон, крупно шагая по ступеням, вышел из бассейна, лег на сплетенное из

камыша ложе. Закрыв глаза. Добавил зевая: — Я дам тебе знать, когда нужно. С Амбоном торговли не затевай. Не разрешай своим людям бродить по городу. И помалкивай о нашем разговоре. А теперь ступай.

Горгий накинул на мокрое тело гиматий. Завязывая сандалии, сказал:

— У меня пропал матрос...

Миликон открыл глаза, приподнялся на локте.

— Когда? Как зовут?

Выслушав рассказ об исчезновении Диомеда, сморщился, поковырял пальцем в ухе.

— Я узнаю, где твой матрос. Ступай.

— Аргантоний... Ну и придумали вы имя тартесскому царю. Уж очень на римское похоже.

— А мы не придумали. О долголетнем царе Тартесса Аргантонии, Серебряном человеке, есть прямые упоминания у древних авторов.

— А про подхалимов-придворных тоже упоминали древние авторы?

— Нет, мы их придумали.

— Оно и видно. Столь ранние времена — и такой классический подхалимаж.

— Согласны, это может показаться странным. Но ведь в Египте задолго до описываемых нами времен обожествляли фараона.

— Так то Египет! А Тартесс, как вы сами говорите, разбогател на торговле металлами. В таком городе должны были заправлять купцы, а не аристократы.

— Наверное, купцы и заправляли. Но ведь могло случиться так, что царь, все больше проникаясь сознанием значительности своей особы и все более опираясь на военную силу, со временем перестал с ними, купцами, считаться. Вспомните древний Рим: императорская власть покончила с республиканским строем и низвела сенат...

— Ясно. Сейчас вы расскажете, как Калигула въехал в сенат верхом на лошади. Но не забывайте, что императорский Рим — более поздняя эпоха, эпоха разложения рабовладельческого общества.

— Правильно. Но обратили ли вы внимание, читатель, что у нас царь Аргантоний разговаривает с придворными не на тартесском, то есть не на иберийском, а на каком-то другом языке?

— Да, это подметил Горгий.

— Ну так вот. Существует мнение, что правите-

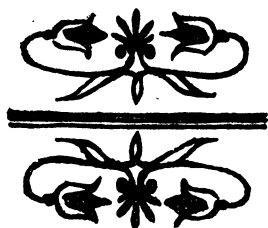
ли Таргесса были пришлым элементом, чуждым коренному иберийскому населению. Мифологическая традиция называет таргесских царей сынами Океана.

— Вы хотите сказать, они были выходцами из Атлантиды?

— Во всяком случае, в этом нет ничего невероятного. Давайте поверим в существование Атлантиды, и тогда следует признать, что ее царства находились на сравнительно высокой ступени развития — это тоже мифологическая традиция. Быть может, атланты как раз и находились на ступени разложения рабовладельческого общества. И вот, когда погибло последнее из этих царств, уцелевшие от катастрофы, «сыны Океана»...

— Принесли в Таргесс свои порядки?

— Может быть. Существует много легенд о пришлых учителях древних народов. Но учителя могли быть разные, а Таргесс весь окутан туманом легенд.

ГЛАВА 6

Суд над поэтом Нирулом

Людской поток вливался в каменную палату судилища. Шли бородачи ремесленники, юркие базарные торговцы, хриплоголосые матросы с тартесских кораблей. Шмыгали в толпе бродяги-оборванцы вороватого вида, прислушивались к разговорам, на них поглядывали подозрительно; кого-то невзначай стукнули здоровенным кулаком по голове, он завопил во всю глотку.

Просторное судилище быстро наполнялось. Простой люд теснился в отведенной для него части палаты за нешироким бассейном. Стояли плотно, бок к боку, вытягивали шеи, пытались разглядеть жреца Укруфа, судью, доверенного человека самого Павлидия. Про Укруфа в Тартессе говорили, что он помнит наизусть все шесть тысяч законов, не пьет вина и никогда не имел женщины.

Тощий, с ввалившимися щеками, с головы до ног в черном, сидел он в высоком кресле. Не было на Укруфе украшений, и даже сандалии его из потрескавшейся кожи не

имели серебряных пряжек, точно это были сандалии не высокорожденного, а какого-нибудь полунищего цаплелова.

Над ним на возвышении пестрела яркими одеждами, посверкивала серебром знать. В первом ряду сидел Сапроний — голова надменно вздернута, руки уперты в жирные бока.

Укруф словно очнулся от дремоты — слабо махнул рукой. Тотчас трое стражников ввели из особых дверей в палату молодого человека. У него было бледное, заостренное книзу лицо, беспокойно бегающие глаза, копна жестких светлых волос. Стражники подтолкнули его, и он стал перед креслом Укруфа, выпростал руки из нарядного сине-белого гиматия, крепко провел ладонями по вискам, будто хотел вдавить их в лоб.

У жреца Укруфа голос был по-женски высок.

— Бог богов Нетон да поможет мне совершить правосудие, — произнес он нараспев вступительный стих. — Кто посягнет на величье Тартесса, иль усомнится в Сущности Сути, иль по-иному ущерб причинит государству, — будет сурово и скоро наказан согласно закону, все же именье злодея отпишут в казну, в Накопленье. — Он перевел дыхание и пропел на самой высокой ноте: — Суть же основ, как изрек Ослепительный, царь Аргантоний, да пребудет вечно...

— ...В голубом серебре! — грянул нестройный хор. И начался суд.

— Как твое имя? — спросил Укруф.

— Я Нирул... сын медника Нистрака и жены его Криулы, — ответил подсудимый, пальцы его дрожали и бегали по складкам гиматия.

— Ты светловолос, — бесстрастно продолжал Укруф, — и в обличье твоём есть инородное. Достаточно ли чиста твоя кровь?

— Я тартессит! — поспешно выкрикнул Нирул.

Укруф покачал головой.

— Меня ты не проведешь. Пришла ли сюда твоя мать?

— Да... — раздался испуганный голос. Из толпы горожан выступила вперед, к краю бассейна, пожилая сутулая женщина в стареньком пеплосе. — Я здесь, блиста... фу... светящийся...

— Сверкающий, — терпеливо поправил Укруф. — Скажи, Криула, кто были твои отец и мать по крови?

— По крови?.. Да откуда ж я знаю, сияю... фу... сверкающийся... Отец возчиком был при руднике. Возил слитки... Приедет, бывало, в город, весь в пыли, возьмет меня двумя пальцами за нос и говорит...

— Помолчи, женщина. — Судья перевел холодный взгляд на Нирула. — Как известно, — продолжал он, — я хорошо разбираюсь в таких вещах, как чистота крови. Я не сомневаюсь, что у тебя в роду был цельбицен или, напротив, цельбиценка.

— Да нет же, сверкающий Укруф, — нервно возразил Нирул. — Я чистокровный тартессит, уверяю тебя...

Тут из толпы раздался гроыхающий бас:

— Эх, лучше уж не обманывать! Уж лучше все как есть... Мать у меня, точно ты сказал, сверкающий, цельбиценка была. Отец в стражниках служил на западной границе, а там эти кочевали, цельбицены, ну он, значит, и спутался с одной...

Укруф подслеповато смотрел на говорившего —

коренастого ремесленника с рыжеватым клином бороды.

— Я не разрешал тебе говорить, — сказал он строго, — но раз уж ты начал, то продолжай. Ты отец Нирула?

— Да, Нистрак я, медник... Я к чему это? Не годится, думаю, сверкающего обманывать, уж лучше, думаю, все как есть...

— Но ты никогда не говорил мне об этом, отец! — вскричал Нирул.

— Не говорил, точно... Чего уж тут хорошего — с цильбиценами кровь мешать, я законы знаю... Но раз такое дело, не годится, думаю, обманывать высокородных. Я никогда не сомневался, и про эту... Сущность... все как есть знаю. Я наш!

— Похвально, — сказал Укруф. — Похвально, Нистрак. Чистосердечное признание отчасти искупает тяжкий изъян твоего происхождения. Можешь вернуться на место. — Он снова обратился к Нирулу, и тот перевел растерянный взгляд с отца на судью. — Доказано, Нирул, что ты не совсем чист по крови. Пойдем дальше. Ты сам признал, что ты сын медника. Почему ты не стал работать в отцовской мастерской?

— Я... я сызмальства писал стихи. А это занятие ничем не хуже иных...

— Рассуждаешь, — неодобрительно заметил Укруф. — Стихотворство не всем дозволено. Где ты выучился стихотворству?

В глазах Нирула зажглись гордые огоньки.

— До сих пор я полагал, что стихотворство — дар богов и не нуждается в дозволении. Я не могу не писать стихов — так же, как не могу не дышать.

Мои стихи заметил сам сверкающий Сапроний, и он напутствовал меня...

— Ты ввел меня в заблуждение! — звучным голосом объявил Сапроний, привстав с сиденья и упершись руками в барьер. — Да если б я знал, что в твоих жилах течет презренная цильбиценская кровь, я бы велел рабам отлупить тебя бычьими плетьюми, а стихи твои выбросил бы в яму для отбросов!

Нирул сник. Он опустил светловолосую голову, зябко повел плечами.

— Говорил я ему, — прогромыхал Нистрак, — говорил: брось писанину, не нашего ума это дело... Старшие его братья работают со мной по медному ремеслу, не суются куда не надо... А этот... Вон, разоделся. Одежду ему пеструю подавай и сладкую еду... Умничает все...

— Тебе не следует говорить без дозволения, — сказал Укруф, — но объясняешь ты правильно. Что станется с Тартессом, если все сыновья медников, пренебрегая своим ремеслом, начнут строчить стихи? Кто, я спрашиваю, станет к горнам? Уж не блистательные ли?

— Го-го-го-о! — грубый хохот прокатился по толпе горожан. — Блистательные — к горнам! Умо-ора!

Укруф выждал, пока прекратится смех, и торжественно продолжал:

— Как видите, смешна даже мысль о подобной нелепости. Прислушайся, Нирул, к здоровому смеху своих сограждан, и ты поймешь, сколь тщетны и преступны твои потуги расшатать Великое Неизменяемое Установление.

— Я не расшатывал! — возразил Нирул, поблед-

нев. — Наоборот, я в своих стихах воспевал Неизменяемость...

— Ты воспевал, — иронически отозвался Укруф. Рука его нырнула в складки черного одеяния и извлекла лист пергамента. — Посмотрим, как ты воспевал. — Он отдалил пергамент от глаз. — Вот. В конце одной строки «Арган», а в начале следующей — «тоний». Страшно вымолвить, но ты раздвоил великое имя царя Тартесса.

В толпе послышался ропот. Сверху, с возвышения, где сидели высокорожденные, неслись негодующие выкрики.

— Сверкающий! — воскликнул несчастный Нирул, приложив руки к груди. — Клянусь Нетоном, это непреднамеренная описка... Перо в порыве вдохновения подбежало к краю пергамента и... Всеми богами клянусь, у меня даже в мыслях не было посягать...

— Пергамент доказывает обратное.

— Это стихотворение... оно удостоилось на состязании высочайшего одобрения!

— Для слуха было незаметно, но недремлющий глаз светозарного Павлидия сразу обнаружил преступное намерение.

— Это ужасная ошибка! Я всегда боготворил Ослепительного, мудрого учителя поэтов Тартесса... Я всегда следовал...

— Помолчи, Нирул. Кричишь, как на базаре. Твое преступление доказано. Теперь я спрашиваю: случайно ли оно?

— Случайно, сверкающий, клянусь...

— Оно не случайно. Мне известно, что ты втайне сочиняешь стихи, уклоняющиеся от образцов.

— Навет!

Укруф сделал слабое движение рукой, и тотчас слева из толпы горожан выдвинулся человек с неприметным, как бы заспанным лицом. Он почтительно поклонился судьбе, тренькнули его медные серьги.

— Говори все, что знаешь, Карсак, — велел Укруф. — Нам следует выявить истину до конца.

— Я знаю немного, сверкающий, — начал Карсак с некоторою опаской. — Но долг повелевает мне разоблачить даже малейшее сомнение... Однажды я слышал, как поэт Нирул читал в узком кругу тайные стихи. Там было сказано... Дословно не припомню, но была там строка... Мол, никому не ведомо, зачем Тартессу голубое серебро, но... как там дальше... но голубое небо нужно каждому...

Мгновение стояла мертвая тишина. Потом прошестел женский голос:

— Какой ужас...

И сразу выкрики:

— Умник проклятый! Зачем, говорит, голубое серебро!

— Делать им нечего, писакам.

— Стишки кропать каждый сумеет, а вот постоял бы у горячего горна.

— На рудники его, умника этакого!

— Ну подожди, Карсак, продажная собака, выпустят тебе кишки!

До сих пор судья Укруф сидел неподвижно, бесстрастно, но при последнем выкрике мигом выпрямился в кресле, впери в толпу жесткий взгляд.

— Вот оно! — провозгласил он высоким своим голосом. — Вот оно, пагубное воздействие сомнения, вредоносные плоды недозволенного стихотворства. Угрожают честному служителю тартесского престо-

ла! Никто тебя не тронет, Карсак, ты под охраной закона. А тот, кто выкрикнул угрозу, — тут Укруф еще повысил голос, на впалых его щеках проступили алые пятна, — этот злодей пусть не думает, что уйдет от возмездия! — Он перевел взор на подсудимого, закричал: — Преступление Нирула, сына медника Нистрака, внука цильбиценки, пробравшегося в стихотворцы, доказано. Закон двенадцатый гласит...

Укруф поднялся, воздел руки, прочитал нараспев:

Имя и званье владыки Тартесса священи —
С трепетом сердца, с любовью мы их произносим.
Если же кто, недостойный, замыслив злодейство,
Устно иль в грамоте, тайно иль явно посмеет
Имя иль званье царя осквернить измененьем —
Будет казнен, как опасный злодей и изменник:
Кожу с живого злодея содрав и нарезав ремнями,
Теми ремнями его умертвить удавленьем.
Все же именье злодея в казну отписать,

в Накопленье.

Выждав немного, добавил:

— Однако милосердный наш царь Аргантоний разрешает заменять смертную казнь высылкой на рудники, дабы обильным потом преступник мог искупить вину и заслужить прощение. Приговариваю Нирула, бывшего стихотворца, к работам на руднике голубого серебра. Суд закончен.

Стражники шагнули к Нирулу, взяли за руки. Раздался жалобный голос Криулы:

— Укруф, не губи моего сыночка... Пощади-и-и!

Нистрак дергал ее за пеплос, бормотал:

— Перестань... Слышь ты... Накликаешь беду на нас всех... Отрекись лучше...

— Пусти! — рыдала Криула, вырываясь и простирая руки к судьбе. — За что... За что губишь!

Нирул смотрел на мать, лицо у него было перекошено. Вдруг сильным движением он оттолкнул стражников, бросился к краю бассейна, закричал иступленно:

— Не проси у них пощады! Мне уж все равно — не вернусь я... Протрите глаза, тартесситы!..

Подоспели стражники, один ткнул Нирула в спину древком копья, другой хватил плашмя мечом по голове. Нирул зашатался, рухнул на четвереньки.

— **С**вирепые, однако, законы в вашем Тартессе. — Рабовладельческие. Мы-де устроили все так, как нам удобно, и ничего менять не позволим. Вот, например, за сто лет до описываемых нами событий в Локрах, греческой колонии в Южной Италии, был закон: тот, кто хотел внести предложение об изменении существующего порядка, должен был явиться в собрание с веревкой на шее.

— Это еще зачем?

— Чтобы удавить, если его законопроект будет отклонен.

— Веселенький закон... Теперь насчет цильбиценов. Вы полагаете, что в те времена могло существовать тщательное разработанное расистское законодательство?

— Страбон писал, что тартесситы имели свою записанную историю, поэмы, а также законы, изложенные в шести тысячах стихов. Это, пожалуй, признаки солидной цивилизации. Ясно, что Тартесс намного опередил в развитии соседние иберийские племена, и среди шести тысяч его законов мог быть и такой, в котором отражалось презрение правителей Тартесса к тогдашним варварам.

ГЛАВА 7

Пир у поэта Сапрония

Широкая проезжая дорога, рассекая Тартесс на две половины, тянулась с севера на юг, к базарной площади, к верфям и причалам порта. В восточной части города, пыльной и жаркой, изрезанной грязными протоками, ютился ремесленный люд — медники, гончары, оружейники. С утра до ночи здесь полыхали горны, тяжело стучали молоты, над плоскими кровлями стелился рыжий дым, смешиваясь с чадом очагов, с могучими запахами лука и жареной рыбы. Домишки тесно жались друг к другу, были они высотой в человеческий рост — строить выше ремесленникам не позволял особый царский указ.

В юго-западной части города, обнесенной крепостными стенами, жила знать. Дворцы здесь были обращены не к заболоченным, поросшим камышом берегам Бетиса, а к синей океанской равнине. К северу от крепости остров полого повышался, взгорье густо поросло буком и орешником, и тут, в лесу, на зеле-

ных полянах стояли загородные дома тартесских вельмож. Здесь по вечерней прохладе они пировали и развлекались, и стражники в желтых кожаных доспехах бродили по трое среди деревьев, оберегая их покой.

Сюда-то, в загородный дом Сапрония, и привел Горгия присланный за ним молчаливый гонец.

Пробираясь вслед за гонцом по темным лесным тропинкам, Горгий беспокойно думал о том, что принесет ему нынешний вечер. Все складывалось не так, как он полагал. Вместо привычной честной торговли (с криком, божбой поспорить о ценах, потом сойтись, ударить по рукам, скрепить сделку обильной выпивкой) пугающе-непонятные разговоры с недомолвками. Запреты какие-то: с одним не торгуй, с другим не торгуй, сиди и жди... А чего ждать? Пока карфагеняне не заграбастают Майнаку? Тогда и вовсе не выберешься с этого нелюбимого богами конца ойкумены... А дни идут, наксосский наждак как лежал, так и лежит мертвым балластом в трюме, и люди ропщут от здешнего пекла и запрета сходить на берег, и Диомед куда-то запропастился, и растут расходы (не похвалит за это Критий, ох, не похвалит!). Вот и сейчас он, Горгий, тащит, прижимая к груди, две амфоры с дорогим благовонным жиром — а ведь и обрезанного ногтя за них не получит, придется отдать задаром тому толстяку.

Не любил Горгий пустых расходов.

Но еще больше тяготило его мрачное предчувствие. В знойном небе Тартесса не появлялось ни облачка, но всем нутром, всей кожей ощущал Горгий приближение грозовой тучи. Пугал запрет Миликона

идти сухим путем. Почему он велит обязательно плыть морем? Он-то не выжил из ума, знает, что у карфагенян целы перья в хвосте. Поди-ка ощирай такую цапелку — как бы самому не угодить ей в длинный клюв... И как понимать странный его намек: «Никто тебе ничего не передавал?»

Плюнуть бы на все, тайно продать корабль с грузом, разжиться быками и повозками и пуститься поскорее в Майнаку, подальше от хитросплетений здешних властителей. Но тогда — прощай, обещанная доля в критиевой торговле, прощай, собственное дело...

Принести бы жертвы богам, умиловить их, да вот беда: нет в Тартессе греческого храма. Здесь, как подметил он, знатные почитают бога Нетона и простолюдинам велят его почитать, но те чаще клянутся Черным Быком. Странное это дело: будто не одного они племени, властители и народ.

Все же он, Горгий, догадался, что нужно сделать. Пошел в храм — не тот, конечно, что рядом с царским дворцом, а в малый храм, что в купеческом квартале, — и заказал вделать в пол каменную плиту со своим именем и оттисками двух пар ног. Одна пара чтоб была направлена к алтарю, вторая — к выходу из храма. Кто так сделает, тому боги помогут вернуться домой...

Под ногами у Горгия потрескивали сухие ветки, шуршала трава. Мелькнули впереди, за стволами деревьев освещенные окна. Вдруг Горгий остановился — будто наткнулся горлом на веревку; дыхание у него перехватило от страха. В лесу протяжно и жалобно закричал младенец, и сразу отозвался второй. Они плакали в два голоса, звали на помощь. Гонец

оглянулся, подошел к Горгию, дернул за гиматий. Горгий послушно побрел за ним. Заткнуть бы уши, да руки заняты амфорами. «Душегубы, — подумал он, цокая языком, — детей мучают...» Плач утих, но минуту спустя возобновился с новой жуткой силой, и Горгию почудилось, что к двум прежним голосам добавились новые...

Они прошли в ворота и направились к дому. Доносилась музыка, за окнами металась тень. Горгий споткнулся о носилки, стоявшие у двери. Плохая примета, подумал он, подняв ногу и растирая ушибленные пальцы. Гонец, так и не промолвив ни слова, ввел Горгия в длинную залу. Шибануло в нос душным запахом благовоний, меда, распаренных тел. На низеньких мягких скамейках у стола сидели пестро одетые люди. Пили, ели, шумно разговаривали. Юные танцовщицы в развевающихся легких одеждах кружились вокруг стола, быстро перебирая босыми ногами.

Ближе всех к двери сидел Литеннон, мелкозавитой щеголь. Он оглянулся на Горгия, поманил пальцем, подвел его к Сапронию. Поэт, навалившись брюхом на стол, держал большого серого кота и громко спорил с соседом — одутловатым стариком с багровым лицом. Они оба тыкали пальцами коту в усатую морду. Кот жмурился, а потом озлился, зашипел, куснул Сапрония. Толстяк вскрикнул, сунул укушенный палец в рот, тем временем кот спрыгнул со стола.

Сапроний поднял на Горгия тяжелый взгляд.

— Господин, — начал Горгий, — дозволь мне...

— Сверкающий! — завопил Сапроний. — Как смеешь ты умалчивать мое... — Тут он увидал амфо-

ры у Горгия под мышками. — А, ты грек, который...
Давай сюда!

Он вытащил затычки из горлышек, шумно понюхал одну амфору, другую. Было видно: понравилось.

— Как известно, — провозгласил он, — не люблю я чужеземцев, но тебе, грек, говорю: садись за мой стол, будь моим гостем. Эй, налейте греку вина!

Горгия усадили между одутловатым стариком и плотным плешивым человеком, который мало ел и все поигрывал зеленым стеклышком. Этого человека Горгий видел на царском обеде.

— Как тебе нравится Тартесс? — спросил плешивый, благодушно улыбаясь.

— Очень нравится... сверкающий. — На всякий случай Горгий решил наградить соседа титулом, как он уразумел, более высоким, чем «блистательный».

— Светозарный, — мягко поправил сосед. — В Тартессе есть на что посмотреть. Видел ты башню Пришествия?

— Тут много башен, все они очень хороши.

— Я говорю о башне Пришествия. Она стоит на храмовой площади. Видишь ли, грек, в далекие времена в Океане погибло великое царство. Уцелело немного сынов Океана, они доплыли до этого берега. Сыны Океана покорили здешних варваров и основали Тартесс, и позднее в их честь была поставлена башня Пришествия. В нее нет хода.

— Очень интересно, светозарный, — сказал Горгий. А сам подумал: верно, значит, что властители здесь иного племени. И еще подумал: пусть она про-

валится, твоя башня. Выбраться бы поскорее отсюда подобру-поздорову...

Вдруг он поймал себя на том, что пялит глаза на одну из танцовщиц. Она плавно неслась вдоль стола, ее распущенные волосы черным потоком лились на узкие обнаженные плечи, руки непрерывно извивались, а лицо было неподвижно, и глаза полуприкрыты веками. Что-то в ее облике тревожило Горгия. Опять шевельнулось беспокойное воспоминание о забытой родине. Почему — Горгий и сам не знал.

Он придвинул к себе блюдо с жареным кроликом, обложенным пахучими травами: лишний раз поесть никогда не мешает.

— От сынов Океана и пошло тысячелетнее царство Тартесса, — продолжал между тем плешивый ласковым наставительным тоном.

— Оно и вправду стоит тысячу лет? — спросил Горгий.

— Нет, меньше. Но в заветах сказано, что царство простоит тысячу лет. Вам, грекам, не понять величия Тартесса: вы поглощены грубыми заботами о торговле, и история ваша бедна. Вы приносите богам в жертву несъедобные части животных, и ваши боги за это лишили вас высшей радости — понимания сущности. Разве не так?

Горгий быстро прожевал кусок, почтительно ответил:

— Ты прав, светозарный. Я всего лишь торговец и не задумываюсь ни о чем таком... Размышления в нашем деле приносят одни убытки... — Плешивый согласно кивнул, будто клюнул острым носом. — Но есть и у нас мудрецы, — продолжал Горгий. —

Я-то их не знаю, но слышал. Вот, например, в Милете...

— Нет! — рявкнул тут одутловатый старик на всю палату. — Не стану я покупать старого лежебоку!

— Ему всего пять лет, — возразил Сапроний, сердито тряс подбородками, — и он обучен охоте на кроликов.

— А что проку? Он даже хвост не может держать палкой. Мне нужен молодой сильный кот, а не дряхлая развалина!

— Если бы это сказал не ты... — недобрым голосом начал Сапроний.

Но старик был пьян и не обратил внимания на угрозу. Он трахнул серебряной чашей по столу, расплескав вино, и закричал:

— Это не кот, а ходячее блюдо для блох! Клянись Нетоном, я не потерплю, чтобы мне пытались всучить...

Он не закончил. Сапроний, взревев, вцепился в его бороду. Старик заверещал, замахал руками, попал Сапронию в глаз.

Танцовщицы испуганно сгрудились в углу.

Плешивый сосед Горгия взглянул на дерущихся сквозь зеленое стеклышко, бросил негромко:

— Литеннон.

Мелкозавитой щеголь кинулся разнимать драчунов. Он обхватил старика сзади. Старик размахивал руками, как мельница, брыкался ногами и угодил Сапронию в живот. Еще несколько пирующих ввязались в драку, и тут — видят боги! — пошла настоящая свалка, и кто-то ударил Литеннона тяжелой се-

ребриной чашей по голове. Тот мешком рухнул на пол. Вид хлещущей крови отрезвил дерущихся.

На Сапронии лица не было.

— Светозарный Павлидий, — пролепетал он, обращаясь к плешивому. — Это не я... я не виноват.

Горгий с ужасом взглянул на своего соседа: так это и есть тот самый Павлидий, о котором на днях рассказывал посланец Амбона, вольноотпущенник?..

Павлидий не отвечал. Поджав тонкие губы, он смотрел сквозь стеклышко на мертвого Литеннона. Драчливый старик на четвереньках заползал под стол. Горгию стало не по себе от зловещей тишины. Он осторожно огляделся — близко ли до двери — и встретился взглядом с Миликоном. Верховный казначей сидел в небрежной позе напротив, в его прищуренных темных глазах была знакомая Горгию усмешечка.

— Светозарный Миликон, — бормотал Сапроний, — это не я... Светозарный Павлидий...

Лицо Павлидия было непроницаемо. Он опустил стеклышко, спокойно сказал:

— Унесите.

И сразу все пришло в движение. Молчаливые рабы вынесли из палаты тело Литеннона. Снова грянула музыка, снова понеслись вокруг стола танцовщицы. Сапроний тяжело опустился на скамью, залпом выпил чашу вина.

— Бедный Литеннон, — вздохнул Миликон. — Он верно тебе служил, Павлидий. Тяжкая потеря.

Павлидий даже не взглянул на него. Тихим голосом он сказал, обращаясь к Сапронию:

— Ослепительный велел тебе сдать лишних котов, ты же, пьяная морда, затеял гнусную распродажу.

— Светозарный! — завопил толстяк. — Ты глубоко прав, называя меня пьяной мордой. Проклятое вино во всем виновато. Я... я заглажу провинность. Я напишу новую поэму о величии обожаемого царя Аргантония...

Он икнул. Раздался тонкий голос ученого Кострулия:

— Не следует сопровождать упоминание великого имени столь низкими звуками.

— Ну, он же не намеренно, — великодушно отвел удар Миликон.

Он притянул к себе ту черноволосую танцовщицу, на которую все посматривал Горгий, усадил на колени. Она пыталась высвободиться, но Миликон держал ее цепко.

— Послушай, Павлидий, — сказал он, — надо бы издать особый указ, запрещающий высокорожденным драться друг с другом. От блистательного и выше.

— До светозарных? — осведомился Павлидий.

Миликон усмехнулся в душистую бороду:

— Светозарных в царстве всего двое: ты и я. А я, как известно, не драчлив.

— Да, это всем известно, — благодушно согласился Павлидий. — Сам ты не дерешься.

— И сам не дерись и детям своим лезть в драку не позволяю.

— Ты очень благоразумен, — процедил сквозь зубы Павлидий и прикрыл глаза. Его розовые морщинистые веки слегка дрожали.

Горгий встретился взглядом с танцовщицей. Она все еще сидела у Миликона на коленях, отводила его руки, обвитые до локтей серебряными браслетами. Хоть и грызла Горгия тревога и томили неясные предчувствия, а тут он все позабыл: открытый взгляд женщины будто до костей прожег.

Одутловатый старик вылез, наконец, из-под стола с той стороны, да неудачно. Запутался в ногах у Миликона. Верховный казначей вскочил, заругался. Танцовщица воспользовалась случаем: выпорхнула в дверь. Старик крикливо оправдывался — как видно, уверял, что схватил Миликона за ноги без злого умысла. Трое дюжих блистательных держали его за хитон, залитый вином. Старик отбивался, кричал, что никогда не имел сомнений, хотя уже сорок лет его не производят в сверкающие, и это ему обидно, но тем не менее никогда, ни разу он не усомнился и твердо знает, что нет большего счастья, чем счастье быть ничтожной песчинкой под ногами Ослепительного, да продлят боги его жизнь. Но Сапроний рявкнул, что обида — это уже сомнение, и ученый Кострулий поспешил уточнить высказывание, и, судя по всему, назревала новая свалка.

Горгий не стал ее дожидаться. Никто на него не смотрел, и он, пятясь, прошмыгнул в приоткрытую дверь.

Он очутился на террасе, опоясывающей внутренний двор. Белели толстые колонны, подпиравшие крышу террасы. Слитно, темной стеной стояли во дворе деревья.

Горгий, тихо ступая, пошел по террасе, отыскивая выход из дома, и вдруг отпрянул к перилам: перед ним, словно из-под земли, выросла белая фигура.

Он всмотрелся и узнал давешнюю танцовщицу. Шагнул к ней — она отступила, выставив перед собой руки. Ее широко раскрытые глаза занимали, казалось, пол-лица. Мешая греческие слова с тартесскими, она прошептала:

— Уходи скоро... домой, Фокея... Тартесс плохо... скоро плохо... Понимаешь?

Что ж тут было не понять? И еще понял Горгий из ее сбивчивых слов, что Миликон сегодня обидел верховного жреца Павлидия и тот ему не простит.

— Плохо... скоро плохо...

Она повернулась, чтобы убежать, но Горгий успел схватить ее за руку.

— Подожди, — пробормотал он, и она замерла в его объятии, тревожно глядя снизу вверх огромными глазами. — Подожди, женщина, — повторил он, пьянея от жара ее тела. — Ты кто ж такая? Рабыня у этого толстого?.. Как тебя зовут?

— Астурда, — сказала она.

— Астурда... У тебя мягкие волосы... Пойдем туда. — Он мотнул головой в сторону сада.

Тут опять закричал ребенок — пронзительно и жалобно. Сразу откликнулся второй. Горгий остолбенел. Опустив руки, уставился в темноту сада: крики неслись оттуда.

— Детей мучают, нечестивцы... — Он поцокал языком.

Легкий смех прошелестел рядом.

— Это кошки, — сказала Астурда.

— Кошки? — недоверчиво переспросил Горгий.

И резко обернулся, услышав добродушный голос Павлидия:

— Нигде не найдешь ты, грек, таких котов, как в Тартессе.

Горгий вытер взмокшие ладони о гиматий. Пес плешивый, подкрадывается неслышно, подумал он. Давно ли здесь стоит?.. Уголком глаза Горгий видел, как метнулась прочь, растворилась в темноте Астурда.

— Жарко в палате, не правда ли? — продолжал Павлидий, подходя ближе. — Я тоже излишне согрелся едой и вином.

Кошачий вой в саду жутко усилился и вдруг оборвался шипением и воплями ярости. Было похоже, что коты дрались, и гонялись друг за другом, и карабкались на деревья. Горгию захотелось поскорее отсюда убраться.

— У нас прекрасные охотничьи коты, — сказал Павлидий. — В царстве развелось много кроликов. Они пожирают посевы, и высокорожденные охотятся на них с помощью котов. Надо бы взять тебя, грек, на кошачью охоту, но ты, я знаю, торопишься.

— Да, светозарный, — подтвердил Горгий. — Меня ждут мой хозяин и сограждане.

— Ты исправно выполняешь волю своего господина — это хорошо. Ты не прогадаешь, грек: у Амбона прекрасное олово. Миликон, должно быть, уже свел тебя с Амбоном?

— Еще нет... — Горгий прокашлялся. — Но светозарный Миликон обещал...

— Если он обещал, значит тебе и беспокоиться нечего... — Павлидий подошел еще ближе, посмотрел на Горгия в упор. — Ты мне нравишься, грек. Я бы охотно помог тебе в том, чего ты хочешь,

но даже я, — он растянул тонкую нить губ в улыбке, — даже я не могу преступить закона о черной бронзе.

— Нельзя так нельзя. — Горгий тоже попробовал улыбнуться. — Все мы должны исполнять законы.

— Ты говоришь правильно. Но я имею право сделать тебе подарок. — Павлидий вытащил из-за пазухи кинжал. Горгий невольно отшатнулся. — Не бойся. — Верховный жрец тихо рассмеялся. — Тебе предстоит дальний путь, и ты должен всегда иметь при себе верное оружие. Этот кинжал из черной бронзы. Возьми.

Горгий осторожно принял короткий и широкий клинок с раздвоенной сверху рукояткой. Тронул лезвие пальцем, поцокал языком. Поспешно сказал:

— Благодарю тебя, светозарный. Разреши принести тебе в дар...

Павлидий величественно простер руку.

— Для меня существует лишь одна награда — милость Ослепительного. Ну, тебе этого не понять... Если ты не хочешь возвращаться в палату, мои люди проводят тебя в гавань.

— *Х*оть они и сыны Океана, эти ваши лучезарные...

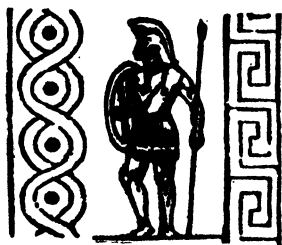
— *Светозарные.*

— *Извините. Хоть они и сыны Океана, а развлекались в общем-то довольно заурядно.*

— *В те времена было маловато развлечений: пиры да охота, охота да пиры.*

— *Кстати, об охоте. Что это у вас за охотничьи коты? Почему не собаки? Признайтесь, решили соригинальничать?*

— *Да нет же, читатель, ей-богу, не сами придумали. Просто вычитали, что в древней Испании, бывало, кролики становились настоящим бедствием, и иберы охотились на них, используя хорька и таргесскую кошку. Кошки в Таргессе были действительно очень крупные и свирепые. Элиан рассказывает о некоем Аристиде из Локр, который умер от укуса таргесской кошки и сказал перед смертью, что «охотнее погиб бы от зубов льва или пантеры...».*

ГЛАВА 8

Недовольные

От вынужденного безделья Горгий рано ложился спать и вставал до восхода. Радуюсь недолгой прохладе, обходил корабль, осматривал каждую дощечку, каждую веревочку: без хозяйского глаза корабль как сирота. Бегал по палубе, сильно размахивая руками, приседал, подпрыгивал на месте, чтобы тело не разленилось. Прыгал в воду, оплывал корабль, морщился от запаха портовой воды. Потом растирался досуха, умащивал тело, возносил молитвы Посейдону и Гермесу — хранителю торгующих.

Сегодня, покончив с утренним распорядком, Горгий сидел за необременительным завтраком: чеснок, сушеная рыба, лепешка и вино.

Кормчий Неокл приоткрыл дощатую дверцу, просунул бороду.

— Пища на пользу, хозяин. Там, на причале, люди какие-то.

— Что, меня спрашивают? — Горгий вытер губы. Подумал: от кого посланец — от Эзула или от Амбона?

— Тебя, кха, не спрашивают. Смотрят на корабль и между собой говорят. А корабль чужого глаза не любит...

Горгий накинул верхнюю одежду, вышел, намеренно обернувшись к морю. Неспешно обошел вокруг мачты, взглянул — будто просто так — на причал.

Там стояли двое: один — седой, благообразный, с печальными глазами навывкате, второй — помоложе, с проседью в кругло подстриженной бородке. Полотна на обоих было в меру и не ярких тонов. Поодаль, в начале причала, сидели на корточках возле носилок полуголые рабы.

Торговые люди, догадался Горгий. Такие зря не поднимутся на рассвете...

Сошел на причал, поздоровался. Те ответили вежливо, седой назвался Дундулом, тот, что помоложе, — Карутаном. Не сразу начали деловой разговор. Спросили Горгия, как ночевал, хорошие ли сны послали боги и не было ли в дальней дороге бурь. Говорил Карутан, смешивая греческие и тартесские слова. Дундул помалкивал, только головой кивал.

— Правду ли говорят, что карфагеняне в морском бою побили фокейцев? — спросил Карутан. Выслушал осторожный ответ Горгия, потербил бородку. — Так, так... Идут ли за тобой следом еще фокейские корабли?

Горгий призадумался. Сказать, что идут, — значит сбить цену на наждак. Сказать, что вряд ли пробьется к Тартессу еще хотя бы один фокейский корабль (а так оно, по правде, и было), — значит вызвать неприязнь. Мол, торговали, торговали с Тартессом фокейцы, а теперь испугались Карфагена, бросили союзников на произвол судьбы...

Уклончиво ответил:

— Я, почтенные, выполняю волю своего хозяина Крития. А в Фокее не один Критий занимается торговым делом. Должно быть, и другие купцы пожелают послать в Тартесс корабли с товаром.

Карутан взглянул на Дундула. Тот печально вздохнул и заговорил тихим голосом. На его тощей шее ходил вверх-вниз острый кадык.

— Слышали мы, фокеец, что Амбон предлагает сменять твой наждак на олово по таланту за талант. Конечно, наждак этого не стоит. Ты ведь на месте платил за него в сто раз дешевле, верно?

Теперь пошел торговый разговор, и Горгий ожил.

— Наждак и на месте недешев, — возразил он. — А потом — перевоз. Вы на Касситеридах тоже ведь олово берете дешевле, чем потом цените.

— Цену товара устанавливают боги, — заметил Дундул. — Боги нарочно рассеяли богатства по землям неровно: туда — наждак, сюда — олово, там — соль, чтобы люди менялись между собой. — Он передохнул немного, одышка мешала ему говорить.

— Не хотите ли взглянуть на товар? — сказал Горгий.

— Нет, — ответил Дундул, — наксосский наждак мы знаем. Так вот, почтенный фокеец, хоть и дорого платит Амбон, а мы предлагаем тебе еще больше: талант с восьмой частью олова за талант наждака. Бери хоть сегодня и с вечерним отливом сможешь уйти из Тартесса.

Опять задумался Горгий. Предложение, видят боги, было выгодно. Но не прогадать бы... Сам Миликон обещал набить корабль чернобронзовым ору-

жем, которое так нужно Фокее.. Тут многое решалось, в том числе и самое важное — быть или не быть ему, Горгию, хозяином собственного дела...

— Не осудите, торговые люди, если не сразу отвечу, — сказал он. — Подумать надо.

— А чего ждать? — сказал Карутан, выбросив вперед руки ладонями кверху. Видно, нетерпеливый он был, а может, просто товар у него больше, чем у других, залежался. — Выгодно для тебя — талант с восьмой! Бери, пока не поздно.

— погоди, — прервал его Дундул. — Сколько времени будешь думать, фокеец?

— Ну, дня два.

— Мы наведаемся. Время такое, что долго думать — тебе же в убыток...

Тут откуда ни возьмись въехали на причал трое конных в желтом. Колыхались гребни над скупающими лицами, бренчала сбруя. Подъехали вплотную. Один, с начищенными медными наплечниками, сказал с простецкой ухмылкой:

— Рано встаете, почтенные купцы. Еще ночная стража не сменилась, а вы уж торг завели.

— Тебе-то что? — вскипел Карутан. — Знай свое место, а в наши дела не суйся.

Стражник зевнул, не прикрывая рта ладонью. Сказал равнодушно:

— Велено нам смотреть, чтобы у фокейского корабля не толпились. Идите, почтенные, по своим домам.

— Это мы — толпа? — закричал Карутан, брызгая слюной. — Да как ты смеешь!..

Он замахал руками перед лошадиной мордой. Лошадь запрядала ушами, фыркнула, попятилась.

— Ты, почтенный, на стражу светозарного Павлидия руками не маши, — сказал стражник, тихонько наезжая на него. — Добром говорю — ступайте отсюда.

Дундул потянул Карутана за рукав, сказал:

— Не связывайся. Пойдем.

И неторопливо пошел к носилкам. Карутан последовал за ним, но не выдержал — оглянулся, крикнул:

— Совсем обнаглели, скоты!

Старший стражник тронул коня, догнал Карутана, легонько ткнул в зад древком копья...

Горгий вернулся на корабль. Хмуро посмотрел на матросов, столпившихся у борта.

— Не нравится мне это, — заворчал Неокл. — Сколько хожу по морю — нигде не видел, чтобы людей от торговли копьями отгоняли. Уходить отсюда надо, Горгий.

— Чего испугался? — кинул Горгий, проходя мимо. — Ты ведь и раньше в Тартессе бывал.

— Бывал, а такого не видел. Прежде без помехи торговали. Уходить надо...

Пыльно, жарко у крепостной стены. Кругом полно рабов — разгружают телеги с камнем. Кричат погонщики, мычат быки, скрипят осями колеса, вырезанные из цельного куска дерева. У самой стены звенят острыми теслами камнетесы, ровняют камни под угольник. Стена — вся в лесах и подмостях: наверху каменщики наращивают по царскому повелению сте-

ну. Подносчики камня и извести бредут по лесам вверх-вниз. Там, где мешают известь с песком, рядами стоят корзины с яйцами. Рабам такая работа — праздник: в известь для царской кладки подмешивают только белок, а желток от рабов не убережешь, все равно выпьют.

Стражники, приставленные стеречь рабов, уже по горло сыты яичным желтком. Скучают в тени, поглядывают на солнце — скоро ли гнать рабов к жилью, а самим на отдых.

Толста крепостная стена — два воина в полном вооружении, идя по ней, свободно разойдутся. Высока стена, а станет вдвое выше.

Купец Амбон старается для царя. Сам стоит на солнцепеке, сам смотрит, чтобы работа шла скорее. Два раба держат над ним богато расшитый заслон от солнца.

— Ровнее кладите! — кричит Амбон. — Не сарай строите, а царскую стену! Эй ты, собачий сын, пошевеливайся с известью! Тебе говорю!

Раб и ухом не ведет на крик. Амбон сердится, велит надсмотрщику взбодрить ленивого раба палкой.

— Скорее! — кричит, не жалея голоса. — Шевелитесь, проклятые!

Подошел домашний раб в короткой одежде, согнулся в поклоне:

— Почтенный Амбон, там тебя купцы ожидают. Почтенный Дундул и еще один...

— Пусть ждут, — отвечает охрипший Амбон. — Некогда мне. Скажи им: царское повеление выполняю. Ну, чего там застряли?!

Жарко Амбону, борода взмокла от пота, завитые

колечки распустились, обвисли. Под богатые одежды набилось пыли — дважды уже приказывал рабу чесать спину резной палочкой. Дивятся надсмотрщики — и чего торчит на лесах почтенный купец, все равно ведь ничего не понимает в кладке, только покрикивает: скорее, скорее... А скорее разве бывает? Раб ведь как? Только отвернешься, а он уж бездельничает. Известное дело: рабу лишь бы время тянуть — от похлебки до похлебки.

Старается почтенный Амбон: пусть все видят, сколь ревностно исполняет он царский указ. С каждым уложенным камнем приближается к нему заветное звание. Потому и терпит он пыль и жару, потому и торопит...

Купцы сидели под тенью шелковицы во дворе Амбонова дома. Второй час ждали хозяина, твердо решили дожидаться.

— Мух развелось этим летом — погибельно, — сказал, зевая, седобородый Дундул. — И откуда они только берутся?

— Известно, откуда: от стражников, да поглотит их утроба Черного Быка, — откликнулся Карутан. — Их не меньше, чем мух, развелось.

— Одни стражники у тебя на уме. Не задевал бы их — обошлось бы без обиды.

— Обнаглели! — кипятился Карутан. — Помню, отец каждую луну дарил уличному стражнику две монеты, так тот с поклонами пятился, по ночам ходил вокруг двора, оберегал от воров.

— Что поделаешь, другие времена настали.

Мой дед при покойном царе в совете старейшин сидел, и царь слушал, что посоветуют.

Тут Дундул подозрительно покосился на откормленного вольноотпущенника, который в углу двора усердно начищал серебряные кошачьи ошейники. Не понравился ему раздвоенный кончик носа вольноотпущенника, и он замолчал, не стал продолжать опасного разговора.

Карутан проследил его взгляд, сказал с усмешечкой:

— Уже и ошейники приготовил для кошек почтенный Амбон. В блистательные выбивается.

Помолчали, пока не ушел вольноотпущенник.

— Слышал я, — сказал Дундул, — будто почтенный Самбак начал выделять кошачью сбрую. А ведь какой купец был!

— Меня хоть серебром завали, а я постыдным товаром торговать не стану.

— Не зарекайся, — вздохнул Дундул.

Карутан с ожесточением плюнул в бассейн, и тут как раз во двор вошел долгожданный Амбон.

— Хвала Нетону, почтенные, — бросил он, на ходу скидывая одежды, и полез в бассейн.

— Да хранит тебя Черный Бык, — вызывающе ответил Карутан.

Амбон, зажав ноздри и уши, с головой погрузился в воду. Фыркая, вылез на верхнюю ступень. Подскокил раб, обтер хозяина, подал сосуд с благовоением. Амбон понюхал и сказал, хлопая себя по жирной груди:

— Зачем пожаловали, почтенные?

Дундул с достоинством помолчал, прежде чем ответить. Уж очень зазнался Амбон с тех пор, как

нашел дорожку в царский дворец. Ждать заставил, как будто должники пришли к нему просить отсрочки. Он, Дундул, ни в чем прежде не уступал Амбону — ни в кораблях, ни в богатстве. Но с тех пор, как посыпались на Амбона царские милости, разбогател он невиданно. Скупает корабли у купцов помельче, целые флотилии отправляет к Оловянным островам. Сам Павлидий благоволит к нему, ловчиле толстобрюхому...

Спокойно, не торопясь, рассказал Дундул про наглость стражников.

— Зачем вы ходили к фокейскому кораблю? — сухо спросил Амбон.

— То есть как — зачем? — Карутан выбросил вперед руки, но Дундул дернул горячего купца за рукав.

— Мы ходили по торговому делу, почтенный Амбон, — сказал он. — Ты поставлен в нашем квартале старейшиной и должен защищать купцов. Если стражников не накажут, купцам житья не будет.

— Стражники несли службу, — сказал Амбон, болтая ногами в воде. — Им велено смотреть, чтоб возле фокейского корабля поменьше болталось посторонних....

— Это мы — посторонние на торговой пристани? — опять вскипел Карутан.

И опять уравновешенный Дундул остановил его.

— Послушай, — сказал он, печально глядя на Амбона, — давай говорить как купец с купцом. Сам знаешь — заморской торговлей возвысился Тартесс. Нашими трудами, трудами наших отцов и дедов накоплены его богатства...

— Удивляюсь я тебе, — прервал Дундула Амбон. — Как будто не слушаешь ты глашатаев, что выкликают царскую мудрость. Сущность не в торговле. Сущность — в накоплении голубого серебра. Как ребенку, приходится тебе втолковывать.

У Дундула кадык заходил вверх-вниз на тощейшее, лицо покрылось красными пятнами. Однако купец не дал волю гневу.

— Амбон, — продолжал он терпеливо. — Нехорошо стало в Тартессе. Ты что же — не видишь, что склады забиты оловом и медью, а торговать не с кем? Вспомни: фокейские корабли один за другим приплывали в Тартесс. А теперь? Мы поссорились с Гадиром, мы допустили, что Карфаген хочет отнять у нас морскую торговлю. Так дальше нельзя. Или мириться надо с Карфагеном, или идти на него войной.

— Ты, кажется, хочешь давать советы царю Аргантонию, Ослепительному? — высокомерно сказал Амбон.

— А что худого в добром совете? Было время, царь прислушивался к совету купцов. Мой дед сидел в совете старейшин...

— Ты, я вижу, недоволен, Дундул.

— Да, недоволен. Торговли нет, а когда приходит фокейский корабль, стражники не подпускают к нему честных купцов...

— И правильно. Нечего вам там делать. Я беру фокейский товар.

У Дундула и без того глаза были навывкате, а тут и вовсе вылезли из орбит.

— Это как же? — выкрикнул он. — Ты ведь фокейский товар не забрал, свой не дал, за руки при

свидетелях с греком не брался — значит фокейский товар свободный! Кто больше платит, тот и забирает! Как же иначе?

— Ты недоволен, Дундул, а это значит, ты сомневаешься.

— Слушай, Амбон, я тебе не гончар какой-нибудь. Мы к тебе пришли требовать, чтоб стражники...

— Идите, идите, почтенные, — сказал Амбон, поднимаясь и принимая от раба тонкий хитон. — И не забудьте принести дары Нетону за доброту стражников.

— А может, Черному Быку? — закричал Карутан. — Смотрите-ка на этого сына Океана, так и лезет в блистательные!

— Не кричи, — поморщился Амбон. — Тебе не дано судить о высоком. Кошка цапле не подруга.

Но Карутана уже понесло. Замахал руками, затопал ногами.

— О высоком не суди, старым богам не молись, а дары велят возить в дворцовый храм и на Нетона и на Быка!

— Эй, за такие речи и на рудники можно...

— На рудники? — Дундул медленно надвинулся на Амбона. — Кого на рудники? Купца на рудники? Да ты... — Он задохнулся от злости. — Я во дворец тоже дорогу знаю, вот донесу, на чем ты разбогател! Самого царя обвешивал, двадцать повозок бараньего сала не додал для царского войска, жирный кот!

Амбон с яростным визгом вцепился в длинную дундулову бороду. Тут подскочил Карутан, ударил его по уху. Амбон взвыл, заорал:

— Эй, рабы!.. Бейте их, разбойников!

Из всех дверей повысовывались головы. Рабы, услышав про разбойников, смотрели с опаской. А купцы между тем неуклюже лягались, сопели, размахивали кулаками. Карутан изловчился, попал ногой в толстое брюхо Амбона, тот плюхнулся в бассейн, взметнув фонтан брызг. Рабы кинулись вытаскивать хозяина, купцы, подобрав полы, побежали к выходу.

На пустынной, раскаленной солнцем улице Карутан остановился, спросил:

— Что делать будем?

— К Миликону, — прохрипел сквозь одышку Дундул.

— У вас купцы жалуются прямо по Гоголю: дескать, и на Антона берут и на Онуфрия.

— Действительно. Но что поделаешь? С купцов всегда брали.

— И потом — драка, хватание за бороду, Амбон, как в старых фильмах, падает в бассейн. Не нравится мне это.

— И нам не нравится, когда дерутся. Но ведь мы пишем про торговцев салом и оловом, а не про Сафо фиалкокудрую...

— При чем тут Сафо? Вы и в предыдущей главе, на пиру у Сапрония драку устроили. Не слишком ли много драк?

— Пожалуй, вы правы. Но учтите, что иберы, в том числе и тартесситы, были очень вспыльчивы.

— В общем ваши недовольные купцы не вызывают у меня симпатии, хотя, быть может, с исторической точки зрения их требования справедливы. По-моему, они просто завидуют преуспевающему Амбону.

— Ну, конечно, они не бунтари, а торговцы.

— Вот именно. Предложи им титул блистательного — они бы сразу перестали брюзжать на новые порядки в Тартессе.

ГЛАВА 9

Заботы верховного казначейя

Подле моста через протоку, что отделяла квартал моряков от квартала оружейников, Миликон велел рабам остановиться. Он откинул полог, внимательно осмотрелся.

По кривой улочке в облаке пыли медленно ехали несколько всадников в желтом. Один из них, выпучив глаза, дул в глиняную трубу. На рев трубы сбегался народ. Останавливались рабы, опуская на землю поклажу. Из продыmlенных мастерских выходили мокрые полуголые ремесленники — после адского полыхания горнов знойное тартесское солнце казалось им не жарче лучины. Женщины в темных одеждах сбивались в кучки, бойко тараторили.

Труба смолкла. Бритый глашатай, потрясая палкой, начал выкрикивать:

— Слушайте, тартесситы! Слушайте и запоминайте мудрое изречение нашего царя Аргантония, Ослепительного!

И он произнес нараспев:

— Сущность — не в рыбе иль мясе к обеду.

Славить молитвою царское имя,

Царскую волю исполнить — вот сущность!

Глашатай выкрикнул изречение еще и еще, потом, желая убедиться, хорошо ли оно уложилось в этих нечесаных головах, ткнул палкой в пожилого сутулого ремесленника:

— Эй, кривоногий, ну-ка повтори то, что я сказал!

Тот выплюнул жвачку, хрипло ответил:

— Это... рыбы, значит, поменьше жрать. А мяса... это... мы его и не видим...

— Правильно, — кивнул глашатай. — Не в рыбе сущность, а в величии Ослепительного. Разойдись!

И он поехал дальше во главе отряда.

Миликон плотно задернул полог, откинулся на подушки. Он слышал, как неспешно протопали мимо всадники, как они переговаривались:

— Одно только и запомнил — рыбы поменьше жрать.

— Разве такому втемяшишь сущность?

— Это чьи же здесь носилки?

— Из блистательных кто, должно быть.

— За девкой, наверно, приехал. У оружейников жены знаешь какие?

— Зна-аю. Тронешь ее — обожжешься!

Действительно, обнаглели павлидиевы стражники, подумал Миликон. От безнаказанности обнаглели, от сытной пищи. Он вспомнил купцов, которые вчера приходили жаловаться. Он их утешил, пообещал, что скоро они получат возможность широко торговать, как в прежние времена. А пока что посоветовал сидеть дома и ждать. Да, пусть ожидают. Теперь будет действовать он, Миликон.

Грубый хохот стражников удалился, стих. Миликон выглянул: улочка была пуста. Он слез с носилок, велел рабам ждать, а сам быстро перешел протоку по шатким мосткам и направился к зарослям камыша. Здесь, на низком берегу Бетиса, стояла канатная мастерская купца Эзула.

Эзул встретил высокого гостя на пороге. Засуетился, заблестел влажным голым черепом, собрался было пасть ниц, но Миликон остановил его. Морщась от болотной вони, прошел в убогую каморку за мастерской. Эзул мелко семенил следом.

Миликон опустился на скамью, брезгливо отстранил поданную купцом чашу с вином.

— Никто тут не крутился из этих, павлидиевых?

— Нет, светозарный, — ответил Эзул. — Я сам трижды обошел мастерскую — никого нет.

— Ну, слушай. Я отдал повеление. Завтра главный оружейный склад будет открыт. Найми тридцать повозок и за час до восхода солнца гони к складу, мои люди их нагрузят. Слушай дальше. Сегодня же передай греку мое повеление: пусть к вечеру переведет корабль к крайнему восточному причалу. Там потише, чем в порту, меньше чужих глаз. А с утра вытряхнешь из греческого корыта наждак — да

смотри не растряси с повозок, чтоб весь до последней пылинки был доставлен на склад, — и набивай трюм оружием. Сам присмотри, чтоб грузили с усердием — меч к мечу, секира к секире. Поплотнее. Ты понял, камышовая труха?

— Все понял, светозарный, — закивал Эзул, остренько поглядывая хитрыми глазками. — Сделай милость, отведай сладкой лепешки с фазаньими мозгами, я их сам пеку...

— Сам печешь, сам и жуй. — Миликон покрутил крупным белым носом. — Вели своим рабам, чтоб ходили мочиться подальше. Так и бьет в ноздри.

— Исполню, светозарный. — Эзул вдруг захихикал. — Дозволь надеяться, что старый Эзул будет скоро вознагражден за верность и усердие...

— Надейся, — великодушно разрешил Миликон.

— Одну только утеху себе и позволяю — сладкую еду, — жалостливым голосом сказал Эзул. — Жилище совсем обветшало, на одежду и то не хватает...

— Ну-ну, не прибедняйся, старый плут. Будто я не знаю, сколько у тебя серебра накоплено. Где павлидиев сынок? Почему я должен ждать? Было тебе велено...

— Я исполнил, светозарный! Все сделал, как ты велел. Не моя вина, что он опаздывает.

— Собачий род, — пробормотал Миликон и пнул ногой груды плетеных корзин. — Сиди тут и нюхай.

— Светозарный, — сказал Эзул после недолгого молчания, — никто из верных тебе людей не знает так хорошо торговлю и ремесла, как я. И когда ты по праву займешь трон Тартесса...

— Я сделаю Амбона верховным казначеем, — усмехнулся Миликон.

Эзул так и подпрыгнул, затряс неопрятной бородой.

— Амбона! — возопил он. — Этого толстобрюхого навозного червя, чья ослиная голова глупее зада последнего из моих рабов!

— Может, и так, — развлекался Миликон, — но со своей ослиной головой он оказался умнее тебя. Амбон достиг богатства, а ты...

— Да он всю жизнь душил меня! — Эзул брызгал слюной, бил себя кулачками в грудь. — Он потопил в море мой корабль, он не подпускает меня к Касситеридам! Он меня разорил, да заворотит ему Черный Бык кишки навыворот, да заклюют его голодные цапли.

— Отодвинься, — прервал Миликон яростный поток брани. — Я пошутил. Если ты завтра сделаешь все так, как я велел, — будешь казначеем.

— Можно ли так шутить, светозарный Миликон, — захныкал Эзул. — Позволь сесть... меня ноги не держат от твоих шуток... Конечно, я все сделаю, как велишь. Разве я когда-нибудь...

— Ты сам будешь ведать погрузкой, потому что грека я вечером увезу на охоту. Ни мне, ни ему не нужно завтра быть в городе.

— Ты не будешь? — Эзул заметно обеспокоился, глазки у него забегали. — Но если...

— Не бойся, — небрежно бросил Миликон. — Ты сделаешь дело без помехи. Завтра людям Павлидия будет не до нас. — Он пропустил меж холеных пальцев завитую бороду. Повысил голос: — Долго еще я буду ждать этого собачьего сына?

Тут из мастерской донеслись крики. Дверь распахнулась, в каморку шагнул молодой человек в короткой, до колен, темно-серой одежде, перетянутой широким кожаным поясом, какие носили тартесские моряки. На его загорелых щеках курчавился юношеский пушок, твердые губы кривились в усмешке.

Он мякнул вместо приветствия, повалился на корзины, непочтительно спросил:

— Что нового, Миликон?

Верховный казначей прикрыл веками глаза. Его коробило от такой развязности, однако он не одернул юного наглеца.

— Я привык, чтобы ожидали меня, — сухо сказал он, подчеркнув последнее слово.

Юнец заворочался, устраиваясь поудобнее, корзины трещали и скрипели под ним.

— Я очень торопился, — ухмыльнулся он, — но сегодня всюду разъезжают глашатаи, и меня дважды задержала толпа. Я даже выучил великое изречение наизусть. «Сущность не в рыбе иль мясе», — гнуса-во затынул он.

— Перестань, — Миликон поморщился.

— А потом, — продолжал юнец, пристраивая одну из корзин себе на кудлатую голову, — потом мне пришлось малость проучить палкой нахальных рабов, загородивших мост носилками. А потом, когда я вошел в мастерскую этого прыткого старичка, — тут он запустил в Эзула корзиной, — я споткнулся о канаты. Твои рабы растянули там канаты, и мне пришлось вздуть одного или двух... Кстати, Миликон, не твои ли носилки были там, подле моста?

— Я терпеливо сношу твои дерзости, Тордул, потому что...

-- Потому что побаиваешься моего грозного родителя.

Миликон выпрямил спину.

— Я никого не боюсь, — сказал он высокомерно. — Я столь же светозарен, сколь и твой отец. А ты хоть и предпочел удел простого моряка, не должен забывать, что в твоих жилах течет кровь высокорожденного...

— Попролам с кровью рабыни, — вставил Тордул. — А ваши титулы для меня все равно что плевок.

— Я сношу твои дерзости только потому, что у нас с тобой одна цель.

— Да, — сказал Тордул, — с тех пор, как ты рассказал мне о несчастном Эхиаре, у меня одна только цель: восстановить справедливость, вернуть Тартессу законного царя.

— Этого хочу и я.

— Давно уже слышу. Но дальше разговоров дело не идет. Чего ты ждешь, Миликон? Я перестал тебе верить.

— Я ждал удобного часа. Теперь он настал.

Скрипнули корзины. Тордул вскочил, стал, широко расставив голенастые ноги, перед Миликоном, впился в него напряженным взглядом.

— Настал? Ты говоришь — настал наш час?

— Да. Не знаю только, готов ли ты со своими...

— Мы готовы! — крикнул Тордул. Он подскокил к двери, выглянул, потом заговорил свистящим шепотом: — Тартесс пропах мертвечиной, вот что я тебе скажу! Великая Неизменяемость — ха! Да она только на кладбище и бывает, неизменяемость! Сидят

в своих дворцах, провонявших кошками, жрут с серебряных блюд...

— Я сам ем с серебряного блюда, но это несколько не вредит моему пищеварению, блистательный Тордул, — с тонкой усмешкой сказал Миликон.

— Хватит! — рявкнул Тордул. — Да, я блистательный по рождению, но не желаю носить титула, который теперь продается за деньги любому богатею.

— Деньги нужны казне, — спокойно возразил Миликон. — Это я тебе говорю, как верховный казначей.

— А куда идут эти деньги? На новые дворцы, на кошек, на наложниц? Олово — вот богатство Тартесса. Возим мы его, возим с Касситерид, а кто его нынче у нас покупает? Все склады забиты слитками. Где фокейские корабли? Как можно было допустить, чтобы Карфаген стал на их пути?

— Оставим Карфаген, поговорим лучше о завтрашнем дне...

Но Тордул не унимался. Крупно шагал по каморке, выкрикивал:

— Нашли забаву — голубое серебро! Зачем оно нужно?

— Не кощунствуй, — Миликон сдвинул густые брови. — Ты прекрасно знаешь заветы предков.

— Заветы предков? Да я ставлю корабль олова против самой облезлой из твоих кошек, что наши почтенные предки и сами не знали...

— Довольно, Тордул! Голубое серебро — святыня Тартесса, а народу нужна святыня. Сядь и слушай. Завтра за час до восхода твои люди должны накопиться у западных ворот крепости. Пробирайтесь не по дороге, а левее, где густой кустарник,

только без шума, чтобы на сторожевых башнях не услышали. Завтра большая кошачья охота, и многие блистательные отправятся туда со стражниками; именно такого дня я и дожидался. Ты со своими людьми ворвешься во дворец и схватишь Аргантония...

— Я своими руками убью его! — закричал Тордул.

— Пошлешь по городу верных людей кричать на царство Эхиара, а про Аргантония пусть кричат... сам знаешь что.

Тордул нетерпеливо дернул ногой.

— А Эхиар?

— Мои люди доставят его в город. Ты встретишь его с надлежащим почетом.

— За это не беспокойся! — восторженно вскричал Тордул.

— Я еще не кончил. Когда вы ворветесь в крепость, направь часть людей к дворцу своего родителя. Пусть они сомнут его стражу, а его самого возьмут под надежную охрану.

— Это я сделаю, — ответил Тордул, помолчав. — Но... что с ним будет дальше?

— Посмотрим. Думаю, что его государственная мудрость пригодится Тартессу и в дальнейшем.

Они поговорили еще немного, обсудив подробности предстоящего переворота, а затем юный мятежник покинул канатную мастерскую купца Эзула: он торопился к своим людям.

Эзул проводил его за ворота, посмотрел вслед и вернулся в каморку. Отломил кусок лепешки, сунул в редкозубую щель под вислыми усами, пожевал, исподлобья взглянул на верховного казначея.

— А что, светозарный Миликон, если этот сумасшедший и впрямь захватит власть и провозгласит царем этого... Эхиара?

— В Тартессе будет править наместник Карфагена, — сказал Миликон, поднимаясь. — Только Карфаген может покончить с царствованием Аргантония. А мы, — он дернул Эзула за бородку, — мы дадим для этого Карфагену оружие из черной бронзы. Падрубал терпеливо поджидает в Столбах нашего греческого гостя.

Эзул довольно засмеялся, с бороды его посыпались крошки.

— То-то обрадуется греческий простофиля, — сказал он, — и оружие увезет и старого дружка Падрубала повидает. Хи-хи-хи, придется бедным фокейцам с персами палками воевать...

—Так вот кто бунтарь — Тордул. Но чего он, собственно, хочет? Возвращения порядков, которые были в старину?

— Ну, допустим. А что?

— Да знаете ли, идеализация прошлого больше подходит старикам. Наверное, это чисто возрастное. Представляю себе старика неандертальца — он обкалывает новый каменный топор и ворчит: разве это кремь, вот раньше кремни были... А какой-нибудь наш потомок, дожив до преклонных лет, будет брюзжать, сидя перед объемным цветным стереофоническим, воспроизводящим запахи телевизором: вот раньше, говорят, персдачи были... Я что хочу сказать? Ваш Тордул молод, ему пристало вперед смотреть, а не назад.

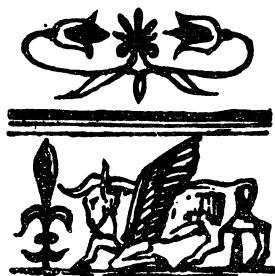
— Так-то так, но ведь он не мог ничего знать о неотвратимости исторического прогресса. Тордул мог почерпнуть представления о справедливости только из прошлого.

— Позвольте, а восстания рабов? Спартак, по-вашему, тоже оглядывался на прошлое?

— Но Тордул не вожак рабов. Он хочет, в сущности, дворцового переворота.

— Зря, зря. Парня с таким горячим бунтарским характером следовало бы поставить во главе восстания, которое...

— Дорогой читатель, очень просим: не торопитесь.

ГЛАВА 10

На кошачью охоту

— Не нравится мне это, Горгий, — сказал кормчий и сплюнул в грязную воду между судном и причалом. — Томили нас, томили, а теперь — кха! Давай в восточную гавань, выгружай наждак, бери черную бронзу и убирайся в море...

— Что тебе не нравится, Неокл? — рассеянно отозвался Горгий. — Чего хотели, то и получаем.

Они сидели на корме под жарким солнцем Тартесса, полуголые, распаренные. Из-за мешков, сваленных возле мачты, доносились стук костей о палубу, ленивая матросская перебранка.

— Эй, Лепрей, довольно трясти!

— Все равно больше двух шестерок не выкинешь.

— Мое дело. Сколько хочу, столько и трясу.

Покатались кости, раздался взрыв хохота.

— Опять один и один! Подставляй лоб, Лепрей!

— Жаль, Диомеда нет, он мастер щелкать...

— Что ж мы, братья, так и

прошелкаем всю стоянку? Ни в винный погреб, ни куда не пускают. Чего хозяин нас держит, как собак на цепи?

— Правильно делает, — отозвался рассудительный голос. — Диомед вот сходил на берег, да и пропал.

— А скучно, братья, без Диомеда... Ну, чья очередь выкидывать?

«Да, пропал Диомед, — тоскливо подумал Горгий. — Обещал разузнать Миликон, куда он заделся, и молчит. Смутно все, тревожно... Велит корабль ставить под погрузку, а самого меня на кошачью охоту тащит. Мне ихние кошки поперек горла, тьфу!.. И как же завтра без меня грузить станут? На первой волне груз разболтается, еще трюм разнесет... Неокл, он, конечно, дело знает, да все не свой глаз...»

— Не нравится мне, — продолжал зудить кормчий, потирая слезящиеся глаза. — Груз дорогой, а как его через Столбы провезешь? Карфагеняне там.

— Что делается в Столбах, о том здешние правители знают лучше нас. Не пошлют же они такое оружие прямо в лапы врагам.

А сам думал с нехорошим холодком в животе: Миликон сухой путь запретил, непременно в море выталкивает. А от Миликона кто приходил с повелением? Канатный купец... Эзул этот самый... Сидит в Тартессе, а о нем в Столбах Падрубал-карфагенянин заботится, ремешок с письменами шлет. Темное это дело... Может, рассказать Миликону про ремешок?

Новый взрыв смеха прервал его смятенные мысли.

— Опять у Лепрея один и один!

— Да у него просто лоб чешется, оттого и старается.

— Вот бы у тебя так зачесался. Не везет, а вы, дураки, ржете.

— Слышь, братья, знал я одного игрока — вточь наш Лепрей, как бросит, так один и один. Вот он однажды до того разозлился, что хватъ кости — и проглотил, чтоб соблазну играть не было. А потом, слышь, подошло время, присел он за кустом, а они, кости, значит, возьми да выйди наружу. Посмотрел он под себя — опять один и один!

От матросского хохота вздрогнуло судно.

— Эй, вы, потише! — крикнул Горгий.

Потянулся к ведру, плеснул на себя воды: хоть и теплая, а все-таки полегче, когда мокрый.

Рассказать Миликону про ремешок, конечно, можно, но вот вопрос: в новинку ли ему это будет? Уж если Эзул у него ходит в доверенных людях, то, может, и сам Миликон стакнулся с Падрубалом? Неужели такой знатный в Тартессе человек держит руку злейшего врага своего города?..

Горгий тихонько поцокал языком.

— Ты ему скажи, что корабль неисправен — кха! Испроси дозволения отправиться сухим путем, — будто сквозь туман слышал он нудную речь кормчего.

Не ответил. Снова и снова перебирал в памяти слова Эзула, с час назад приходившего на судно. Хорошо начал купец, обрадовал: завтра, мол, с утра выгружай наждак, получишь чернобронзовое оружие. Была понятна и просьба перевести корабль к восточному причалу — для удобства погрузки. А дальше началось непонятное: желает-де светозарный Мили-

кон показать тебе кошачью охоту... высокая это честь для приезжего купца, еще никто из греков не достаивался...

Вдруг пришла догадка: не опасается ли Миликон, что он, Горгий, заполучив оружие, перегрузит его на повозки и, нарушив запрет, уйдет из Тартесса не морем, а сушей? Не потому ли желает держать его, Горгия, при себе вплоть до того часа, когда закончится погрузка и можно будет выпроводить корабль в море? В море, напрямик в загребушие падрубаловы лапы...

Ну нет, любезнейший, не на такого ты наскочил!

Горгий поднялся, взглянул на клепсидру: сколько вытекло воды с полудня. О, уже четыре часа... Пока не поздно, надо идти к купцу Амбону. Лучше бы, конечно, к тем купцам, которые талант с восьмой предлагали, но где их разыщешь? Ладно, пусть Амбон забирает наждак, а заодно и корабль. Сколько б запросить, все-таки двести талантов свинца ушло на обшивку днища, такой корабль на дороге не валяется... Ну, подсчитаем. И пусть Амбон грузит олово в слитках прямо на повозки и пусть лошадей дает, а не быков, так-то поскорее до Майнаки доберемся. Сегодня же вечером и пустимся в дорогу. Уж лучше олово в Фокее, чем рабство в Карфагене...

Да, и еще не забыть попросить у Амбона провожатых и охрану до перевала, а то нарвемся еще на гадирский отряд. Этот Амбон, по всему видно, в чести у Павлидия, уж десяточек стражников выпросит у него... А Миликон — что ж, пусть везет на охоту свою кошачью стаю; он, Горгий, ему не попутчик...

Повеселев от принятого решения, Горгий велел кормчему приготовить все для выгрузки наждака, а

сам прошел к себе в каюту. Вытащил из-под койки сундучок, облачился в серый, обшитый по подолу красным меандром гиматий.

Только ступил на сходню — глядь, бегут по причалу коричневатые рабы с носилками, позади носилок грохочет по доскам на привязи пустая тележка. Прямо к судну... Это кого ж еще шлют всемогущие боги на его, Горгия, несчастную голову?..

Остановились рабы, откинулся в носилках пестрый полог. Горгий так и остолбенел и рот позабыл закрыть: Астурда! Голову набок наклонила, улыбается...

— Ты ко мне, Астурда?

Танцовщица легко прыгнула с носилок, защебетала, мешая греческие слова с тартесскими. Ткнула тонким пальцем в тележку. Волосы ее из-под высокой шапки лились чуть ли не до пят, и были они не черные, как показалось Горгию тогда вечером, а цвета спелого каштана. И глаза были того же цвета, только яркие и прозрачные.

Понял Горгий из ее объяснений, что утром умащивала она своего хозяина, Сапрония, благовонным египетским жиром, и до того понравился толстяку этот жир, что возжелал он получить в дар еще полдюжины амфор, а то ведь неведомо, когда снова приплывут в Тартесс фокейские купцы. Вот и повелел он ей, Астурде, ехать в гавань. И еще понял Горгий, что поручение это было ей приятно.

Конечно, пришли Сапроний за жиром кого другого, вряд ли добавились бы новые амфоры к его запасам благовоний. Но кому, как не поэтам, знать жизнь, а также место, которое в ней занимает женщина!

Астурда не уклонилась от приглашения отведать греческого вина. Непонятно чему улыбаясь, высоко подняв голову, прошла она за Горгием в дощатую каюту. Матросы, побросав кости, проводили ее такими взглядами, что удивительно было — как не воспламенилось на ней легкое цветное одеяние.

— Ну, чего уставились? — проворчал кормчий. — Баб, что ли, не видели? Живо в трюм! Велено расчистить все, что поверх наждака навалено!

Когда же Астурда вышла из каюты, на тонких ее запястьях блестели украшения из янтаря, а из верхнего сосуда корабельной клепсидры перетекло в нижний немало воды — на три часа времени...

Астурда сошла на причал, растолкала спящих рабов.

Горгий хлопнул по плечу кормчего и весело сказал:

— Такие-то дела, друг Неокл! Вели погрузить на ту тележку шесть амфор египетского жира.

— Кха! — только и сказал кормчий, неодобрительно покачав головой.

Горгий смотрел вслед удалявшимся носилкам, и мысли его были далеки от купца Амбона. Когда же он, наконец, вспомнил о своем намерении, было уже поздно: из тучи пыли, вечно висевшей над портовыми закоулками, выскочили два всадника. Гулко простучав копытами по доскам причала, осадили у схода коней, заорали сытыми голосами:

— Эй, фокейский купец, собирайся! Светозарный Миликон ожидает тебя в носилках!

И Горгий понял, что нельзя противиться судьбе. Когда завязывал в каюте сандали, бросился ему

в глаза воткнутый в стенку кинжал из черной бронзы — подарок Павлидия.

Хоть и кошачья, а все-таки охота, подумал он, мало ли что может случиться.

И сунул кинжал за пазуху.

Неслыханную честь оказал иноземному купцу светозарный Миликон: пригласил в свои носилки. Велел греку сесть на ковер, сам же покойно расположился на вышитых серебром подушках.

Дорога, что шла вдоль крепостной стены на север, была хорошая, лошади — одна впереди, другая сзади — бежали ровно, носилки чуть покачивались. За носилками ехал особый возок, разгороженный внутри так, чтобы охотничьи кошки не задирали друг друга. Было их там десятка два, злых, длинноногих, двое суток не кормленных. Орала они дурными голосами, не переставая. За возком пылил конный отряд — личная стража верховного казначея.

Заговаривать первым с высокорожденным не полагалось, и Горгий томился за опущенными занавесками. Миликон жевал сушеные плоды смоковницы, шурился на Горгия, поигрывая серебряным нагрудным украшением.

«И чего он едет занавесившись, — подумал Горгий. — Экая духотища...» Он украдкой зевнул, прикрыл рот рукой. Глаза его слипались.

Лошадиные копыта загрохотали по мосту. Горгий очнулся от дремоты.

— Откинь занавески, — сказал Миликон.

Дышать стало легче. Далеко позади остался Тартесс — крепостные стены, дымные кварталы ремес-

ленников, сторожевые башни. Бетис медленно катил под длинным мостом желтые воды. А там, впереди, расстилались зеленые поля, в предвечерней дымке чуть лиловели горы.

Теперь дорога была хуже. На ухабах носилки встряхивало. Горгий больно ушибся задом, невольно выругался. Миликон презрительно ухмыльнулся, 'по-советовал:

— Скрести под собой ноги.

— Далеко ли еще ехать, светозарный? — осведомился Горгий.

— Туда, — вяло махнул рукой Миликон. — Видишь ли, очень много кроликов развелось на полях Тартессиды, рабы не успевают сберечь от них посева. Тут-то и пригодились наши охотничьи коты.

И он принялся рассказывать Горгию, как кот поднимает кролика с кормовища, как настигает его и перекусывает шею.

«Мне бы твои заботы», — думал Горгий, а сам кивал головой в знак почтительного внимания. Но и собственные заботы, от которых последние дни голова трещала, теперь, как ни странно, отодвинулись от Горгия. Он сам дивился охватившему его безразличию ко всему на свете. В голове было легко и пусто... Нет, не пусто: Астурда занимала все его мысли. Он вспоминал ее смех, ласки, глупости, которые она ему шептывала. Она предлагала вместе бежать. Не в Фокею, нет. Где-то за пределами Тартессиды кочевало по горным долинам ее племя. Цильбены... или цильцены... мудреное название... Они перегоняют с пастбища на пастбище овечьи стада. Скрип повозок, полынный дух, звезды над головой. Вольная жизнь у костров... А может, и

вправду... забыть навсегда пыльные города, шаткие корабельные палубы, торговые заботы... развеять по ветру старую мечту о собственном деле...

— Почему ты улыбаешься? — услышал он вдруг голос Миликона. — Что смешного в моих словах?

— Нет, светозарный, ничего... Извини...

— Я тебе толкую, что вся сила у них не в лапах, а в зубах. Но если круглый год кормить их сырым мясом...

Пусть они подавятся, все как есть, подумал Горгий, а вслух сказал:

— Такими котами надо дорожить.

Смеркалось. Слева проплыли глинобитные домики, рощица смоковниц. Донесся насадный скрип гончарного круга. Крик осла. Дорога запетляла меж бурых холмов и побежала вниз, к мелькнувшей среди трав реке. Быстро падала, сгущаясь, темнота, впереди засветилась группка неярких огней.

Копыта притомившихся лошадей зацокали по каменной улочке, и носилки остановились подле невзрачного двора для проезжих. Из ворот вышли двое с чающимися факелами; увидев Миликона, согнулись и замерли в поклоне.

— Приехали, — сказал Миликон и неспешно слез с носилок. — Здесь переночуем, а перед восходом выедем на охоту. Напоишь котов водой, — бросил он хозяину двора, плешивому вольноотпущеннику, — а кормить не вздумай. Нам же приготовь еду. Пожирнее.

— Светозарный! — вскричал хозяин. — Мне ли не знать твоих вкусов! А кроликов нынче развелось... Будет забава твоим кошечкам, да пошлют им боги хорошего здоровья...

Миликон не дослушал, пригнувшись, шагнул в низкую дверь. Горгий последовал за ним. Телохранители спешили, лениво потянулись с кожаными ведрами к колодцу.

В комнате тускло горел масляный светильник. За нечистым столом, склонив косматую голову над обедками, над недопитой чашей, дремал человек. Он поднял осовелые глаза на вошедших, уставился на Горгия. И Горгий узнал в нем того купца из Массалии, с которым по пути в Тартесс повстречался в Майнаке.

— Здравствуй, массалиот, — приветливо сказал Горгий. — Сухим путем, значит, дошел сюда от Майнаки?

Массалиот помотал головой, пытаясь стряхнуть тяжкое опьянение.

— Ага, это ты, горбоносый фокеец, — просипел он. — Не утопили тебя кар-рфагеняне в Столбах?

— Как видишь, я цел. И товар мой тоже.

Горгию хотелось толком расспросить массалиота о сухом пути — не перегорожен ли он гадирцами, хватает ли в дороге корму для лошадей и очень ли круты перевалы, — но при Миликоне, само собой, надо было помалкивать. Да и пьян купец не по-хорошему. «Авось до утра протрезвится, — подумал Горгий, — тогда и расспрошу».

— Вижу, ви-жу... Я все вижу! — сказал массалиот. — И кар-фагенский нос твой вижу... С таким носом можно через Столбы...

— Пьяный дурак, — устало сказал Горгий, отворачиваясь.

Миликон, вздернув бровь, пристально смотрел на массалиота, потом перевел взгляд на Горгия.

— Четвертый день сидит тут, — объяснил хозяин, почесывая плешь. — Привез товар, но все выжидает чего-то. Проезжих расспрашивает — какие цены в Тартессе да нет ли там беспорядков. Я ему толкую, в Тартессе беспорядков отродясь не бывало, не то что в других землях, — так ведь не верит. Сомневается... С утра до ночи вино хлещет. Упрямее не видывал постояльца...

— Не верю! — рявкнул массалиот, уронил голову в объедки и сразу захрапел.

— Скажи моим людям, чтоб унесли его во двор, — велел Миликон. — Да прибери здесь и свету прибавь.

Ужинали вдвоем. Миликон молча обглаживал баранью ляжку, косил на Горгия черным пронизательным глазом. Со двора доносились фыркание лошадей, мычание быков, истошные кошачьи вопли. От всего этого, от пьяных слов массалиота опять стало Горгию тревожно. Кусок в горло не лез. Хотелось спать.

— Какой товар привез твой знакомый купец? — спросил Миликон.

— Не знаю, светозарный. Я и его-то не знаю. Всего раз и видел в Майнаке. Тоже вот так сидел и вином наливался.

— Скучно с тобой, грек, — сказал Миликон, помолчав. — Или о корабле своем думаешь? Не бойся, погрузят все как надо. Эзул смышлен в таких делах. — Он остро взглянул на Горгия. — Или не доверяешь ты ему?

— Как не доверять достойному человеку, — уклончиво ответил Горгий.

— Мерзавец он первойшей руки.

— Да я и то заметил...

— Что ты заметил?

— Так ведь... — У Горгия чуть с языка не сорвалось про ремешок, про Падрубала, но тут же он осекся. — Хитер уж очень...

— Без хитрости не проживешь, — наставительно сказал Миликон. — Тем более у нас в Тартессе. Уж не думаешь ли ты, что хлеб властителей сладок?

— Где уж там, светозарный, — ответил Горгий, покосившись на гору обглодков под миликононой бородой. — Одних только забот о нас, низкорожденных, сколько...

— То-то и оно, — кивнул Миликон. И задумчиво добавил: — Вот я первый раз в году вывез котов на охоту, а сам все думаю, как там в городе день пройдет без меня... Ведь кому доверишь? Только себе и можно... Попробуй тут без хитрости.

Он замолчал, прислушиваясь к звукам во дворе. Потом опять взглянул на Горгия, сказал:

— Узнал я про твоего пропавшего матроса.

— Где он? — востропнулся Горгий.

— Люди Павлидия схватили его на базаре. Литеннон выпытывал у него, не встречался ли ты в Столбах с карфагенянами. Ведь ты соврал Литеннону, что прошел Столбы безлунной ночью. Луна-то была, вот и заподозрил тебя Литеннон.

«Ах, проклятые», — с ужасом подумал Горгий. Старясь не выдать тревоги, спросил:

— А что говорил мой матрос?

— При пытке не был, не знаю. — Миликон усмехнулся. — А теперь и спросить не у кого: Литеннону, ты сам видел, череп раскроили. Само собой — случайно... Твой матрос теперь на рудниках. При-

дется отплыть без него: с рудников не возвращаются.

Он поднялся, вышел во двор. Постоял, глядя на дорогу, скудно освещенную ущербной луной, тихо поговорил с начальником своей стражи. Потом вернулся в комнату, где хозяин двора приготовил для него ложе. У дверей уселись, зевая, телохранители.

Горгию было велено ложиться спать в углу двора. Он растянулся на охапке свежескошенного сена, закинул руки за голову. Прямо над ним стояло созвездие Арктос *. Значит, восток вон в той стороне... за стеной, сложенной из нетесаных камней... Где-то там, за морем, Фокея. Тоже спит под луной. Только там, должно быть, уже под утро...

Шальная мысль пришла ему в голову: стена невысока, перемахнуть через нее и пуститься наутек... подальше от этих проклятых богами опасных мест, от миликоновых хитросплетений. Долиной Бетиса подняться вверх, потом — горными тропами на восток, к Майнаке... Мешочек с деньгами при нем, кинжал тоже... Но уже плыли перед мысленным взором недоумевающие лица кормчего Неокла, Диомеда, матросов... купца Крития... Нет, не убежать. Одной веревочкой связала его с ними судьба. И еще Астурда... Да что же это? Скольких женщин он знал, а вот так, чтобы в душу запало, не было еще ни разу. Уж не колдовство ли?..

Звякнуло оружие. Рядом присел на сено один из миликоновых стражников. Шумно поскреб грудь, ругнулся вполголоса.

Ну вот, теперь и захочешь, а не уйдешь.

---

* Созвездие Арктос — Большая Медведица.

И уже в полусне последняя мысль: «Уж если суждено пойти в море, то прихватчу с собой Астурду, а там будь что будет...»

Среди ночи проснулся Горгий от неистового шума. Топот тяжелообутых ног, крики и ругань, лязг оружия. Рядом хрипло застонал и рухнул человек. Горгий быстро отполз в сторону, затаился между возком и стеной. Пытался понять, что происходит: передрались ли телохранители между собой или еще какая беда нагрянула?..

Шум драки оборвался внезапно. Во дворе вспыхнули факелы, в их дымном багровом свете Горгий увидел вооруженных людей в желтом. Стражники Павлидия! Они бродили с факелами по двору, разглядывали убитых.

— Ну что, нашли грека? — спросил начальственный голос.

— Ищем, блистательный. Здесь должен быть, куда ему деться...

У Горгия застучало в висках. Он прижался боком к шершавой стене, нащупал за пазухой кинжал.

— Вот он! — донеслось с другого конца двора. — В сено, злодей, закопался.

— Тащи его!

Горгий услышал хриплый испуганный голос:

— Не трогайте меня, я купец из Массалии...

— Да это не тот. Проезжий, что ли... У того, говорили, нос горбатый.

— Бросьте этого, ищите дальше!

Коллеблющийся свет факелов приблизился.

— Ага, вот он, горбоносый, за повозкой! Гляди-ка, кинжал наставил...

Пахнуло потом и кожей. Два копыя уперлись Гор-

гию в грудь. Подошел блистательный, весь в серебряных перевязях и пряжках.

— Отдай кинжал, — велел он, кривя губы в нехорошей улыбке. — Все видели? — Он потряс кинжалом в воздухе. — Этим ножом грек и убил светозарного Миликона!

— Ошибка! — закричал Горгий. — Никого я не убивал... Я спал во дворе...

— Стража светозарного Павлидия не ошибается, — прервал его блистательный. — А с карфагенскими лазутчиками у нас разговор короткий. Ведите его!

Понуро побрел Горгий под наставленными копьями со двора. Увидел на миг сумрачный взгляд масалиота. Потом его толкнули в повозку.

—Так, так. Не выдержали, значит: ввели женский персонаж.

— У вас есть возражения?

— Пылкая любовь вольноотпущенника к рабыне... Нет, я не возражаю. Без любви что же за роман?

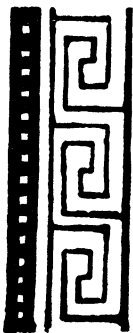
— Вы иронизируете, читатель?

— Послушайте, вашего Горгия судьба так немилосердно лупит по голове, что... ну в общем сделайте его счастливым хотя бы в любви. Я серьезно говорю.

— Поверьте, мы бы очень хотели, но...

— Скажите прямо: не умеете писать о любви. Я уж давно заметил: фантасты считают, что описывать любовь не их дело. То есть они пишут о ней, конечно, но как плохо! Как холодно!

— Вы нас пристыдили. Мы попробуем научиться хорошо писать о любви. Нет, в этом романе уже поздно. Но, может быть, в следующих вещах...

ГЛАВА 11

Тордул и Павлидий

Дворец Павлидия был открыт только для доверенных людей. Но имелась в нем комната, куда ходу не было никому. Здесь верховный жрец в уединении обдумывал и решал государственные дела.

На возвышении, перед статуей бога Нетона, горел жертвенный огонь. На полу лежали бычьи шкуры. В углу была из стены водяная струя, падала с плеском в маленький водоем. От жертвенного огня вода казалась красной.

Павлидий сидел, откинувшись на подушки, перед низким столом с бронзовыми ножками. Тордул стоял перед ним. Переминался с ноги на ногу, избегал взглядов верховного жреца. Мало походили они друг на друга, только носы у обоих были одинаковые — острые, хищные. Щека Тордула была рассечена, одежда изорвана, левое плечо обмотано окровавленными тряпками.

— Хорош, — тихо сказал Павлидий, отводя от глаза финикийское стеклышко. — Давно тебя не видел. Не при-

бавили тебе ума морские походы. А тот, что был, морскими ветрами выдуло.

Тордул молчал. Он весь еще был во власти недавней короткой и бешеной схватки у крепостных ворот. Не мог он понять, почему так получилось: против ожиданий стражи оказалось не только не меньше, но и куда поболее обычного. И часа не прошло, как его, Тордула, люди были смяты и повязаны. Самого же Тордула прямиком приволокли сюда.

— Окрутил тебя Миликон вокруг пальца, обманул, как котенка, — продолжал Павлидий. — На что ты рассчитывал, поднимая оружие против тысячелетнего царства? Рассуди сам: может ли малый котенок опрокинуть могучего быка?

— Ваш могучий бык еле стоит на ногах, — мрачно ответил Тордул. — Он поражен болезнью.

— А ты уж и в лекари? — Павлидий насмешливо прищурился. — Да будет тебе известно, сынок, что болезнь Тартесса называлась Миликон. Но сегодня, хвала Нетону, с этой болезнью покончено.

Он встал, подкинул в огонь щепоть пахучего порошка. Заговорил другим тоном — почти ласковым:

— Ах ты, простачок. Да разве ты не понимаешь, что был нужен этому мошеннику только для прикрытия?

— Не понимаю, — буркнул Тордул и потер раненое плечо.

— Болит? — сочувственно спросил Павлидий.

— Дергает...

— Дай мне осмотреть рану.

— Не твоя забота. Говори, что хотел сказать. Какое еще прикрытие?

— Изволь. — Павлидий снова уселся, поиграл стеклышком. — Давно уже мне стало известно, что твой Миликон связался с Карфагеном. Уговор у них был: Миликон поможет карфагенянам захватить Тартесс...

— Не может быть! — выкрикнул Тордул. — Зачем ему это?

— А затем, что собирался сесть в Тартессе наместником Карфагена. Власть, знаешь ли... Да где тебе знать, как она приманчива, эта самая власть. Иной вроде и высоко стоит, а все ему мало... Постой, да ты, замышляя бунт, не собирался ли властвовать в Тартессе?

— Нет! — отрезал Тордул. — Мне власти не надо. Власть должна принадлежать законному царю — Эхиару.

— Вот как! — Павлидий поджал тонкие губы.

— Да, Эхиару! Вы обманули... вы скрываете от народа, что законным наследником трона был царский сын Эхиар. Аргантоний был верховным жрецом, вот как ты сейчас. Он силой захватил трон Тартесса!

— Даже если это было так, все равно ты поздно хватился: Эхиара уже много десятков лет нет в живых.

— Неправда, он жив! Он томится на рудниках, у него отняли не только трон, но и имя. Он потерялся среди тысяч безымянных рабов, но он жив!

— Кто тебе сказал это? — тихо спросил Павлидий.

— Ну, Миликон сказал.

— Ах, Миликон! — Павлидий усмехнулся.
А ты и поверил, дурачок...

Тут раздался быстрый стук, шел он не со стороны двери, а из-за статуи бога Нетона. Павлидий прошел туда, отворил в стене потайное окошко. Оттуда донесся невнятный голос. Павлидий слушал, приложив к окошку ухо.

— Хорошо, — сказал он, выслушав до конца. — Миликона сегодня вечером похоронить возле храма со всеми почестями. Пошли в город глашатаев, пусть объявят народу, что светозарный Миликон пал от преступной руки предателя-грека, карфагенского лазутчика. Пусть это вызовет всенародный гнев против чужеземцев. Ты все понял? Ну, ступай. погоди! Когда толпа в священном порыве устремится бить греков, проследи особо, чтобы не пострадали ни корабль, ни груз. Запомнил?

Он вернулся к столу. Встретил растерянный взгляд Тордула, горестно покачал плешивой головой.

— Кругом враги, кругом враги... Иной раз думаю, Тордул: зачем взвалил я на себя столь тяжелое государственное бремя? Удалиться бы в долину Бетиса, пожить на покое... Что с тобой?

Тордул, пошатываясь, подошел к водоему, поставил голову под струю. Павлидий забеспокоился.

— Не упрямясь, Тордул, дай осмотреть рану. Я, как известно, хорошо разбираюсь в ранах.

— Не хочу... — Тордул жадно, вздохнул напился воды, потом тяжело опустился на край водоема, здоровой рукой провел по мокрому лицу.

Теперь он сидел, а Павлидий стоял над ним, поджав губы.

— Ты сказал, что я... что я был нужен Миликону как прикрытие. Что это значит?

— Ты, кажется, знаком с купцом Эзулом, — сказал в ответ Павлидий и заходил по комнате. — Вчера вечером он был схвачен и при первой же попытке сознался во всем. Он был у Миликона главным посредником для связи с Карфагеном. Так вот. Фокейский корабль по пути в Тартесс был остановлен в Столбах карфагенянами. Греку велели передать Эзулу тайное письмо. Мои люди сразу заподозрили, что грек подослан карфагенянами. Но по наущению Миликона был убит в драке мой человек, который расследовал это путаное дело. Слушай дальше. Миликон решил использовать фокейский корабль для того, чтобы переправить карфагенянам оружие из черной бронзы. Это ускорило бы их нападение на Тартесс. Но, конечно, Миликон понимал, что погрузка такого оружия — ты же знаешь закон о черной бронзе — не пройдет незамеченной. Он догадывался, что за ним следят. Чтобы отвлечь внимание моих людей от погрузки, он и велел тебе выступить сегодня. Сам же уехал с греком на охоту. Он прекрасно знал, что твой бунт обречен на неудачу. Одного он не знал: что этой ночью падет от кинжала грека.

Тордул удрученно молчал.

— Если все это правда... — заговорил он наконец.

— Показания Эзула записаны. Ты можешь их прочесть.

— Если это правда... — повторил Тордул и вдруг, скривившись, ударил себя кулаком по лбу. Он мы-

чал и раскачивался из стороны в сторону, и злые слезы текли по его щекам.

— Ты неосмотрителен и излишне горяч, мой мальчик. Теперь ты сам видишь, что не должен был порывать со мной и доверяться этому негодяю...

Тордул вскинул на отца яростный взгляд.

— Ты только что велел похоронить этого негодяя и изменника с почестями у стен храма!

— Да, это так, — с печальной улыбкой отозвался Павлидий. — Ты не искушен в государственных делах. Нас тут никто не слышит, и я скажу тебе без утайки. Нам постоянно приходится объяснять народу то одно, то другое. Но как ему объяснить, что такой знатный человек, можно сказать, третье лицо в государстве, — изменник и ставленник Карфагена? Не подорвет ли это в народе доверие к власти? В его глазах мы, правители, должны быть непогрешимы, более того — святы. Иначе падут устои и все рассыплется...

— И поэтому вы лжете народу на каждом шагу! — крикнул Тордул.

— Ну, зачем же так... То, что кажется тебе ложью, на самом деле государственная мудрость. Надо свести тебя с ученым Кострулием, он неопровержимо докажет...

— Вы все изолгались! По привычке бубните древние заветы, славите Неизменяемость, но самим-то вам давно наплевать на все это! Ну-ка припомни, кто был блистательным в старые времена? Храбрейший из воинов, вот кто! Он поровну делил со своей дружиной и еду и добычу. Он был как все, только в бою бился впереди всех. А теперь? Кто, я спра-

шиваю, теперь блистательный? Толстопузый богатей, обвешанный серебром и пропахший кошками! Да еще напридумывали сверкающих, светозарных...

— Замолчи, Тордул. — Верховный жрец нахмурился.

— Да еще бесстыжую торговлю открыли — продаете титулы за деньги...

— Замолчи, говорю тебе! — повысил голос Павлидий. — Я никому не позволю...

— Ну, так зови своих палачей! Руби мне голову!

Тордул поднялся. Они стояли лицом к лицу, впившись друг в друга гневными взглядами. Потом Павлидий отошел к столу, сел, поиграл стеклышком. Спокойно сказал:

— Не подобает нам горячиться. Не чужие мы люди, Тордул... Я готов забыть твои неразумные выходы. Ты останешься у меня во дворце, у тебя будут еда, питье и одежда, достойные твоего происхождения. Первое время, конечно, придется сидеть во дворце безвылазно.

— Ты очень добр, — насмешливо сказал Тордул. — А что собираешься ты сделать с моими товарищами?

— Пусть это тебя не тревожит. Пролить кровь не в моих правилах. Как известно, каждому преступнику у нас даруется не только жизнь, но и возможность заслужить прощение. Твоим товарищам придется немножко поработать на рудниках.

— Ну так вот: я разделю с ними судьбу до конца. Павлидий пожевал губами.

— Послушай, мой мальчик. Постарайся меня понять. Я бы хоть сейчас отпустил их на все четыре стороны. Но, видишь ли, это может вызвать...

— Ни о чем я тебя не прошу. Мы пойдем на рудники все вместе.

— Ты сейчас говоришь в запальчивости. Отдохни день или два, приди в себя, и тогда...

— Я все сказал, отец. Вызывай стражу.

— Одумайся, Тордул.

— Вызывай стражу! И навсегда забудь о нашем родстве!

Некоторое время Павлидий сидел молча, опустив плечи и уставясь в пляшущий огонь. Потом медленно поднялся, подошел к массивной двери, отворил ее и дважды хлопнул в ладоши.

— **С**тарая наивная вера: стоит заменить злого царя добрым, как все пойдет хорошо. Конечно, ваш Тордул не мог быть исключением.

— Вы правы, читатель. Но, знаете, бывало и в древние времена, что к царской власти относились не очень почитательно. Вот, например, была такая Голубиная книга — это, говоря по-современному, сплошной вечер вопросов и ответов. Там некий мудрец Давид Иесеевич терпеливо отвечает на вопросы любознательного Вологамана Вологамановича. Например: какая рыба — царь над всеми рыбами? Давид Иесеевич отвечает: левиафан. А над всеми камнями? Алатырь-камень. Над всеми зверями? Лев царствует. Почему именно лев? Потому что у него хвост колечком.

— Хвост колечком?

— Да. В этом заключалось его решающее преимущество над главным соперником — единорогом.

ГЛАВА 12

В двадцать девятой толпе

Во сне боги уводят человека куда хотят. Только что Горгий стоял на высоком корабельном носу и смотрел, как двумя косыми валами убегает, убегает синяя вода от переднего бруса. А проснулся — все та же провонявшая невымытыми телами пещера, куда на ночь сгоняли двадцать девятую толпу.

Чадил факел в медном кольце на стене: в темноте рабов не считаешь, не убежишь. Горгий поднялся, разминая затекшее тело, ненароком толкнул Диомеда, храпевшего рядом на соломе. Матрос вскинулся, заругался спросонок.

Подошли к выходу, попросились у стражников. Тот, что

с раздвоенной бородой, — сразу в крик, сразу кулак к носу:

— Времени не знаете? А ну, назад!

А тот, что помоложе, сказал зевая:

— Да пусть... Главный велел, чтоб в пещере сырость не разводили.

Фокейцы вышли из пещеры, оборотились спиной к луне, справили нужду. По привычке Горгий посмотрел на звезды — где какая сторона света. На востоке темнели горы, врезааясь скалистыми зубцами в звездное небо. За горами, как знали фокейцы, стояли еще горы, и еще...

— Чего ты уставился в небо? — спросил Диомед, кашляя и сплевывая.

Горгий не ответил.

— А ну, давай обратно в пещеру! — заорал бородатый стражник.

Предрасветный ветерок тянул из ущелья, холодил обнаженные тела. Бородатый ткнул Горгия в спину тупым концом копья — не больно, а для порядка, чтобы знал время.

Солома в пещере была набросана везде, а все-таки лучше свое место, належанное. Тут на стене Горгий мелом вел счет дням, а рядом Диомед нарисовал царя Аргантония в непристойном виде, а Павлидия — еще хуже.

Была здесь и трещина в скале, заложенная камнем. Везде человек заводит хозяйство. Вот и Горгий с Диомедом припрятали кое-что в трещине: бронзовую мотыжку, снасть для добывания огня, засохшие куски ячменных лепешек. Еще бронзовый скребочек да кусок сала. Не для еды: по вечерам, после

работы, натираются фокейцы салом, потом скребочком снимают его с кожи вместе с грязью — такая была у греков привычка. Конечно, протухшее сало — не то что египетский душистый жир, да что поделаешь...

Горгий лежал без сна. Ночная тоска взяла его за горло — хоть плачь, хоть головой об стенку бейся. Видно, покинули его боги. А может, просто не достигаешь их взор дальнего края ойкумены? Сам же испугался этой мысли. Что ж боги — их мало, а нас вон сколько, за каждым разве усмотришь? Боги — им тоже на глаза попасть надо. А как попадешь, если днем под землей и ночью в пещере света белого не видишь?..

Ночные разбойники, бешеные псы — вот кто они, правители Тартесса! Где это видано — обвинить человека в убийстве и ни за что ни про что, без суда, без разбора, затолкать на погибельные рудники... Вот и Диомеда так же: схватили на базаре, пытали, пытали, внутренности отбили — и сюда. Разозлились, что ничего он не рассказал... А вышло, что зря Диомед, горемыка, побои терпел: все равно ведь он, Горгий, оказался на рудниках. Ладно, хоть в одну толпу угодили, встретились...

И еще думал Горгий о том, как не повезло ему: попал в самую середину раздора меж правителей Тартесса. Миликон чем-то там обидел Павлидия, Павлидий велел своим людям убить Миликона... Светозарные дерутся, а простолюдины кровью харкают...

Бежать, бежать отсюда! Лучше подохнуть с голоду в чужих горах, чем здесь, в неволе.

Сладким воспоминанием проплыла перед мысленным взором Астурда. Знать бы, как прядут Мойры нить его судьбы... сведут ли еще с Астурдой...

Стражники заколотили в медную доску, закричали:

— Выходи на работу! Во славу царя Аргантония, на работу!

Вставали рабы, потягивались, разминали наболевшие, плохо отдохнувшие мускулы. Зевали, протирали глаза, отхаркивались, по-разному молились богам, перемежая молитвы проклятиями.

Горгий с Диомедом пожевали припасенные с вечера зеленые веточки — по греческому обычаю, чтобы во рту было свежее. Вышли из пещеры.

Стражники ходили меж рабов, сбивали в поддюжины, чтобы легче было считать. Считали несколько раз в день, делали зарубки на счетных палочках, сбивались, начинали снова пересчитывать двадцать девятую толпу.

Были здесь больше иберы разных племен: цильбицены, карпетаны, илеаты. Были и вовсе дикие, обманом увезенные с далеких Касситерид — рослые, светлородые, раскрашенные синей глиной. Рабы из тартесских горожан держались в этой пестрой толпе особняком.

Внизу, у ручейка, над кострами кипело варево. Богато живут в Тартессиде, рабам и то варят пищу в медных котлах.

Расселись вокруг котлов по поддюжине. Старшие пошли за ложками. Ложки тоже медные, со знаками двадцать девятой толпы.

Начали хлебать. Что ешь — не разберешь, и дух от варева нехороший. Что где испортится — на рудники везут. Всем известно.

Ели молча, не торопясь, хоть и покрикивали стражники. Торопливая еда силы не дает: заглотаешь по жадности кусок не разжевавши — пропал кусок без толку. Ложками черпали по строгой очереди, макали в варево черствые ячменные лепешки — свежих рабам не давали: не напасешьсяя.

Горгий хоть и был голоден, а ел трудно: с души воротило от такой еды. А Диомед ничего. Обвыкся. Рядом шумно чавкал здоровенный горец-кантабр, весь с головы до ног обросший бурой шерстью. Ложку он, видно, не понимал, черпал из котла горстью, а ладонь у него была как лопата. Прочие едоки недовольно косились, но помалкивали: уж очень силен и свиреп был этот самый кантабр.

День начинался серенький. Ключья ночного тумана плыли над ущельем, смешивались с дымом костров.

От соседнего котла подошел молодой раб — нос крючком, глазищи горят, как у лихорадочного, левая рука обмотана тряпьем. Присел на корточки, стал оглядывать едоков. Уже не раз видел Горгий, как этот раб слоняется меж котлов, приглядываясь к людям. А сегодня увидел вблизи — и сразу припомнил: тот самый моряк, что однажды его, Горгия, в портовом погребе угощал дикарским пивом с Касситерид. Торгул... нет, Тордул — вот как его зовут...

Подбежал стражник, заругался на Тордула — мол, не путай, собака, счета, давай в свою подюжину. Тордул поднялся, резанул стражника ненавидящим взглядом. Тот озлился.

— Как смотришь?! — заорал. — Глаза вылупил, падаль! Давай на место!

У Тордула запрыгали губы от ярости.

— Сам ты падаль! — выкрикнул в ответ.

Звяканье ложек и чавканье стихло. Такого на рудниках еще не слыхивали. Стражник ошалело уставился на строптивного раба. Потом размахнулся, с силой ударил обидчика тупым концом копья. Удар пришелся по левому плечу. Тордул взвыл, покатился по земле. На тряпке, обмотанной вокруг его руки, расплывалось темное пятно. Горгий присел над корчившимся Тордулом, стал осторожно разматывать тряпку.

— Душегубы, — пробормотал он и добавил на ломаном тартесском: — У человека больная рука, а ты бьешь...

— У человека? — с издевкой переспросил стражник. — Вот я покажу тебе человека!

Он закричал, замахал руками, сзывая других стражников. Тем временем Горгий, быстро осмотрев старую колотую рану Тордула, туго стянул над ней руку ремешком, чтобы унять кровотечение, потом вытащил из-за пазухи кожаный мешочек с мазью, с которым никогда не расставался. Он услышал над собой грубые голоса, ругань, но не поднял головы, торопливо втирал мазь в рану. Кто-то схватил его за шиворот, рывком поднял на ноги. Горгий увидел злые бородатые лица стражников — сбежалось их сюда около десятка.

— Ты тут говорил про человека? — спросил старший стражник, недобро усмехаясь и отдавая Горгия сложным запахом вина и бараньего сала.

— Ну, я...

Старший умело ударил его ногой в живот.

— Запомни: во-нючий раб, вот кто ты. Ну-ка повтори!

— Я не раб, — прохрипел Горгий, разгибаясь. — Я ни в чем не провинился.

Диомед проворно встал между ним и стражником и принял следующий удар на себя.

— Э, да тут бунт! — взревел старший. — Взять их!

— Что за шум? — раздался вдруг властный голос. — Па-чему задержка у котла?

Стражники вытянулись при виде подходившего начальства. Это был сам Индибил, начальник всех рудников, низенький, толстый, с круглым, не лишенным приятности лицом. Серебра на нем было в меру, в руке он держал витой бич с серебряной рукояткой. Его сопровождала личная стража, угрожающе колыхались гребни на их шлемах.

— Блистательный, тут бунтуют рабы... — Стражник стал рассказывать о случившемся.

Индибил не дослушал, коротко махнул бичом, бросил:

— На голубое серебро.

Двинулся было дальше, но тут взгляд его скользнул по Тордулу, который сидел, хрипло дыша, на каменистой земле. Индибил остановился, в раздумье выпятил нижнюю губу.

Горгий воспользовался заминкой.

— Блистательный, разреши сказать... Я здесь без вины... Пусть меня поставят перед судом, у меня есть свидетели...

Но Индибил вроде бы и не слышал его слов. Он все смотрел на Тордула, и тот, встретив его взгляд, выдал из себя:

— Что, узнал?

Индибил повернулся к старшему стражнику:

— Отменяю голубое серебро. Этого не трогать. За его жизнь ты отвечаешь головой. Понял, борода?

Старший недоуменно кивнул.

— Блистательный... — Горгий повысил голос, но Индибил даже не взглянул на него.

— Живо на работу! — распорядился он и пошел своей дорогой.

«И слушать не хотят, — со злостью подумал Горгий. — Не-ет, правды тут не найдешь...»

Он получил пинок ногой в зад.

— А ну быстрее в колонну! — заорал старший. — Радоваться должен, иноземец, что на голубое серебро не угодил!

Колонна рабов двинулась. Старший потоптался немного над Тордулом, который все сидел, раскачиваясь и придерживая раненую руку здоровой. Потом велел одному из стражников увести Тордула в пещеру: пусть отлеживается, кто его знает, что за птица, может, он родственник блистательному Индибилу.

Тянулись по каменистым тропам нескончаемые потоки рабов. Горгий с Диомедом шли в паре, поглядывали по сторонам. Изрыты здешние невысокие горы, как муравейник. Всюду чернеют дыры рудников, новых и старых, в которых добычи уже нет, только по ночам рабов туда загоняют. Какой только

руды нет в этих горах! Позаботились о Тартессе властители подземного царства Аид с Персефоной, накопили меди и серебра.

Тянулись в горы скрипучие повозки, запряженные быками: везли пищу для рабов, для стражников. Обрато в Тартесс повозки возвращались груженые слитками — там, в городе, искусные руки ремесленников сливали медь с заморским оловом, ковали оружие, делали утварь и украшения.

Видно, не суждено ему, Горгию, исполнить волю Крития, доставить в Фокею оружие. Да и вернется ли он в Фокею вообще?.. Хорошо хоть Диомеда здесь встретил — все родная душа. Нетерпелив Диомед, одно у него на языке — бежать да бежать. А как убежишь, если стража кругом. Наслышался уж он рассказов о беглых рабах — почти никому не удалось далеко уйти, всех побросали на рудник голубого серебра, откуда, по слухам, и вовсе нет возврата. Там человек вскоре сам помирает непростой смертью. Отчего — знают только там...

Вот и Тордул на рудники попал. Неосторожные речи вел он тогда в портовом погребе. За это, может, и попал... Долго ли здесь?..

Как шел, опустив голову, так и налетел на шедшего впереди кантабра. Тот оглянулся, ослабился. Зубы у него страшные, как у вепря. Силен кантабр, да туп. Посмеиваются над ним втихомолку рабы из городских: будто у них, у кантабров, не мужчины, а бабы всем заправляют. Что ни народ, то свой обычай...

Медленно втягивалась двадцать девятая толпа в темную дыру рудника. В свете факелов разобрали кайла, рудные ящики, кожаные мешки. Надсмотр-

щики с криками, с тычками развели рабов по выработкам.

Спустились по веревочной лестнице в круглый колодец, кое-где укрепленный ивовой плетенкой. Внизу от ствола в разные стороны шли ходы, а от ходов — ходки поуже, огибая рудное тело, заложенное здесь подземными духами. В одном из таких ходков разожгли костер, чтобы накалить забой, чтоб растрескалась от огня крепкая порода, — хворосту еще с вечера заготовили. Повалил дым, вытягиваясь наружу, — днем все шахты курились. Ело глаза, першило в горле. Кашляли, плевались. Пока раскалялся забой, поплелись в другую, обожженную вчера выработку.

И пошли вгрызаться чернобронзовыми кайлами в породу. Отвалят глыбу, разобьют на куски помельче, потащат ящик с рудой к колодцу.

Так и шли день за днем — от утренней пищи до вечерней, после которой только и мог Горгий, что натереться салом, соскрести с себя грязь и копать да повалиться на слежавшуюся солому.

Сегодня Горгию не повезло: велели таскать руду в заспинном кожаном мешке наверх. Уж лучше бить кайлом в забое (можно ведь там разок-другой и не в полную силу ударить), чем мотаться вверх-вниз по веревочной лестнице. Кантабр приволок очередной ящик. Утирался волосатой ручищей, отдыхал, пока Горгий перекидывал куски породы в мешок. Вдруг наклонился, загудел что-то Горгию в ухо. Тот отшатнулся, испуганно посмотрел на заросшее шерстью лицо кантабра: чего нужно этому медведю?

— Я — с тобой — говорить, — сказал кантабр, медленно подбирая слова. — Ночь. Понимать? Ночь.

Горгий кивнул. Взвалил мешок за спину, полез по раскачивающейся лестнице. Его мутило от дыма, от усталости, от безысходности.

Вечером в пещере к Горгию подполз кантабр, вклинился огромным туловищем между ним и Диомедом. Зачесался, заговорил, мешая тартесские слова со своими, непонятными:

— Ты сильный — я сильный — он (кивнул на Диомеда) тоже сильный. Еще есть — наши горы. Понимать?

— Дальше что?

— С работы идти — темно — каждый наш одного стражника быстро-быстро задушить — бежать наверх — горы.

Он замолчал, уставился на Горгия немигающими глазами.

Горгий долго не отвечал, думал. Чувствовал — не только кантабр, но и Диомед жадно ждет ответа.

— Правильно говорит волосатый, — не выдержал Диомед. — Если накинемся разом...

— А дальше что? — хмуро спросил Горгий. — Куда бежать?

— Наши горы, — зашептал кантабр. — Половина луна быстро-быстро ходить — наше племя — много желуды — сыр — от коза — много коза у нас. Хорошо!

— Нет, — сказал Горгий. — Нам с тобой не по дороге, кантабр. У нас в Тартессе корабль, люди ждут. Нам туда надо.

— Тартесс! — услышав это слово, кантабр затряс кулачищами, глаза его налились кровью...

Так и не сговорились. А через день Диомед отозвал Горгия в дальний закоулок шахты и возбужденно зашептал:

— Беда, хозяин! Один городской из нашей толпы грузил слитки и разговорился со знакомым возчиком. И тот ему такое сказал... Слух прошел по Тартессу, что греки Миликона убили. Накинулась толпа на наших, и до одного всех перебили, в воду побросали...

Горгий тупо уставился на огонь факела, долго молчал. Потом спросил:

— А корабль?

— Корабль хотели сжечь. Уже огня подложили, да стражники потушили, разогнали всех. По слухам, корабль наш купцу Амбону казна продала...

Несколько дней Горгий ходил сам не свой. Будто потухло у него что-то внутри, будто лишили его боги слова и мысли. Диомед шептался по вечерам с кантабром, пытался и хозяину растолковать подробности замышляемого побега, но Горгий не то чтобы не слушал его, а не слышал. Уж Диомед не на шутку стал тревожиться. Однажды, повозившись в углу пещеры, выкатился вдруг семенящей походочкой на середину — под рубищем на животе набита солома, глазки прищурены, нижняя губа презрительно выпячена. «Па-чему задержка у котла? — гаркнул на всю пещеру. — Ж-живо на работу!» Рабы испуганно повскакали, услышав знакомый голос. В дыру просунулась голова стражника. Диомед простер к нему руку, заорал: «На голубое серебро!» Стражник юркнул обратно — чуть не помер со страху. Долго гоготали

рабы в пещере, требовали от Диомеда повторить представление. А он все посматривал в угол, где лежал Горгий. Заметил усмешечку на лице хозяина — и давай дальше выламываться. Чуть ли не все свои штуки показал. Вдруг схватился за грудь, задержался в кашле, с трудом отполз к лежанке. Горгий положил ладонь ему на горячий потный лоб. Диомед затих, часто дыша.

— Тебе нужно беречь силы, — сказал Горгий.

— А чего беречь, если бежать не хочешь...

Горгий не ответил, но матрос уже и тому был рад, что расшевелил немного хозяина.

А утром, когда шли на рудник, Горгий шепнул Диомеду:

— Послушай... Не дожидайся меня, беги, если хочешь...

Матрос покачал головой. Горгий пристально посмотрел на его изможденное лицо. Впервые заметил в его рыжих всклокоченных волосах седые нити.

Как-то поздним вечером, когда пещера храпела, бредила, вскрикивала в беспокойном сне, Горгий сжал плечо Диомеда, горячо зашептал:

— Теперь нам терять нечего... Говори, что с кантабром порешили?

Побег назначили на один из вечеров, когда только-только зарождалась новая луна.

Колонна устало брела с рудника. Мотались на ветру, разбрызгивая искры, огни факелов. Стражники с копьями на плече шли по бокам колонны. Горгий и Диомед присматривались к «своему» стражнику — был он высок, но узкоплеч, справиться с таким не составило бы труда, не будь они так изнурены тя-

желой работой и голодом. Горгий еще ничего, держался, а вот Диомед плох, с кровью кашляет, отбили ему внутренности люди Павлидия...

Горгий нашарил за пазухой острый камень, прихваченный с рудника. Как подойдет колонна к повороту (там скалы громоздятся у самой дороги) — по крику кантабра враз кинутся они на стражников: греки на «своего», кантабр, что шел впереди, — на другого, еще два горца-соплеменника — на третьего. Камнями по голове, мечи из ножен, — пока подоспеют прочие стражники, бежать со всех ног наверх, по скалам, бежать и бежать в горное бездорожье, а там будь что будет...

Диомед хрипло дышит рядом, пальцы мертвой хваткой вцепились в шершавый камень. Не видно луны за облаками, мотаются факелы на ветру...

Поравнялись с поворотом. Ну вот, сейчас...

Горгий не спускает глаз со стражника, примеривается к прыжку.

Дикий гортанный вскрик... Диомед рванулся из колонны, но тут же рухнул наземь, задыхаясь в приступе кашля. Горгий растерянно склонился над ним. Шум, крики, пляска факелов... Позади двое горцев кинулись на стражника, один сразу напоролся на копье, упал, захрипев, а второй начал было карабкаться на скалу, да споткнулся, подбежали стражники, навалились на беднягу... А впереди кантабр мощным ударом свалил «своего» с ног, дикой кошкой метнулся к скалам. Прыжок. Еще... Стражники полезли за ним, ругаясь... Опоздали! Уже издали донесся победный рев кантабра, и эхо повторило его с жуткой силой.

Бегали стражники вдоль остановившейся колонны. Молча, понуро стояли рабы. А Диомед все корчился на земле от кашля. Горгий опустился рядом на колени, приподнял пылающую голову матроса.

Рана у Тордула стала заживать. В руднике он теперь не работал: сидел наверху, подсчитывал да на дощечках записывал, сколько ящиков руды выдает в день двадцать девятая толпа. Чистая была у него работа. И стражники не задирали Тордула: кому охота навлекать на себя гнев блистательного Индибила?

Не знали они, стражники, почему начальник рудников отличал перед другими этого строптивного раба. Да и не полагалось им знать.

А было вот как.

Не отказался Тордул от своего слова — решил разделить судьбу с товарищами — и был вместе с ними отправлен на рудники. Измученные, связанные попарно, тащились неудачливые мятежники по горным дорогам, по ущельям, мимо курившихся шахт. Тордула мучила рана, томила жажда, он заметно ослабел и еле волочил опухшие ноги. Ретобон, рябой и долговязый, поддерживал друга, но и у Ретобона силы были на исходе.

На шестой или седьмой день пути сумрачная колонна миновала ущелье, в котором дымила горнами плавильня, и, медленно одолев подъем, по накатанной повозками дороге вышла к желто-серой скалистой горе. Стояла эта гора особняком, была невысока и лишена растительности — по крайней мере склон

ее, открытый взглядам, выглядел голо и как-то безрадостно.

По колонне пополз тревожный слух: будто именно в этой горе находится таинственный рудник голубого серебра. В голове колонны произошла заминка. Конные стражники поскакали туда, раздались проклятия, глухие удары, стоны. Колонна поползла дальше и вскоре уперлась в подножие скалы, где зияло отверстие локтя в два высотой. Туда-то и начали спешившиеся стражники загонять одного за другим своих узников. Тех, кто упирался, заталкивали силой. С гоготом, с бранью били несчастных древками копий куда ни попадя.

Подошла очередь Тордула и Ретобона. Тордул, смертельно бледный, поднял голову — в последний раз взглянуть на голубое небо...

— Этот, что ли? — донеслось до его слуха. — Эй ты, носатый, как зовут? Тебе говорю!

Тупой конец копья уперся Тордулу в грудь. Отшатнувшись, Тордул уставился на пожилого стражника с нечесаной бородой и подслеповатыми свирепыми глазками.

— Спятил, что ли? Как звать тебя, спрашиваю!

— Тордул его зовут, — ответил за друга Ретобон.

— Он самый, — подтвердил другой стражник, глядявываясь в Тордула. — Его и показал нам гремещий, когда из Тартесса выходили.

— Не перепутать бы, — буркнул пожилой. — Все они вроде на одну морду стали... Чего глаза выкатил? — заорал он на Тордула. — Отойди в сторону!

Второй стражник рассек ножом веревку, связы-

вавшую друзей, и оттолкнул Тордула. Тот, охнув, упал. Ретобон шагнул было к нему, но тут накинулись стражники, пинками и толчками швырнули Ретобона к зиявшему чернотой лазу, подтолкнули древком копья. На миг оглянулся долговязый, перед тем как поглотила его гора, на миг скрестился его недоуменный взгляд с растерянным взглядом Тордула...

А спустя час Тордула доставили в домик у речки, в котором жил начальник всех рудников. Пожилой стражник вытащил из-за пазухи свернутый в трубку пергамент, почтительно вручил его Индибилу. Морщась от запаха, подпрыгивая коротенькой ножкой, начальник прочел пергамент. Взмахом руки отпустил стражу, с интересом посмотрел на Тордула.

— Сядь, — сказал он затем. — Выпей вина, подкрепи свои силы.

Тордул покачал головой. Глаза его блуждали, он с трудом сдерживал икоту.

— Полагаю, — продолжал Индибил, разглаживая на столе пергамент, — что с тебя достаточно того, что ты видел. Если хочешь, я немедленно отправлю тебя домой... к твоему родителю.

— Нет, — прохрипел Тордул.

— Не упрямься, подумай как следует. Твои сообщники никогда уже не вернутся, и ты можешь...

— Отправь меня к ним.

Тордул еле шевелил языком. Невыносимо болело раненое плечо.

Индибил иронически усмехнулся.

— К ним я тебя не отправлю. Мне пока что дорога своя голова. — Он еще раз прочел пергамент, постучал по нему твердым ногтем. — Но раз ты упорствуешь — пойдешь на медные рудники. А теперь выпей вина и поешь.

Не погнушался, сам поднес Тордулу чашу. Строптивец оттолкнул чашу, вино выплеснулось на пергамент, на сандалиИ Индибила. Начальник рудников побагровел, страшным взглядом посмотрел на Тордула. Приоткрыл дверь, вполголоса отдал стражникам короткое распоряжение.

«Вот и все, — устало подумал Тордул. — Сейчас схватят... накинут петлю на шею, удавят...»

Вошел человек мрачного вида, с длинными волосатыми ручищами. Однако не палачом оказался он, а лекарем. Быстро, умело размотал одеревеневшие от крови и грязи тряпки на тордуловом плече, промыл рану кисло пахнущим настоем, наложил повязку. Тордул не сопротивлялся. Сидел на скамье, понурившись, безразличный ко всему.

Перед тем как кликнуть стражу и отправить Тордула в двадцать девятую толпу, Индибил промолвил сухо:

— Запомни: как только пожелаешь, ты будешь доставлен к своему родителю.

Прошло полмесяца или немногим больше, и Тордул второй раз предстал перед начальником рудников. Это было в тот день, когда приблел он утром к чужому котлу, встретил Горгия и сцепился со стражниками.

Как и в первый раз, Индибил предложил беспокойному рабу еду и питье. Тордул поколебался не-

много. Потом решительно придвинул к себе блюдо с мясом, налил в чашу вина до краев, жадно выпил. Был он очень голоден, это верно. Но не от голода набросился на еду. Задуманное дело требовало свежих сил. Так говорил он самому себе, утверждаясь в этой мысли.

Блистательный Индибил полулежал в кресле, с насмешливой улыбочкой поглядывал на бурно насыщавшегося Тордула.

— Ну как? — спросил. — Еще не хочешь домой?

Тордул взглянул исподлобья, вытер ладонью жирные губы.

— Не засорь моего слуха ненужными вопросами, — сказал он резко.

Побагровел Индибил, дрыгнул ножкой, однако и на этот раз стерпел неслыханную дерзость.

— Послушай, — сказал Тордул как ни в чем не бывало. — С больной рукой мне трудно управляться с кайлом. Переведи на другую работу.

Охотнее всего Индибил перевел бы этого нагльца туда, откуда никто не выходил, — на рудник голубого серебра.

— Хорошо, — процедил он сквозь зубы. — А теперь, если ты насытился, то отправляйся в свою вонючую толпу.

Велел, чтобы посадили Тордула на чистую работу — подсчитывать ящики с рудой.

Иногда Горгий работал наверху — таскал ящики для подсчета. Тордул приветливо ему улыбался, усаживал рядом, заводил разговоры про целебную

мазь — из чего, мол, ее делают, да всякий раз совал греку то пол-лепешки, то кусок сыру. Стражник хмурился, гнал Горгия работать, но словесно, без пинков и зуботычин.

А потом Тордул перевелся в ту пещеру, где жили Горгий с Диомедом. Все ему удавалось, счастливику этакому. Ну, может, и не совсем счастливчик, как-никак тоже в неволе, но чистая работа и сытный харч — тут все равно что счастье.

Однажды после работы притащил Тордул целого жареного кролика.

— Где ты добываешь такую еду? — удивился Горгий.

Тордул не ответил, только рукой махнул.

Пока греки с жадностью обгладывали хрустящие кости, он приглядывался к рисункам на стене.

— Кто рисовал?

— Он. — Горгий кивнул на Диомеда. — Не узнаешь? Ваш царь Аргантоний.

Тордул засмеялся, покачал головой: ну и ну!

— А это кто?

— Павлидий, чтоб собаки его кишки по базарной площади растаскали, — с полным ртом ответил Диомед.

Тордул помолчал, потом сказал:

— Слыхали? Того раба, что третьего дня бежал, поймали у реки. Жажда, видно, замучила его, спустился к реке, а там кругом засады. С полдюжины стражников, говорят, он положил на месте, прежде чем его скрутили.

— Что ж с ним теперь будет? — с печалью спросил Горгий.

— Изведает высшее счастье, — Тордул усмехнулся, — будет добывать для царя Аргантония голубое серебро... пока не издохнет.

Знал Горгий, что не полагается в Тартессе допытываться, для чего нужно голубое серебро, но теперь то ему было все равно.

— Мы, греки, привыкли жить по-простому, — задумчиво сказал Горгий. — Дерево есть дерево, собака есть собака. Всему свое назначение: людям одно, богам другое. А у вас все не просто... Ума не приложу, что это за голубое серебро и что из него делают...

— Никто не знает, — ответил Тордул, поджав острые колени к подбородку. — Тысячи рабов долбят гору, мрут, как мухи, для того, чтобы отправить в Сокровенную кладовую два-три пирима голубого серебра за месяц. А знаешь, сколько это — пирим? Вот, на кончике ногтя поместится.

— Для какой же все-таки надобности его добывают? — допытывался Горгий. — Делают что-нибудь из него?

— Делают, а как же. Лет сорок копят, потом глядишь — щит сделают. Потом на другой начинают копить.

— А щит-то для чего? — не унимался Горгий.

— Все тебе знать надо. Вроде так завещано предками, сынами Океана... В году один раз, на праздник Нетона, верховный жрец повесит щит на грудь, покажется людям, а они радуются, ликуют.

— Чего ж тут радоваться?

— Велено — и радуются. — Тордул помолчал, потом вскинул на Горгия сердитый взгляд. — Чего

ко мне привязался? У вас разве богам не поклоняются?

— Так то — боги, дело понятное. А у вас...

Тордул заворочался, зашуршал соломой.

— Менять надо все в Тартессе, — с силой сказал он. — Законы менять. А первым делом — царя!

— Кого ж ты вместо Аргантония хочешь? — спросил Горгий без особого интереса.

Тордул огляделся. Час был поздний, все в пещере спали. Спал и Диомед, подложив под щеку кулак.

— Аргантоний — незаконный царь. — Тордул понизил голос. — Он заточил истинного царя... Томит его здесь, на рудниках, уже много лет...

Горгию вдруг вспомнилось, как Тордул бродил от костра к костру, заглядывая рабам в лица.

— Да ты что, знаешь его в лицо?

— Нет. — Тордул со вздохом откинулся на солону. — Знаю только — зовут его Эхиар. Старый старик он... если только жив...

— Ну, а если жив? — спросил Горгий. — Как ты его опознаешь?

— Есть одна примета, — неохотно ответил Тордул.

На Горгия напала зевота. Он улегся, прикрылся гиматием, огорченно подумал, что дыр в нем, гиматии, становится все больше, и месяца через два будет нечем прикрыть наготу, а ведь скоро, говорят, начнутся зимние холода... Вспомнилась ему далекая Фокея, каменный дом купца Крития, где была у Горгия своя каморка. Вспомнился хитрый мидянин, искусный человек, который вышил Горгию на этом са-

мом гиматии красивый меандровый узор. Вышил, верно, хорошо, но содрал, мошенник, по крайней мере лишних полмины. До сих пор обидно. Шутка ли — полмины! И Горгий стал прикидывать, чего и сколько можно было бы купить за эти деньги, но тут Тордул зашептал ему в ухо:

— Послушай, я не успокоюсь, пока не найду Эхиара или не узнаю точно, что его нет в живых. Хочешь ты мне помочь?

«Только и забот у меня, что подыскивать для Гартесса нового царя», — подумал Горгий.

— Еще не все потеряно, — шептал Тордул. — Нам нужны верные люди. Слышишь?

— Слышу... У Павлидия целое войско, а сколько ты наберешь? Полдюжины?

— Ты слишком расчетлив, грек. Видно, тебя не привлекает свобода.

Горгий приподнялся на локте, смерил злым взглядом Тордула, этого наглого мальчишку.

— Убирайся отсюда... щенок!

Тордул вспыхнул. Но против обыкновения не полез драться. Твердые губы его разжались, он коротко засмеялся: «гы-гы-гы», будто костью подавился.

— Мне нравится твоя злость, грек. Так вот: давай соединим две наши злости. Помоги мне, и ты получишь свободу.

Быстрым шепотом он стал излагать Горгию свой план.

— **М**не кажется, Тордул прав: слишком уж расчетлив Горгий и прижимист. Знаю, знаю, сейчас вы скажете, что он торговец, а не гладиатор. Дело не в профессии, а в характере. Не люблю чрезмерную расчетливость в человеке, которого хотел бы уважать.

— А вы заметили, что при всей своей расчетливости он неудачлив и несчастлив?

— Трудно не заметить. Обстоятельства оказались сильнее его расчетов. Но мне бы хотелось видеть в положительном герое...

— Горгий вовсе не положительный герой.

— А кто же он — отрицательный?

— И не отрицательный. Просто он сын своего времени.

— Позвольте. Вот я слежу за трудной судьбой Горгия, и она мне, пожалуй, небезразлична. Да и вы сами, наверное, хотели вызвать сочувствие к Горгию. Так почему бы не усилить то хорошее, что есть в его характере?

— В жестоком мире, в котором жил Горгий, ему приходилось всячески изворачиваться, чтобы завоевать себе место под солнцем.

— По-моему, он очень пассивен. Покорно следует своей судьбе.

— Не забудьте, что ему в Фокее все-таки удалось выбиться из рабов. Он боролся с враждебными обстоятельствами, как умел. Он был один. Вернее, сам за себя. В этом вся беда.

— Знаете, вы бы взяли и предпослали повествованию развернутую анкету героя.

— Представьте себе, это было бы вполне в духе того времени. Помните, в «Одиссее» прибывшим чужеземцам всегда предлагали целый перечень вопросов: «Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь?

Кто отец твой? Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогою прибыл? Кто были твои корабельщики?..» Анкета — довольно старинное установление.

— И все-таки я предпочел бы видеть в герое с такой сложной судьбой натуру сильную, широкую.

— Что ж, это ваше право, читатель.

ГЛАВА 13

Новое место — новые знакомые

Судя по отметкам Горгия на стене пещеры, был конец пианепсиона*. Все чаще задували холодные ветры. По ночам в пещере не умолкал простудный кашель.

Однажды промозглым утром, задолго до восхода солнца, двадцать девятую толпу гнали, как обычно, на завтрак. Только расположились вокруг котлов, зябко протягивая руки к огню, как появился главный над стражей в сопровождении Тордула. Стал, уперев кулаки в бока, кинул Тордулу:

— Ну, которые?

Тордул молча указал на Горгия и Диомеда. Главный буркнул что-то старшему стражнику двадцать девятой, и тот велел грекам встать и следовать за главным.

* Конец пианепсиона — середина ноября (греч.).

— Чего еще? — заворчал Диомед. — Без еды не пойду.

Главный расправил конский хвост на гребне шлема, великодушно разрешил:

— Ладно, пусть сначала пожрут.

— Как же так, гремющий? — запротестовал старший. — Работать сегодня в двадцать девятой они не будут, стало быть, и харч им не положен.

— Ты что, лучше меня службу знаешь?

— Да нет... — Старший замылся, ковыряя землю острием копья. — Я только к тому, что работать-то они сегодня не будут... значит, и харч...

Главный не удостоил его ответом. Только сплюнул старшему под ноги. Тот обернулся к грекам, заорал, выкатывая глаза:

— Чего стоите, ублюдки? Быстрее жрите и проваливайте!

Путь был не близкий. Шли горными тропами — Горгий и Тордул впереди, за ними тащился, кашляя, Диомед, шествие замыкали два стражника. По дороге Тордул вполголоса рассказал Горгию, что слышал об одном старике, который работал в рудничной плавильне. Старик-де этот долгие годы плавит черную бронзу, не простой он человек, побаиваются его прочие рабы. Поглядеть надо на старика. Вот он, Тордул, и добился через блистательного Индибила перевода в плавильню — для себя и для греков. Там, говорят, работа полегче, не подземная, и харч лучше.

— Как тебе все удается? — удивился Горгий. — Или он родственник тебе, этот Индибил?

Тордул отмахнулся, не ответил.

Вышли на проезжую дорогу, она и привела в ущелье, где шумела, падая с высоты, горная речка. Большая часть ущелья была огорожена каменным забором грубой кладки. В ограде дымили горны, копошились рабы. К крутому боку горы лепились низенькие строения из дикого серого камня.

Рабу без дела болтаться — начальникам острый нож. Не успели вновь прибывшие толком оглядеться, как их уже поставили толочь в каменных ступах куски породы, в которых поблескивали драгоценные камни. Горгий обомлел, не сразу решился ударить пестом: такое богатство в порошок толочь.

Позади раздался дребезжащий голос:

— Что, котенок, задумался? Ложкой в котле небось лучше ворочаешь?

Горгий оглянулся на сухонького старичка с козлиной бородкой и отеческой лаской в глазах.

— Рука не поднимается самоцветы крошить, — признался Горгий.

— Жалостливый, — нараспев сказал старичок. — За какие грехи сюда угодил?

— Ни за что.

— Все так говорят, котенок. А я вот гляжу на тебя и думаю: с таким носом да с не нашим выговором только здесь тебе и место.

Горгий хотел было ответить как следует, но Диомед опередил его.

— Послушай, борода, — сказал он, — не ты ли о прошлом годе с моей козой путался?

Старичок прищурился на Диомеда. Нехорошо посмотрел, будто сквозь щелку в заборе. Повернулся и пошел, слегка волоча левую ногу.

Поблизости работал мелкотелый раб со скошенным, будто отрубленным ударом меча подбородком. Он покачал кудлатой головой, негромко проговорил:

— Зря ты, рыжий, это... Козел не простит тебе обиды.

— А пусть других не обижает, — огрызнулся Диомед.

— Лучше с ним не ссориться.

— Да кто он такой? — спросил Горгий. — Одежда у него как у раба.

— Раб-то он раб, да не простой. Старший плавильщик... Один у нас тоже вот не угодил ему, так Козел на него порчу напустил. Мается теперь человек от чирьев, прямо помирает...

— Как его имя? — вмешался в разговор Тордул.

— Да кто ж его знает? Кличка у него — Козел. Тут имен нету, одни клички... Меня вот прозвали Полморды. Обидно, а ничего не поделаешь...

— Давно он на рудниках?

— Давно. Из всех, кто здесь, он, может, самый старый.

Тордул ткнул Горгия локтем в бок.

Потянулись дни на новом месте. В плавильне и впрямь работа была полегче. Горгий с Диомедом выучились резать из камня формы для отливки кинжалов, мечей и секир, сверлить в камне дыры под шипы, чтобы половинки ровно одна по другой стоя-

ли, чтобы не вытек расплавленный металл. Сперва в форму заливали свинец, разнимали половинки, по свинцовому кинжалу смотрели, где надо подправить форму.

Интересно Горгию было смотреть, как здесь плавил бронзу. Пламя в горнах раздували не мехами: в том месте, где с горы низвергался поток, была отделена одна падучая струя и забрана в стоячий деревянный ящик. Вверху в ящике были прорезаны поперечные щели, а внизу ящик плотно сидел в большом коробе, от которого к горну тянулась медная труба. Не сразу Горгий разобрался в этом диве, а когда разобрался — понравилась ему выдумка тартесских плавильщиков. Оказалось, вода, с силой падая в ящик, увлекала воздух, а в нижнем коробе воздух отделялся от воды и по трубе устремлялся к горну, раздувая огонь под огромным глиняным сосудом. Вот бы фокейским кузнецам рассказать про это — не поверили б!

В сосуд клали тягучую красную медь, хрупкое белое олово и еще порошок из толченых камней-самоцветов. И так, в пламени углей, в рокоте водопада, в свисте воздушного дутья поспевала, рождалась слава Тартесса — черная бронза.

Потом ее разливали по формам. В ярости огня впитав в себя крепость драгоценного камня, жидкотекучая, превращалась она, застывая, в твердую, звенящую — в тяжелые темные мечи, в кинжалы, отлитые заодно с раздвоенной рукояткой, что так ловко лежала в ладони.

Только ее, черную бронзу, здесь и плавил — подальше от чужих глаз.

Жили здешние рабы не в пещере, а в каменном сарае. Вечерами подолгу резались в кости — когда на лепешки, когда на щелчки. Иногда выходил из своего особого закутка Козел.

— Дайте-ка и мне, котеночки, сыграть, — говорил он ласково.

Играли с ним опасливо, знали: выиграешь у Козла — на завтра на дурную работу поставит. Все больше старались проиграть.

Один только раб не принимал участия в вечерних игрищах — лежал в дальнем углу, прикрывшись ворохом тряпья, и молчал. Так его и звали — Молчун. На работу он ходил не со всеми, что-то делал в сарае на другом конце ущелья. На него-то и напустил, по слухам, порчу Козел — чирьи по всему телу. Ну, а порченого, известное дело, все сторонятся.

Кости да кости каждый вечер... Однажды Диомед начертил на глинобитном полу квадратики, разложил по ним цветные камешки, показал, как надо их в черед передвигать — кто раньше займет своими камешками половину противника, тот и выиграл. Новая игра пришлась по вкусу, особенно охочим до нее оказался Козел. Играл горячо — вскрикивал, хлопал себя по тощим ляжкам, крутил козлиную бородку.

Тордул подсаживался к нему, заговаривал, подсказывал хорошие ходы. Он и днем, на работе, крутился возле старшего плавильщика. И Козел оценил такую преданность: отличал перед всеми Тордула, доверял ему разливать глиняным ковшиком черную бронзу по формам. Работа была завидная, не тяже-

лая — не то что обтесывать камень. Счастливым был этот Тордул — всюду устраивался лучше других.

— В тепле работает, у горнов, — ворчал Диомед, тюкая секирой по камню, — а мы тут мерзни на ветру...

Греков Козел к горнам не подпускал, каждый день посылал долбить формы для отливок. Диомед заметно слабел, заходилась кашлем, харкал кровью. Горгий мазал его своей мазью, да не помогало.

— Ловкач, — откликнулся Полморды, работавший рядом. — Так и вьется вокруг Козла, слово у него с языка снимает.

— За что ты сюда попал? — спросил Горгий.

— По доносу, — охотно объяснил Полморды. — Будто я усомнился... А и всего-то было, что не вышел плясать при полной луне. Вы ж, греки, не знаете... Закон у нас есть: как полная луна, так выходи на улицу плясать. Один день оружейники пляшут, другой — медники, потом мы, гончары. Хочешь не хочешь, а пляши. Да я и хотел, только ноги попутали, в костях у меня ломота бывает. Кто-то из соседей и донес: сомневается, мол. А я честный гончар. Я всегда ликовал, когда велели. Ноги вот только у меня...

— Тебя хоть ноги подвели, — сказал Горгий, — а я вовсе без вины тут сижу.

— Скажи спасибо своим богам, что не бросили тебя на голубое серебро.

И всеведущий Полморды указал секирой на невысокую гору, чуть подернутую туманом:

— Видишь? Там оно, голубое серебро. В горé рабов — без счета. Дневного света никогда не видят. Никто не знает, сколько они там ходов прорубили. Вход туда один, узкая дыра, возле нее стража стоит. Говорят, за сто лет оттуда ни один человек не вышел. Там же и мертвяков своих хоронят.

Горгий поцокал языком. А посмотришь — гора как гора, желто-серая, без единого кустика...

— Какое оно, голубое серебро?

— Раза два видел я щит Нетона, говорили, будто из этого самого серебра. Кто же его знает, щит как щит. У верховного жреца на шее висел. Это на празднике Нетона. На воле я еще был...

Шаркающие шаги прервали разговор. Мимо, сутулясь, шел Молчун. Сухими жилистыми руками придерживал на груди тряпье, в которое был закутан. Первый раз увидел Горгий его лицо при свете дня. Желтовато-седые космы, грубо подрезанные над бровями, свалывшаяся борода, нос в черных точках, на правой щеке плешина — видно, ожог от всплеска расплавленной бронзы — никак не скажешь, что красавец. Ни на кого не взглянул, молча прошел, направляясь к себе в сарай.

— Чокнутый, — равнодушно сказал Полморды. — Так вот, один только раз я и не вышел плясать...

— Что он там делает, в сарае? — спросил Горгий, примеряя к шипу только что выдолбленную дыру.

— А кто его знает? Говорят, перемывает порошок, который оттуда приносят, — Полморды кивнул на желто-серую гору. — Бывает, у него в сарае

дым идет. Я как-то подкрался, подсмотрел. Темнотища там. А он чего-то бормочет. Может, молитву... От него лучше подальше...

Горгий понимающе кивнул. Знал, что металл любит закаливания. Знал и то, что кузнецы и литейщики тайно от всех сжигают в новом горне черную курицу, что кузни всегда строят темные, чтоб свет солнца не спорил с огнем. Известно ведь: кузнецы и литейщики — колдуны, они могут лечить лихорадку, заговаривать кровь, отводить несчастную любовь...

— Думаешь, не знаю я, кто на меня донес? — продолжал между тем словоохотливый Полморды. — Как бы не так! Есть на нашей улице один губастый, всюду нос сует. Вот ты не поверишь, он все стихи царя Аргантония помнит наизусть. Выкликнут их раз, он уже и запомнил. Да я бы и сам запомнил, только вот память у меня...

— То тебя ноги подводят, то голова, — сказал Горгий. — Давно этот Молчун здесь сидит?

— Очень даже давно. — Полморды надулся, умолк.

В грязном вонючем сарае каждый вечер одно и то же: пока не догорят факелы, стучат кости, ругаются и спорят игроки; бывает, и дерутся — у кого сил хватает.

Тоска...

Горгий сидел на жесткой соломенной подстилке, тупо смотрел на факельный огонь с дымным хвостом, думал невеселую свою думу. Неужели так и

коротать век в неволе, вдали от родины... от моря... от Астурды?.. Да была ли вообще Астурда, не при-
снилась ли в чудном сне? Был ли корабль, Неокл,
Лепрей и другие матросы? Была ли Фокея?.. Вот и
Диомед все реже говорит о побеге. Видать, погибает,
бедняга, гложет ему грудь чахотка...

Схватить бы факел, кинуть в солону — погибай
все на свете, будь оно проклято...

Подошел Тордул, присел, зашептал ожив-
ленно:

— Ну, Горгий, повезло нам. Ставлю корабль
олова против дырки в твоих лохмотьях, что
этот... старший плавильщик и есть Эхиар. По все-
му чую.

— Козел он самый настоящий, а не... — на-
чал было Диомед, но Тордул змеем на него защи-
пел:

— Забываешься, пища червей! Как смеешь? —
И снова Горгию: — Теперь надо только убедиться,
и тогда...

— Как ты убедишься?

— Знаю одну приметку. — Тордул огляделся,
не слушают ли разговор посторонние уши. —
У царей Тартесса слева на груди выжжен осо-
бый знак. Понял? Вот бы посмотреть у Коз... у
старшего.

— Ну, так стяни с него рубаху и посмотри.

— Спасибо, посоветовал, — насмешливо сказал
Тордул. — Да если он в самом деле царь, разве он
такое потерпит? Нет, так нельзя.

Диомед приподнялся на лежанке, глаза у него
озорно сверкнули.

— А хочешь, сделаю так, что он сам разделется?

— Чего еще выдумал? — Тордул недоверчиво посмотрел на матроса.

Диомед подошел к играющим в камешки. Как раз очередной игрок проиграл Козлу и покорно подставил лоб для щелчков.

— Разреши с тобой сыграть, — сказал Диомед.

Козел смерил его презрительным взглядом, осведомился:

— На что играть будем? На щелчки? Ну, давай. — И, расставляя камешки, добавил посмеиваясь: — По иноземному лобику щелкнуть — одно удовольствие.

Диомед играл старательно, но все же камешки Козла вторглись на его половину и стали бить диомедовы один за другим. Козел был в восторге. Хлопал себя по ляжкам, заливался счастливым смехом. Потом любовно расправил рыжие вихры на лбу Диомеда и вlepил костлявыми пальцами такой щелчок, что матрос покачнулся. После десятого щелчка лоб Диомеда пылал, как огонь в горне.

— Давай еще одну, — предложил он, тяжело, со свистом дыша.

— Ах ты, мой котенок! — взвизгнул от радости Козел. — Да я всю ночь могу щелкать... пока головушку с плеч долой!

— Не, — сказал Диомед, потирая лоб. — Только не на щелчки. Очень сильно бьешь.

Козел подавился смехом, даже слезы потекли по морщинистым щекам.

— Давай так, — предложил Диомед, — кто проиграет, скинет одежду и трижды крикнет петухом.

— Идет! Только зачем же петухом, баловство это. Кричать: «Слава царю Аргантонию!»

На том и порешили. Вокруг игроков сгрудились рабы, Козел то и дело покрикивал, чтоб свет не загораживали. Поначалу игра шла ровно, но потом Диомед стал теснить Козла. Камешки его двинулись вперед, бойко перескакивая через камешки противника. Козел, видя урон, нервно зачесал под мышками. Уж кто-то — осторожный — незаметно подержал Диомеда за рваный рукав: не лезь, мол, на рожон, помни, с кем играешь. А Диомеду хоть бы хны: лезет и лезет камешками вперед. Сопит, кашляет, а лезет, невежа этакий. С каждым ходом Козел все больше мрачнел, все больше задумывался. Когда же у него остался последний камешек, он с кряхтением поднялся, сказал скучным голосом:

— Заигрались мы... Пора и спать.

И шагнул было к своему закутку. Диомед проворно схватил его за полу:

— Э, нет, так не пойдет! А уговор?

Рабы вокруг загалдели. Кто-то за спиной Козла пробасил:

— Что, не хочешь славу царю Аргантонию прокричать?

Козел живо обернулся, да разве найдешь насмешника в толпе? Делать было нечего: уж и воздуху Козел набрал и рот открыл, чтобы славу кричать, но Диомед опять перебил:

— А про одежду забыл? Скидывай!

Ну что ты будешь делать? Пришлось Козлу позориться. Под гогот рабов скинул одежду, обнажив бледное, худосочное тело со следами расчесов. Прикрыв горстью срам, трижды прокричал дребезжащим голосом славу царю Аргантонию.

Тордул растолкал людей, пробился вперед. Обошел Козла кругом, всего как следует оглядел. Потом сплюнул, кинулся на лежанку, уткнулся лицом в солому.

Горгий тоже вышел из толпы, улегся рядом.

— Что-то не видать тайного знака, — с усмешкой сказал он.

Где-то разжился Диомед куском кожи и прохуdivшейся миской. Повозился с ними вечером, сделал бубен. Хоть неказист и не звонок, а по здешним местам сойдет. Ударяя по натянутой коже пальцами, Диомед завел охальную песню:

У жреца была собака, сторожила храм.
Он кормил ее костями, мясо кушал сам.
Раз она украла мясо, жрец ее схватил,
Об ступеньку храма трахнул, до смерти убил...

Рабы скалили зубы, подсаживались ближе. Полморды бросил латать одежду — все равно дыра на дыре, не налатаешься, — подобрался к самому бубну, с детским любопытством смотрел на быстрые пальцы грека.

И, оплакавши, как надо, в землю закопал
И на камне...

Тут голос у Диомеда сорвался, хриплый кашель вырвался из груди. Полморды сорвался с места, принес ковшик воды.

— Давай еще, — попросил он, когда Диомед, напившись, унял кашель.

— А жалостное что-нибудь знаешь? — спросил кто-то.

Диомед подумал немного, потом тихонько повел неторопливый сказ о проклятии, лежащем на роде царя Пелопса. Отмеряя ритм бубном, он пел о злодеяниях сыновей Пелопса — Атрея и Фиеста, как они без устали пытались погубить друг друга и завладеть тронном в Микенах.

Когда Фиест вернулся из изгнания,
Его Атрей на праздничное пиршество,
Как брата брат, позвал приветливо.
А сам Атрей убил детей фиестовых,
Рассек на части и испек на вертеле
И брата мясом чад его попотчевал...

Так пел Диомед, и рабы, столпившись вокруг него, слушали мрачную историю о властителях, которые никак не могли ужиться друг с другом.

Горгий оглянулся на шорох в углу. Молчун против обыкновения не спал, повернувшись лицом к стене. Он приподнялся на локте и в упор смотрел на Диомеда, рука его под бородой теребила горло, будто удушье на него напало.

— Худо тебе? — спросил Горгий, подойдя к старику. — Может, воды принести?

Из-под косматых седых бровей на Горгия уставились два неподвижных глаза. Молчун издал хриплый звук — то ли сказал что-то, то ли простонал — и отвернулся к стене.

На следующий день Молчун брел, как обычно, сутулясь, к своему сараю. Поравнявшись с Горгием, который долбил долотом желобок в литейной форме, он замедлил шаг. Горгию показалось, что старик хочет что-то сказать. Он поднялся с колен, шагнул к Молчуну. Глухим, непривычным к разговору голосом тот спросил:

— То, что вчера пели... правда это?

Работавшие неподалеку Полморды и другие рабы бросили тесать камень, удивленно воззрились на Молчуна: никто из них до сих пор не слыхивал его голоса.

— Правда, раз песня сложена, — ответил Горгий. — Давнее это дело — лет двести, а то и больше.

— Не так уж давно, — буркнул Молчун и пошел своей дорогой.

Рабы, сгибаясь под каменной тяжестью, потащили готовые формы к плавильным горнам. В глиняных сосудах как раз поспела бронза. Козел осмотрел формы, велел подогреть и установить для литья. Огляделся, искал глазами помощника своего — Тордула. А тот, словно литье его и не касалось, сидел спиной к горну на камне, ковырял щепочкой в зубах.

— Что же ты, котенок, — окликнул Козел, — бери скорее ковшик, разливать надо.

Тордул даже не шевельнулся. Козел затеребил его за плечо.

— Эй, очнись!

— Пошел вон, — сказал Тордул, поднимаясь. — Надоел ты мне, Козел облезлый.

И, не обращая внимания на ругань и суету Козла,

вышел из литейного сарая. Козел побежал было вслед, но тут же вернулся к горну: бронза не ждала. Понося Тордула, схватил гребок, сам стал снимать шлак с золотистого расплава, брызжущего искрами. Руки у него тряслись, глаза побелели от ярости.

А закончив разливку, Козел вытер с лица копоть, попил воды и пошел напрямик в особое строение из обожженного кирпича, где помещался сам блистательный Индибил. Домик этот стоял на берегу речки, под отвесной скалой у выхода из ущелья. Земля вокруг была расчищена от камней и гладко утоптана. Меж двух столбов висел туго набитый соломой мешок, несколько стражников с криками метали в него копыя — упражнялись. Козел с опаской обошел их широким полукругом, поднялся на крыльцо. Стражник у входа скользнул по нему скучающим взглядом, отвел копые — проходи, мол.

Налево было помещение для стражников. Там они и сидели — ели лепешки, макая в топленое баранье сало, лениво переругивались, спорили, когда придет срок получать зимнюю обувь. Один, горячась, задирает ногу, совал ее всем по очереди под нос — показывал рваную подошву.

От смачного духа сала у Козла засосало в нутре. Глотая слюну, он пошел в следующую комнату. Здесь перед длинными деревянными скамьями на корточках сидели писцы, острыми палочками царапали по дощечкам, покрытым воском. Старший писец, распространяя густой запах чеснока, ругал одного из грамотеев:

— Сиди хоть ночью, а к утру чтобы все было пересчитано! С завтрашним обозом сведения отправлять, а у тебя...

— Да как же я поспею, счетоведущий? — ныл пи-сец, почесывая палочкой заросший затылок. — Ведь сам ты мне сказал, сколько секир приписать сверх истинного счета...

— Не чешись, когда со мной разговариваешь, поганец! Я сказал, сколько штук приписать, значит, и вес должен быть сообразный. Думаешь, в казначействе дурнее тебя сидят?

— Так все равно же благодарственные деньги по штукам, не по весу начисляют. Не станут они с ве-сом сличать...

— Станут не станут, а все должно сходиться. Сам знаешь, блистательный Индибил любит, что-бы сходилось... — Тут старший писец увидел во-шедшего Козла. — Что, счет сегодняшнему литью принес?

Они немного поговорили о делах. Старший пи-сец распек старшего плавильщика за большой расход самоцветных камней.

С робостью приблизился Козел к покоям блиста-тельного Индибила. Вначале стража не хотела пус-кать. Заспорили. Тут из-за двери послышался зыч-ный голос самого Индибила. Велел пустить.

Козел, войдя, почтительно перегнулся пополам. Начальник рудников полулежал на мягкой скамье, задрав круглое лицо к потолку. Раб-искусник горя-чими щипцами завивал ему бороду. На другой скамье сидел главный над стражей — посмеиваясь, рассказывал начальнику последние тартесские сплетни (видно, ездил в город на побывку).

— Ну, чего тебе? — спросил, наконец, Индибил, скосив глаз на старшего плавильщика.

Козел пожелал начальнику и всей его родне ми-

лости богов, после чего перешел к делу. Два дерзких раба сеют смуту в плавильне, они насмеваются над ним, старшим плавильщиком. Только что один из них отказался выполнить его повеление и чуть было не загубил плавку. Он, старший плавильщик, сильно опасается, что оба раба просто не желают заслужить когда-либо прощения и упорствуют в сомнениях...

— Понятно, — прервал его Индибил. — Завтра при разводе покажешь их главному, и он отправит их на голубое серебро. Теперь вот что. Па-чему у тебя самоцветных камней расходуется больше положенного?

— Блистательный, клянусь Бы... клянусь Нетоном, я их добавляю не больше, чем раньше. Если класть меньше, то крепость бронзы...

— Бронза должна быть крепкая, а самоцветы чтоб ас-тавались! Не менее дюжины с каждой плавки. А не то сам угодишь на голубой рудник. Понял? Ну, ступай.

Козел, кланяясь, попятился к двери, но тут Индибил что-то вспомнил:

— Постой-ка, это о каких рабах ты мне говорил?

— Один — грек, рыжий такой, а второй из города, молодой, нахальный... Их недавно сюда перевели...

Индибил досадливо дрыгнул толстенькой ногой.

— Вот что. Голубой рудник от них не убежит. Этот молодой, как бы сказать, у него ветер в голове... Надо его наставлять добрым примером... Ладно, иди. — Индибил вдруг разозлился. — И не лезь ко мне с пустыми разговорами! Ты тоже убирайся! — крикнул он на раба-цирюльника. Сел, поправил по-

яс, сползший с круглого живота, стал жаловаться на трудную должность: — Другие блистательные живут в свое удовольствие, а я покоя не знаю. Теперь еще с этим, сыночком Павлидия, морока, прислали его на мою голову. Где это видано, чтобы начальник оберегал раба?.. Нет, хватит с меня, уйду я с должности!

Главный над стражей слушал, изображая на лице почтительное внимание, а сам думал: не очень-то ты уйдешь с такой доходной должности... одних самоцветов, должно, десять мешков набил...

Видно, блистательный подметил у главного в глазах нехорошую мысль, еще пуще разъярился, велел главному идти проверять посты.

В тот вечер Козел не вышел из своего закутка играть в камешки. Мрачный, оскорбленный, сидел у себя, строил планы мести. Никак не мог понять, почему блистательный вдруг заступился за строптивного раба.

Тордул тоже был не в духе. И Диомед не пел сегодня песен — худо ему было. Лежал, хрипло дыша, то и дело хватался рукой за грудь, пытаясь подавить кашель.

Горгий подсел к Молчуну.

— Послушай, старик, ты весь в язвах... У меня осталось немного мази. Это египетский бальзам, он хорошо помогает.

Молчун не пошевелился, не переменял позы. Прошло немало времени, прежде чем он ответил:

— Мне уже никакой бальзам не поможет.

Горгий покачал головой.

— За что ты сидишь здесь?

И опять старик долго молчал. А потом глухо сказал:

— Не все ли равно, где сидеть? Ты можешь быть здесь и можешь быть в другом месте.

Горгий удивился:

— Как же я могу быть в другом месте, если меня тут заборами и копьями отгородили?

— Все тлен, все прах, — последовал чудной ответ. — И заборы, и человек, и его имя.

— Ну нет! Я пока что не прах... Меня силком тут держат без всякой вины, понимаешь ты это?

Но старик, должно быть, уже не слышал его. Он забормотал непонятное: «Отделить огонь от земли... Больше, еще больше... еще немного...»

Горгий отполз к своей лежанке. Видно, этот Молчун и впрямь чокнутый. То как человек говорит, то мутят ему боги разум. Перед глазами Горгия на закопченной стене красовалось непристойное изображение Павлидия — это Диомед мелом нарисовал. Горгий погрозил изображению кулаком.

-II *ослушайте, я возражаю. У вас всюду словечки «видать», «загалдели», «засосало в нутре»... Ведь действие происходит в Таргессе.*

— Вопрос серьезный. Видите ли, мы думаем, что вряд ли таргесситы изъяснялись гладким литературным языком. Чтобы придать их речи да и вообще изображению обстановки соответствующий колорит, и приходится употреблять словечки, которые вам не нравятся. Вы находите, что мы злоупотребляем ими?

— Ну, вот, например, «чокнутый» — явное злоупотребление.

— Может, вы и правы. Но, наверное, был в языке таргесситов соответствующий синоним. Вы, конечно, не полагаете, что древние изъяснялись языком переводов «Илиады» и «Одиссеи»? Ведь Гнедич и Жуковский пользовались церковнославянскими оборотами для того, чтобы придать торжественность повествованию о богах и героях. У Гомера язык был много проще. Как говорят сведущие люди, в подлиннике перебранка Афины Паллады с Афродитой звучит так, что мы бы сказали: «Как не стыдно, а еще богини».

— Да я и не призываю вас к высокому стилю гнедичевской «Илиады», но все-таки...

ГЛАВА 14

**«Слава царю
Эхиару!»**

— Во имя царя Аргантония на работу!

День начался, как обычно, долгий, безрадостный, беспросветный. Мерзкая похлебка при свете костра. Ругань стражников, привычная скороговорка Козла, отсчитывающего по головам, сколько рабов на какие работы. Опять ворочать глыбы камня, тесать и тесать до седьмого пота. Опять кашель, и проклятия Диомеда, и надоевшая болтовня Полморды...

Тордул сегодня работал с ними, каменотесами. Вышел у Козла из милости. Был он мрачен, тесал как попало, и ни единого слова не слетело с его плотно сжатых губ.

Около полудня в ущелье въехал, скрипя колесами, обоз. Повозки остановились подле оружейного склада. Рабы побросали работу — все равно погонят сейчас грузить на повозки готовые изделия. Но стражники на этот раз не торопились. Шептались с возчиками, забегали чего-то. Быстрым шагом прошел Индибил со своими телохранителями.

Отовсюду: из плавильни, каменоломни, из куз-
нечных сараев — стягивались к повозкам рабы.
Пронырливый Полморды подслушал разговор стар-
шего обозного со стражниками. Вернулся, громко
зашептал:

— Ну, дела! Царь Аргантоний умер!

Весть мигом облетела ущелье. Рабы заволнова-
лись:

— Как же теперь? Он хоть кормил нас...

— Может, в Тартесс отпустят?

— Жди, отпустят тебя! Прямо к покойничку!

— Сынок-то Аргантония давно помер, не дож-
дался очереди. Кто ж теперь царем будет?

— Кто будет царем? — все громче раздавались
голоса.

Расталкивая рабов, из толпы вышел Молчун.
Главный над стражей недоуменно посмотрел на не-
го. Молчун выпрямился, сказал:

— Я царь Тартесса. Везите меня в город.

Гребень над шлемом главного заколыхался. Ко-
ротко размахнувшись, главный ударил Молчуна меж-
ду глаз. Старик упал мешком на каменистую землю.
Под гогот рабов и стражников («Вот так царь объ-
вился!») Горгий оттащил Молчуна в сторонку.
Опустился на корточки, затормошил старика, как бы
невзначай стянул рубище с его левого плеча. Под
выпирающей ключицей был тускло-синий знак —
трезубец с широко расставленными остриями. Мол-
чун перехватил напряженный взгляд Горгия, забор-
мотал что-то, поправил на плече одежду. Медленно
стал подниматься. По его седым вислым усам расте-
калась струйка крови.

— Эхиар! — прошептал Горгий ему на ухо.

Молчун тихонько засмеялся. Глаза его были безумны. «Еще больше, — пробормотал он, — еще немного, еще... и тогда конец...» Сутуясь, ни на кого не глядя, он побрел к своему сараю.

Если бы даже Горгий крикнул сейчас во всю глотку: «Смотрите, вот Эхиар, законный царь Тартесса!» — все равно никто бы его не услышал в гомоне взбудораженной толпы. Диомед дернул Горгия за руку:

— Слышал, хозяин? Говорят, наш друг Павлидий стал царем.

— Отвяжись...

Горгий озирался, отыскивая Тордула. Он протолкался вперед, но тут стражники двинулись, наставив копыя, на рабов. Толпа притихла.

— Эй, вы! — заорал главный над стражей. — Разобраться по дюжинам! Порядок забыли, пища червей? Начать погрузку! Во славу Павлидия, царя Тартесса, Ослепительного!

Горгий таскал к повозкам тяжелые связки мечей и секир. Стражники сегодня прямо озверели, гоняли рабов, дух не давали перевести. Горгий все посматривал, не видно ли Тордула. Не терпелось ему рассказать про тайный знак на груди Молчуна. Куда запропастился Счастливец? Ни у повозок, ни в оружейном сарае его не видно. Может, дрыхнет где-нибудь за горном, в тепле? С него станется.

Вечером в сарае к Горгию подсел Полморды. Его так и распирало от новостей.

— Ну, горбоносый, — затараторил он, — дела творятся! Расскажу-ка тебе, а то у меня из головы быстро выскакивает, память слабая...

— Постой, — прервал его Горгий. — Ты дружка моего, Счастливого, не видел? Куда он исчез?

— Счастливчик? Ме-е! — Жизнерадостно проблеял Полморды. — Уехал твой Счастливчик с обозом в город Тартесс.

— Как это уехал? — растерянно переспросил Горгий.

— А так, сел рядышком со старшим обозным — и будь здоров. Сам видел. А перед тем он с самим Индибиллом разговаривал запросто, вот как я с тобой. Сам видел. Счастливчик! — Полморды повздыхал, поскреб в голове. — Должно, уже в городе он. Мне бы так...

Тоскливо стало Горгию от этой вести. Вот тебе и Тордул. Бедовали вместе, а теперь вырвался юнец на волю — и его, Горгия, из головы вон. Видно, сильный у Тордула заступник в Тартессе...

— ...Успел со знакомым возчиком перекинуться, — продолжал меж тем Полморды. — Ну, дела, горбоносый! Карфаген, говорят, пошел на нас войной!

— Правильно! — проворчал Диомед, прислушавшийся к разговору. — Я бы на вас все, какие есть, государства напустил, чтоб от вашего подлого города одна пыль осталась.

— Но-но! — Полморды помигал на матроса. — Ты что же это?.. За такие слова, знаешь... Я честный гончар, не слышал я твоих слов.

— Давай дальше, — сказал Горгий. — Значит, война?

— Война! Ихние корабли подступились к самому Тартессу. — Полморды взял себя за нос, мучи-

тельно сморщился. — Не припомню только: то ли наши их побили, то ли они наших... И еще он говорил... Ага! Будто захватил Карфаген какой-то город. На «К» начинается...

— На «К»? Это какой же?

— Да вот из головы выскочило... Будто бы, говорил он, не наш город. Погоди, погоди... А! Вспомнил: греческий. Ваши там живут, фокейцы.

— Майнака?! — криком вырвалось у Горгия.

— Верно, Майнака! — Полморды хохотнул. — А я говорю — на «К»... Эй, что с тобой? — добавил он, обеспокоенно глядя на Горгия. — Воды тебе принести?

Он не мог понять, почему горбоносый, всегда такой спокойный, вскинулся вдруг, словно его кипятком ошпарили. Заломив руки, задрал кверху искаженное лицо, Горгий выкрикивал что-то по-гречески, завывал, с силой втягивал воздух сквозь стиснутые зубы. Жаловался немилосердным богам на злую судьбу, лишившую его последней надежды...

Спали рабы в смрадном сарае на прелой, слезавшейся соломе.

Спал в своем закутке Козел. Сладко чмокал во сне губами, словно и во сне предвкушал свою месть. Завтра утром придут стражники, и он им покажет, в каком похабном виде нарисовал этот рыжий наглец царя Павлидия. Счастливчика теперь тут нет, некому заступиться за проклятых чужеземцев. Теперь-то им, грекам, не избежать рудника голубого серебра.

Спал, всхрапывая и протяжно стеная, Молчун, непризнанный, осмеянный, свихнувшийся царь великого Тартесса. Вот уже сколько дней после того случая потешаются над ним стражники, отдают ему издевательские почести: поднимают копыя, будто приветствуя, а сами норовят при этом пнуть ногой в зад. Да и рабы скалят зубы, дразнят незадачливого самозванца. Все терпит Молчун. Только сутулится сильнее. И бормочет, бормочет свое: «Еще немного... еще немного... отделить огонь от земли...»

Спали беспокойным сном Горгий и Диомед, не зная, не ведая, какая страшная судьба приурочена им на рассвете.

И все-таки боги не отвернулись от греков.

Смоляной факел, воткнутый в расщелину, не горел, а чадил. Но рудокопы, давно отвыкшие от дневного света, видели все, что им надо увидеть. Их темные, блестящие от пота лица были страшны.

Они жили в вечной тьме лабиринта узких извилистых лазов, вырубленных в горе. Они рубили новые ходы, следуя направлению рудных пропластков. Руда тускло поблескивала в изломах. Ломать ее было трудно, мотыга то и дело вязла, как в смоле.

Лишь один ход вел наружу. Каждый день перед закатом стражники там, у входа, били в медную доску. Услышав звон, рабы вытаскивали корзины с дробленой, перетолченной ручными жерновами рудой. Взамен стражники заталкивали корзины

со скудной едой и смоляными факелами. Воды не давали — было ее там, в руднике, больше, чем нужно.

Не будет корзин с рудой — не будет и корзин с продовольствием. Хочешь не хочешь, а работай, вгрызайся в камень, делай то, что заповедано богом Нетоном, — добывай голубое серебро во славу великого Тартесса.

Здесь, в горе, они жили, здесь и умирали. Мертвых наружу не выносили. Мало ли на руднике старых выработок, куда можно поместить того, кто отмучился, и завалить пустой породой.

Долго здесь никто не тянул. Горные духи стерегли голубое серебро и жестоко мстили рудокопам, вселяя в них веселую болезнь.

К одним приходила она раньше, к другим позже, но начиналась всегда одинаково: становился человек веселым, возбужденным, точно вволю попил неразведенного вина. Потом его тошнило. Только после вина проспится человек — и все, а тут несколько дней прямо наизнанку выворачивало, и по телу шли язвы. Затем пораженный веселой болезнью вроде бы успокаивался и внешне походил на здорового, но все знали, что ему уже нет спасения, что горные духи нарочно дразнят его здоровьем. Недели через две снова начиналась страшная рвота, и кровь шла даже из-под кожи, несчастный метался, бился в лихорадке и, наконец, затихал.

Никто не вел здесь счета рабам. Раз в два месяца пригоняли новых обреченных, и так шло из года в год.

Но однажды случилось на руднике голубого серебра неожиданное.

Били два рудокопа узкий ходок вдоль тощего пропластка руды. Никто их не подгонял: не было на руднике ни стражников, ни надзирателей. Подгонял только страх, вечное беспокойство: не будет корзин с рудой, не будет и пищи. И потому сами рабы делили работу: одни выкалывали руду, другие толкли, мельчили ее, а третьи разведывали новые места. И ведь знали, что обречены, что больше полугода здесь не протянешь, а все же цеплялись за каждый день жизни. Попадались, правда, и такие, что уползали в глухие углы, не вставали на работу, ждали смерти. Но от своих не скроешься: их находили, силком совали в руки мотыги — надо наработать руды на дневной харч...

Били два рудокопа узкий ходок. Показалось им, что звонче отдаются удары мотыг о камень. Должно быть, пустота, трещина в теле горы. Ударили еще разок-другой, у одного мотыга застряла в камне. Расшатал рудокоп мотыгу, вырвал ее — и тут брызнул в глаза свет. Замерли рабы, зажмурили неприличные глаза. Потом, не сговариваясь, забили отверстие камнем, и скорей — где ползком, а где согнувшись, привычно находя в темноте дорогу, — направились к выработкам разнести весть.

Смоляной факел, воткнутый в расщелину, не горел, а чадил. В широкой старой выработке и прилегающих ходах сбились рабы, слушали, как спорят вожаки.

Заросший шерстью великан-кантабр горячился пуще всех:

— Ожидай — плохо. Здесь остался — все подыхать. Быстро-быстро ломай камень — самый сильный вылезали — убивай стражник — воля!

— Нельзя торопиться, — возразил рябой долго-вязый раб из городских. — Сперва надо узнать, куда выходит дыра. Осторожнее надо. Вдруг там стражники рядом? Перебьют всех поодиночке, вот тебе и воля!

— Правильно говорит Ретобон! — выкрикнул другой, светловолосый.

— Вот как надо, — быстро заговорил Ретобон, блестя зубами. — Ждать вечерней пищи, потом будет ночь, темнота. Расширить дыру — бить потихоньку, маленькими кусочками отламывать камень, да так, чтобы наружу не сыпалось. А потом...

Горные духи стерегли голубое серебро, а стража стерегла рудокопов. Шестеро стражников похаживали у входа на рудник. Шесть копий, шесть мечей, шесть щитов. Пища хорошая, работы никакой. Два часа посторожил — сутки отдыхай, а то ведь как бы не вынесли горные духи из дыры веселую болезнь. Только этого и боялись. А так — что ж: дыра в скале — как выход из собачьей конуры. Высунься оттуда раб — ткнуть копьём, вот и вся недолга. Только по одному из этой дыры и можно выползти.

Похаживали шестеро около темной дыры. Далеко от нее отходить не велено. Ближе копейного удара подходить тоже не велено, а то был случай: схватили близко подошедшего стражника за ноги, уволокли в дыру — только его и видели. Не лезть же за ним туда.

Дюжина глаз следила за черной дырой, полдюжина голов думала о своем — о тартесских винных лав-

ках, о женщинах, о теляных шариках, жаренных в бараньем сале. Посматривали на звезды — долго ли осталось караулить. В десяти стадиях отсюда, в поселке стражи, у старшего есть таблички, на них все наперед расписано: кто когда стоит у входа, кто на полпути от него, а кто спит.

В черной дыре зашуршало. Послышался не то стон, не то смех. Шесть колен выставилось вперед, шесть копий устремились остриями, шесть пар ушей прислушались. Холодом жути обдало стражников от этого смеха — знали они, что это такое, не раз слышали. Стихло там. Из черной дыры, как всегда, тянуло гнилью и влажностью.

Для бодрости один из стражников заорал песню:

Мы всегда твердим одно:
Цильбицена — на копье!
Уложи его на месте...

— Эй, заткнись! — прикрикнул на певца другой стражник. — Вроде ветка под ногой треснула, — сказал он, указывая на темные кусты у подножия горы. — Слышали? Опять!

— Кролик, наверно, — сказал третий.

Некоторое время они прислушивались, вглядывались в темноту. Шесть копий, шесть мечей, шесть щитов.

А судьба одна...

Снова зашуршало в дыре. Стражники живо оборотились, наставили копья. Нет, все тихо. По небу шли тучи, луна то ныряла в них, то, сбросив с себя дымное покрывало, заливала землю желтым светом. Трое стражников остались у дыры, а трое, волоча длин-

ные тени, направились к кустам — посмотреть на всякий случай, не притаился ли там кто.

И тут из кустов поднялся во весь рост великан, обросший шерстью, с тяжелой мотыгой в руке. Стражники оцепенели от ужаса. Сам горный дух встал перед ними... Великан с хриплым ревом прыгнул, мотыга, просвистев, обрушилась на шлем ближайшего стражника. Двое других побежали назад. Великан погнался следом, а за ним мчались еще — полуголые, длинноволосые, размахивающие мотыгами и молотами.

Вмиг все было кончено. Сплошным потоком полезли рабы из недр рудника. Неистово орали, жадно вбирали в отравленные легкие свежий ночной воздух.

Стража, стоявшая на полпути от рудника, услышала гомон, кинулась в поселок поднимать тревогу. Но уже катилась в ущелье толпа рабов, и впереди бежал гигант-кантабр с копьём в одной руке и с тяжелой мотыгой в другой.

Страшен был ночной бой в поселке. Стражники были хорошо обучены, их тела, укрепленные хорошей пищей, были сильны. Они знали, что, если враг не облачен в защитный доспех, лучше бить копьём в живот, а если облачен, то в шею. Свистели пращи, осыпая бунтовщиков свинцовыми «желудями». Падали рабы под ударами стражников, но было их много, и жизнь стоила им недорого — проткнут ли копьём или подышать от язв веселой болезни. Бесстрашно и яростно бились они, тесня стражу к воротам, и вот уже передние с криками прорвались к дому самого Индибила, окружили его. На гладко утоптанной площадке перед домом отчаянно рубился глав-

ный над стражей. Храбро дрались и силачи — телохранители Индибила. Свирепый кантабр кинул в главного копьё, промахнулся. Взревев, обхватил ручищами врытый в землю столб, вывернул его и пошел на главного, крутя столб перед собой. Главный попятился, пытаясь уклониться. В следующий миг страшный удар разможил ему голову.

Бой закончился лишь на рассвете. Смолкли крики и звон оружия, и стал слышен шум горной речки. Сотни трупов устилали землю. Небольшая кучка уцелевших стражников, окруженная восставшими, жалась, затравленно озираясь, к крыльцу. Из дома выволокли Индибила в изодранной одежде. Его бил озноб, нижняя челюсть отвисла. Под ненавидящими взглядами Индибил бессильно опустил на ступеньку, ноги не держали его.

— Что будем с ним делать? — спросил Ретобон, отирая пот с грязного лица.

— На рудник! — выкрикнул кантабр. — Завалить камни — пусть подыхай, собака!

— Правильно! — загалдели рабы. — На рудник его! Пусть отведаёт веселой болезни!

— Стойте! — Из толпы выступил невысокий раб с жесткими светлыми волосами. — Они звери, это так, но мы зверями быть не должны.

— Заткнись, Поэт.

— Добренький нашелся! Они-то тебя не жалели!

— Не нужна нам излишняя жестокость, — упорствовал светловолосый. — Проткните его копьём, и все. Пусть в проклятый голубой рудник никогда больше не ступит нога человека!

— Поэт прав, — сказал Ретобон. — Мы не звери. Покончить с ним сейчас же!

Он махнул рукой в сторону Индибила и стражников. Так уж получилось само собой, что Ретобон оказался вожаком у восставших.

Ущелье бурлило. Вырвавшиеся на волю рудокопы, плавильщики, камнетесы разобрали оружейные склады, опустошили сарай с запасами продовольствия. Из личного погреба Индибила вытащили пузатые пифосы с вином. Целиком жарились на вертелах бараны из стада, принадлежавшего стражникам. Тут и там горланили песни. Непривычная сытость и выпивка валили рабов с ног.

Ретобон и его друзья понимали, что это опасно: стоит прискакать сейчас в ущелье отряду стражников с какого-либо из ближних рудников, и они перебьют восставших, как кроликов. Но ничего Ретобон не мог поделать. Он переходил от костра к костру, уговаривал рабов опомниться, доказывал, что нужно выставить у входа в ущелье сильный заслон... Напрасно! За Ретобоном плелся пьяный гигант-кантабр, нацепивший на голову шлем с высоким гребнем. Он весело напевал на своем языке что-то тягучее. У одного из костров кантабр увидел старых знакомых — Горгия и Диомеда.

— Грека! — рывкнул он и хлопнул Горгия по плечу так, что тот чуть не подавился бараньей костью, которую как раз обгладывал. — Грека — воля — хорошо!

Он размахнулся, чтобы и Диомеда по-приятельски хлопнуть, но тут его занесло, и, потеряв равновесие, кантабр свалился рядом с Горгием. Он и не сделал попытки подняться на ноги, почти сразу же захрапел.

Ретобон пристально посмотрел Горгию в лицо. Ухмыльнулся.

— Здорово, грек. Не помнишь меня?

— Где-то видал я твои рябины, — сказал Горгий, — а где — не помню.

— В порту в винном погребе однажды сидели, — напомнил Ретобон. — Тордул еще заставил тебя пиво пить...

— Верно! Еще задушили вы там кого-то.

— Соглядатая, — кивнул Ретобон. — Как же ты очутился тут? Тебя же Аргантоний на обед к себе позвал. Поругались вы, что ли?

Горгий коротко рассказал печальную свою историю.

— Вот как, — задумчиво проговорил Ретобон. — А я и не знал, что Миликона прикончили... Предательством тут пахнет, клянусь Быком. — Он почесал одной ногой другую, ноги у него были босы и черны от грязи. — Похоже, что Миликон предал нас. Уж очень быстро нас похватили... будто поджидали у крепостных ворот...

— Ты бунтовал вместе с Тордулом? — спросил Горгий.

— Мы дрались вместе. Потом нас всех пригнали на голубой рудник, а Тордула оставили. А куда он подевался — не знаю.

И тогда Горгий рассказал про Счастливику Тордула. Ретобон, присев на камень, слушал его, неподвижно уставив взгляд в пляшущий огонь, опираясь обеими руками на меч.

— Значит, уехал в тот самый день, как папаша его стал царем? — переспросил он, когда Горгий умолк.

— Царем? — изумился грек. — Да ты шутишь, рябой.

— Какие там шутки. Он сын Павлидия. Сам он уехал или силой увезли? Не знаешь... Хотел бы я знать... — Ретобон опять задумался.

Рядом затеяли игру с шлемом, свалившимся с головы кантабра. Рабы с хохотом поддевали шлем ногами, перекидывались.

Вот кто, значит, покровительствует Тордулу, думал Горгий: сам Павлидий! Ну и ну, с царским сыном, можно сказать, хлебал из одной миски...

Кто-то сзади произнес заплетающимся языком:

— От этих... которые с рудника... подальше держись. Заразные они...

Горгий напряженно соображал, как теперь быть. Одно ясно: надо поскорее отсюда убираться, пока выход из ущелья открыт, пока снова не заневолили. Вот только куда идти? Путь в Майнаку закрыт. Гемероскопейон? Есть ли туда дорога? В этой дикой стране заблудиться ничего не стоит. С голоду подохнешь. Или от жажды... Пробраться тайком в Тартесс, разыскать Тордула, попросить, чтоб замолвил перед папашей словечко? Опасно, опасно... Если даже и доберемся, то простит ли Павлидий? Простить — это значит признаться, что сам он, Павлидий, велел убить Миликона. Вот если бы Эхиар стал царем Тартесса...

Горгий испытующе посмотрел на рябого. Ретобон все сидел перед огнем, глаза у него слипались, острый подбородок уткнулся в раздвоенную рукоять меча. Может, они и впрямь заразные, эти, с рудника?

— Ты спишь? — сказал Горгий. — Послушай, есть тут в плавильне один старый раб...

И он рассказал Ретобону, как Тордул всюду искал раба с царским знаком на груди и как он, Горгий, обнаружил этот знак у Молчуна.

С Ретобона мигом слетела сонливость. Он вскочил, потребовал немедленно разыскать Молчуна. Хорошо, что Полморды был тут как тут, слушал по привычке чужие разговоры.

— Молчун в своем сарае, — сообщил Полморды. — Сам видел, как он туда пошел.

Дверь сарая оказалась на засове. Ретобон навалился плечом — дверь закрипела, подалась. Тут же перед вошедшими выросла темная фигура.

— Назад, — глухо сказал Молчун.

За его спиной дымил горн. В красноватой мгле Горгий успел заметить сколоченный из досок стол и несколько сосудов разной величины на нем.

— Я Ретобон. Я вывел рабов из рудника голубого серебра. Мы свободны. Ты тоже теперь свободен, старик.

Да пошлют ему боги просветление, подумал Горгий, всматриваясь в бесстрастное лицо Молчуна.

— Назад, — повторил Молчун, надвигаясь.

Ретобон и Горгий попятились. Молчун вышел вслед за ними из сарая, плотно прикрыл дверь и прислонился к косяку.

— Кто станет теперь добывать голубое серебро? — спросил он.

— Никто, — ответил Ретобон. — Горные духи не будут больше губить людей.

— Плохо. — Молчун покачал головой. — Надо копить голубое серебро.

Один из друзей Ретобона зло выкрикнул:

— Тебе надо, так иди добывай сам!

— Еще мало накоплено, — упрямо сказал Молчун.

— С нас хватит, — отрезал Ретобон. — Послушай, как твое имя?

Старик не ответил. Бормотнул что-то под нос, толкнул дверь, намереваясь войти в сарай. Горгий понял, что наступило решительное мгновение, угодное богам. Он заступил старику дорогу и быстрым движением рванул рубище с его плеча. Молчун выпрямился, по его тусклым, как бы мертвым глазам пробежал огонек гнева.

Ретобон впился взглядом в знак-трезубец под выпирающей ключицей.

— Царь Эхиар! — закричал он радостно. — Истинный царь Тартесса! Мы тебя нашли!

От костра к костру переходили Ретобон и его друзья. Рассказывали рабам, как много лет назад верховный жрец Аргантоний не дал вступить на престол законному наследнику Эхиару, обманом и силой захватил трон тартесских царей, а самого Эхиара, лишив имени, навеки бросил на рудники. Теперь Эхиар найден по тайному знаку на груди. Настало время восстановить справедливость: Павлидий не царского рода, он не имеет права на престол. Это право имеет лишь Эхиар.

Рабы слушали, поплеывая и почесываясь. Кто соглашался, а кто и возражал:

— Может, оно и так, да гнилая рыба не слаще тухлого мяса. Нам-то что за дело, кто будет сидеть на престоле?

— Вы, лишенные разума! — горячились друзья Ретобона. — Царь Эхиар сам изведаль рабской доли, он будет благоволять рабам. Он отпустит вас по домам и даст вам вдоволь пищи!

— Так уж и отпустит, — опять чесались сомневающиеся. — Кто-то ведь должен добывать медь и серебро?

— Верно, — ответил Ретобон. — Царь Эхиар разгромит гадирцев и заставит работать на рудниках военнопленных.

— Это еще разгромить надо...

— Тьфу на вас, безмозглые!

— Эй, послушайте! — кричал Нирул, светловолосый рудокоп, известный под кличкой Поэт. — Разве вы не слышали от дедов, как было в старину? Тартесситы жили, как все, они сами выбирали вождя, и старейшины решали дела племени. Они в честном бою добывали иноплеменных рабов...

— Знаем! — гаркнули из толпы. — Тартесситы захватили нашу землю, цильбиценскую!

— Илеатов побили!

— Да поймите же, это были честные войны, и побеждал тот, кто сильнее! — кричал, надсаживаясь, Нирул. — Так было всегда! А потом пришли с моря проклятые сыны Океана, они стали заводить свои порядки. Заставили тартесситов поклоняться своему богу и копить никому не нужное голубое серебро. Они возвысили недостойных, а теперь дошли до того, что стали обращать в рабство своих сограждан, нас, тартесситов...

— Не то говоришь, — шепнул ему в ухо Ретобон. — Не надо про сынов Океана. Эхиар-то ведь тоже их потомок.

Нирул озадаченно хлопал белесыми ресницами: ох, и перемешалось все в Тартесском государстве...

А рабы меж тем орали:

— Нам-то что за дело до вашего Тартесса!

— По дома-ам!

Гигант-кантабр, окруженный горцами-соплеменниками, ревел во всю глотку, что надо идти на проклятый Тартесс, разграбить его и разрушить до основания. Рабы-тартесситы, опасаясь за свои семьи, истошно кричали:

— Не пускать дикарей в Тартесс! Лучше перебьем их на месте!

Страсти накалялись. Уже какой-то горячий лужитанин в войлочной шапке замахнулся секирой на столь же пылкого тартессита. Тартессит схватился за меч. И хотя Ретобон и его друзья срывали голос, пытаясь унять драчунов, драка неминуемо переросла бы в страшное побоище — если бы не случай. В ущелье на рысях влетел отряд стражников с ближнего рудника: кто-то, видно, донес туда весть о бунте. Распря прекратилась сама собой. Рабы встретили стражников градом камней и метательных копий. Мало кому из стражников удалось ускакать, да и за теми пустились вдогонку рабы, улюлюкая и колотя лошадей босыми пятками.

— Вы сами видите, — надрывался Реботон, — нельзя терять время! Все погибнем, если не покончим с распрей! Эй, запрягайте лошадей, грузите ору-

жие и пищу! Разбирайтесь по дюжинам, выбирайте старших! Царь Эхиар поведет нас на Тартесс! Слава царю Эхиару!

— Сла-ва-а-а! — вторили одни.

— Долой! — орали другие. — Он чокнутый!

— Я честный гончар, — слышалась скороговорка Полморды. — Я всегда исполнял законы, а против господ никогда не шел. Зачем нам другой царь? Вот если помрет Павлидий, тогда, конечное дело, и Молчуна можно... этого то есть Эхиара...

А в это время царь Эхиар, далекий от страстей, кипевших вокруг его имени, в своем сарае раздувал огонь в горне ручными мехами, помешивал горячий расплав в глиняном сосуде, бормотал в свалывшуюся седую бороду:

— Еще больше, еще немного... Отделить огонь от земли... силу от огня... Помогите мне, тени царей Океана, будьте со мной!..

К сараю подошел Козел со свертком под мышкой.

— Я принес царю Эхиару достойную одежду, — объяснил он людям, которых Ретобон поставил для охраны царя.

— Ого! — сказал один из охраны, развернув свертки. — Где добыл?

— В доме Индибила. Пустите меня, почтенные, к Ослепительному!

Он постучал в дверь. Эхиар не откликнулся. Он осторожно снял сосуд с огня, слил что было сверху в другой сосуд, к густому остатку на дне добавил щепотку порошка и снова поставил на огонь.

— Пусти меня, Ослепительный,пусти недостойного раба, — скулил под дверью Козел. — Я принес тебе белые одежды...

— Огонь от земли... Силу от огня... - невнятно доносилось из сарая.

Подошел Ретобон с тяжелым двуручным мечом на плече. Ногой, обутой в поножи и боевую сандалию, ударил в дверь, сорвал ее с ветхих кожаных петель.

— Царь Эхиар, — сказал он решительно, — веди нас на Тартесс, твой трон ожидает тебя.

Старик вскинул на него затуманенный взгляд, отблески огня играли на его изуродованном лице.

— Еще мало голубого серебра, — внятно сказал он. — Надо больше... еще немного...

— Хватит, — отрезал Ретобон. И закричал, обернувшись: — Эй, царские носилки сюда!

Шла, катилась с гор, громыхла повозками, гомонила многоязычной речью лавина взбунтовавшихся рабов. Рудник за рудником, поселок за поселком вливались в войско. Скакали во все стороны гонцы на запаренных лошадях, громкими криками сзывали людей:

— Истинный царь Тартесса Эхиар, Ослепительный, прощает долги и записи! Он дает волю рабам! Идите к нам, идите вместе с нами на Тартесс! Смерть Павлидию, слава царю Эхиару!

Неудержимо и грозно катилось с гор воинство — к устью реки, к синему Океану, к великому,

ненавистному и любимому городу Тартессу. Вперед
ди конь о конь с Ретобоном, ехал с тяжелым
копьем наперевес могучий волосатый кантабр.
Далеко окрест разносился рев тысяч охрипших
глоток:

— Слава истинному царю Эхиару!

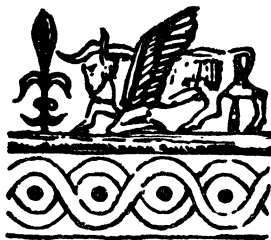

-Понятно, какой металл вы называете голубым серебром. Но для чего оно было нужно правителям Тартесса?

— Разрешите ответить на вопрос вопросом. Для чего фараоны тратили десятки лет и тысячи жизней на сооружение пирамид? Для чего римляне заставляли население завоеванных областей возводить колоссальные портики? Для чего обитатели острова Пасхи вырубали каменными топорами из цельных скал огромные статуи?

— Выходит, накопление голубого серебра столь же бессмысленно, как сооружение пирамид?

— Бессмысленно — не то слово. С точки зрения фараона строительство пирамиды, как выражение идеи его могущества, имело огромный смысл. Возможно, когда-то и властители Атлантиды копили голубое серебро с определенной целью.

ГЛАВА 13

Гонец Павлидия

Ретобон сидел на каменной осыпи, уперев подбородок в раздвоенную рукоять меча, и поджидал гонца Павлидия. Отсюда, с холма в северо-западной части острова, был хорошо виден Тартесс. Прямо на юг — крепостные стены, за ними высились мрачный, увенчанный гребнями царский дворец, серебряный купол храма, темно-серая башня Пришествия. На востоке, за лесом, — главная дорога, что бежит от мостов в северной части острова на юг, к торговым рядам, причалам и верфям. По ту сторону дороги — беспорядочная белая россыпь жалких домиков: квартал горшечников, квартал медников, дальше к юго-востоку дымят горны в квартале оружейников, еще дальше, на оконечности острова, богатый купеческий квартал. Двумя рукавами Бетис охватывает остров, и желтизна реки постепенно голубеет, сливаясь с океанскими водами.

Тартесская гавань забита кораблями — нет им теперь хода в океан. Если хорошенько присмотреться, можно уви-

деть в утренней дымке неясные черточки на воде — корабли карфагенян. Они-то и заперли гавань. Угрожают великому Тартессу...

На душе у Ретобона было невесело. Миновало две недели с той поры, как победоносное войско восставших рабов, смяв заслоны павлидиевых стражников, хлынуло по трем мостам в северную часть острова, с ходу ворвалось в городские кварталы. Тут-то и столкнулись повстанцы с главными силами Павлидия. В узких кривых улочках квартала горшечников несколько дней шла свирепая сеча. Стражники были хорошо обучены воинскому искусству, и рабы дрогнули, несмотря на численный перевес. Ретобон велел отходить в северо-западную часть острова, рассчитывая укрепиться там в лесу, в загородных домах тартесской знати. Много людей было потеряно при отходе — и не только от копий и секир стражников. Кое-кто из городских, побросав оружие, предпочел скрыться в лабиринте лачуг и мастерских, заслониться бабьими пеплосами. Но главный урон нанес кантабр. Видя, что дело затягивается и в открытом бою царское войско не одолеть, он увел своих соплеменников, а за ними потянулись и рабы из других иберийских племен, и пылкий Ретобон проклял беглецов от имени царя Эхиара.

На открытом песчаном берегу у мостов людей кантабра встретили пращники и тяжелая конница. Много здесь было порублено рабов, много трупов унес в океан желтый Бетис, и лишь небольшой группе удалось прорваться к мостам и уйти на север, в далекие дикие горы.

Поредевшее войско Ретобона раскинулось лагерь, укрепились в лесу у подножия холма. На обле-

тевших по-осеннему деревьях засели отборные лучники. Полукольцо из перевернутых повозок окружило лагерь, а другой стороной он выходил к морскому берегу. Много раз кидались стражники на приступ, но всякий раз откатывались. Рабы отбивались с ошеломляющей яростью — теперь им и вовсе нечего было терять. Но шел день за днем, а запасы еды, взятые в погребах загородных домов, начинали угрожающе таять. Теперь стражники, окружив лагерь повстанцев, выжидали. Видно, решили взять рабов измором.

А сегодня утром, только встало солнце, в лесу загремела боевая труба. Глашатаи зычными голосами принялись выкрикивать, что царь Павлидий пожелал вступить в переговоры с вожаком рабов и шлет своего гонца. Ретобон велел крикнуть в ответ, что согласен принять гонца.

Со склона холма увидел Ретобон: из северных ворот крепости выехали на лошадях двое, один держал копьё, увитое виноградной лозой, — знак мирных намерений. Ретобон спустился к подножию холма, поросшему ивняком, прошел на полянку с колодцем и коновязями — здесь ожидали его ближайшие друзья и помощники.

Из-за деревьев шагом выехал павлидиев гонец, сопровождаемый пожилым стражником и несколькими повстанцами. Взгляд Ретобона скользнул по лиловому гиматию гонца, стянутому широким ремнем, потом поднялся выше — и замер, прилепившись к лицу. Ретобон не верил своим глазам.

Тордул спешился и пошел навстречу.

— Не ожидал? — спросил он, улыбаясь.

— Знал бы я, какого гонца шлет Павлидий, не принял бы, — хмуро ответил Ретобон.

— Я сам напросился. — Тордул сунул руки за пояс, спокойно оглядел сподвижников Ретобона. — Как-никак мы старые дружки, легче будет столкнуться.

— Шелудивый пес тебе дружок, а не я, — отрезал Ретобон.

У Тордула сжались твердые губы, на скулах проступили красные пятна. Однако он поборол гневную вспышку.

— Ладно. Сейчас ты поймешь, что ссориться нам нечего. Слушай! Мы шли против Аргантония, потому что хотели покончить с Неизменяемым Установлением, верно? Теперь Аргантония нет, да сожрут его кости шелудивые псы, которых ты тут упоминал.

Тордул подмигнул Ретобону, но у того ни один мускул не дрогнул на худом, изможденном лице.

— Дальше.

— А дальше вот что. Ты знаешь, что мы с Павлидием давно расплевались. Но теперь другое дело. Павлидий стал царем Тартесса, и он тоже хочет перемен. Клянусь Нетоном, все, чего мы с тобой желали... почти во всем Павлидий согласился со мной.

— Дальше.

— Будут пересмотрены законы. Все звания, кроме блистательного, отменят. — Тордул повысил голос: — Пища для рабов улучшится, они через день будут получать мясо в похлебку. Ремесленникам возвратят долговые записи. Царь Павлидий намерен поощрять искусства и ремесла. Так что, Ретобон, самое время нам помириться.

Ретобон угрюмо молчал, опершись обеими руками на тяжелый меч.

— Если хочешь, — продолжал Тордул, — можешь прямо сейчас собрать свое храброе войско и...

— Ты ничего не сказал про голубое серебро, — перебил его юноша с копной жестких светлых волос.

Тордул посмотрел на него.

— Ага, это ты, Нирул, — сказал он. — Клянусь Негоном, я рад, что ты жив. Теперь ты сможешь рифмовать все, что вздумается. Никто не станет совать нос в твои пергаменты.

Нирул с сомнением покачал головой.

— Сладко поешь, Тордул. Я слишком хорошо знаком с носом твоего папаша.

— Да пойми ты, времена переменялись. Я сам слышал, как Павлидий говорил толстяку Сапронию: «Выгоню, если будешь следовать старым образцам. Давай что-нибудь новенькое».

— Скажи своему отцу, что у меня есть кое-что новенькое, — вызывающе сказал Нирул. — Поэма о том, как мы подышали на руднике голубого серебра. О том, как моего отца заставили отречься от сына, как затравили до смерти мою мать...

— Я тебя хорошо понимаю, Нирул. Но пойми и ты, теперь все пойдет по-новому. Может, не сразу, но пойдет. Я много говорил с отцом о голубом серебре. Не простая это штука — единым духом отменить Накопление, на котором столько лет стоял Тартесс. Народ этого не поймет. Здесь придется действовать постепенно.

— Ты, как я посмотрю, ходишь в главных советах, — язвительно сказал Ретобон. — Уж не назначил ли тебя папаша верховным жрецом?

— Нет, — спокойно ответил Тордул, — эту должность Павлидий пока сохранил за собой. Так вот.

Отец предлагает вам мир. Не такое сейчас время чтобы драться между собой: с суши Тартессу угрожают гадирцы, а с моря карфагеняне. Они выжидают, чтобы мы тут передрались насмерть, а потом Тартесс сам падет в их руки, как спелое яблоко с дерева. Перед лицом такой опасности мы должны сплотиться.

— Иначе говоря, сдать оружие? — Ретобон осклабился.

— Не сдать, а повернуть против общего врага. Командование отрядом останется за тобой, и никто из рабов не понесет наказания, им будут платить как воинам. Если ты проявишь доблесть в боях с гадирцами, то будешь произведен в блистательные.

— Почему уж сразу не в светозарные?

— Не до шуток, Ретобон. — Тордул сердито сдвинул брови. — Хорошенько подумай, поговори с людьми. Павлидий не хочет лишней крови, он рассудил по-государственному. И только одно у него условие: вы должны выдать сумасшедшего, который называет себя Эхиаром.

Ретобон переглянулся с Нирулом, невесело улыбнулся.

— Недорого просит Павлидий, — сказал он. — За одного сумасшедшего — свобода для всех, а мне — серебряные пряжки блистательного.

— Недорого, — согласился Тордул.

— Значит, так, — заключил Ретобон. — Выдать проходимцу законного царя Тартесса. А когда с нашей помощью вы одержите победу, нас переловят, как кроликов, — ведь на каждом из нас выжжен рабский знак. И не миновать нам нового рабства. Верно

я говорю? — он повысил голос и оглядел своих помощников.

— Послушай! — закричал Тордул, выкатывая глаза. — Заклинаю тебя прежней дружбой — забудь обиду! Ты пострадал от верховного жреца Павлидия, но царь Павлидий будет милостив к тебе. Сейчас не время для обид: Тартесс в опасности!

— Не верю я Павлидию! А тебе — еще меньше, предатель! Уходи!

Тордул круто повернулся, пошел к лесной опушке.

— Эй ты, блистательный! — крикнул вслед Ретобон. — Верно ли говорят, что твой отец отравил Аргантония?

Погруженный в мрачное раздумье, Тордул прошел галерею Венценосной Цапли и через зал Серебристого Овна направился к царским покоем. У колоннады стояла группа придворных, от нее отделился Сапроний и побежал навстречу Тордулу. Толстое брюхо его тряслось, прыгали подбородки.

— Заступись за меня, блистательный Тордул, — задыхаясь, проговорил он. — Это все наветы Кострулия...

— В другой раз. — Тордул попытался обойти толстяка, но тот вцепился в его гиматий.

— Когда я читал оду на восшествие Ослепительного Павлидия, — быстро заговорил Сапроний, — все слушали с восторгом, да, с восторгом. Я сам видел у многих слезы на глазах. А злопако́стный Кострулий слушал и загибал пальцы — считал слоги...

— Говори короче, мне некогда.

— И он расчислил по слогам, что имя «Павлидий» вставлено в оду вопреки размеру. Будто бы по размеру стиха получается «Миликон»...

— Не надо заготавливать оды впрок, — посоветовал Тордул.

— Да посуди сам, блистательный, — взмолился Сапроний. — Оду надо прочесть в день восшествия на престол, а на ее составление и шлифовку у меня уходит три-четыре месяца...

— Шел бы ты в волопасы, если не поспеваешь за событиями.

Тордул вырвался и быстрым шагом пошел дальше. Сапроний растерянно поморгал, крикнул вслед:

— Это все Кострулий! Он всегда завидовал моему таланту!

У дверей царских покоев ожидал приема Амбон, недавно назначенный верховным казначеем. Он вежливо, но с достоинством поклонился Тордулу и протянул руку назад. Старичок раб проворно подал амфорку с благовонием. Тордул с изумлением узнал в старичке Эзула. Канатный купец был одет в неприличную для его возраста короткую одежду, которая оставляла открытыми тощие безволосые ножки, — такие одежды носили в Тартессе домашние рабы из молодых. Под мышкой у Эзула была связка пергаментов, в левой руке он держал поводки двух жирных кошек.

— Ты что здесь делаешь, Эзул? — Тордул не смог удержаться от улыбки.

Эзул смущенно захихикал.

— Он носит мою поклажу и причесывает моих кошек, — объяснил Амбон, нюхая благовоние. —

И хотя он иногда ленится и заслуживает палки, я доволен его послушанием.

— Блистательный Амбон, — захныкал Эзул, — зачем ты говоришь о палке? Разве я не стараюсь угодить тебе?..

— Ты не должен забывать, что я спас тебя от рудника, старый мошенник.

— Как я могу забыть, благодетель? Я всем доволен — и едой и кровом, только об одном слезно молю: хотя бы иногда кинь мне со своего стола что-нибудь сладкое...

Стражники, стоявшие у царских дверей со скрещенными копьями, посторонились, и Тордул шагнул в покои отца. Павлидий сидел в кресле с любимым длинношерстным котом на коленях. На нем был роскошный белый гиматий с золотыми изображениями Нетона. Перед царем стояли верховный судья Укруф в черной простой одежде и дородный военачальник, весь в серебряных пряжках и браслетах.

Павлидий поглядел на сына сквозь зеленое финикийское стеклышко.

— Они отказались, — отрывисто сказал Тордул, кидаясь на мягкую скамью. — Опасаются, что ты их обманешь.

— Рабы — они и есть рабы, — презрительно сказал Укруф.

— Слепительный, дай мне подкрепление, и, клянись громами Нетона, мои воины сегодня же поднимут их всех на копья! — прорычал военачальник. Серьги и браслеты звякали в такт его словам.

Павлидий покачал головой.

— Гадирская конница стоит у восточного рукава

Бетиса, — сказал он. — Они только и ждут, чтобы мы оттянули заслон от реки.

— Да я и не прошу снимать оттуда воинов. Дай мне отряд дворцовой стражи — и сегодня к вечеру я сложу головы бунтовщиков к твоим царским ногам.

— Нет, — сказал Павлидий. И, помолчав, повторил: — Нет.

— Твоя воля. — Военачальник потерял завитуемую бороду. — Тогда придется ждать, пока они околеют от голода.

— Ждать тоже нельзя. Через три дня праздник Нетона, к этому дню с бунтовщиками должно быть покончено. — Зеленое стеклышко снова уставилось на Тордула. — Ты узнал, где они держат самозванца?

— Я ходил гонцом, а не соглядатаем, — резко ответил Тордул.

Павлидий поджал губы. Промолчал.

— Ослепительный, — сказал военачальник, — сегодня ночью к нам перебежал один из бунтовщиков. Если пожелаешь, я его допрошу.

— Вели привести его сюда.

Тордул хотел было выйти следом за военачальником, но Павлидий остановил его:

— Мне может понадобиться твой совет. Останься.

— Не очень-то ты прислушиваешься к моим советам, — проворчал Тордул, глядя в узкое оконце.

— Всеу свое время, сынок. Прежде всего нужно покончить с бунтом. Тогда мы сможем отбросить гадирцев и дать бой карфагенянам. Сам видишь, положение трудное. А все потому, что Аргантоний слышать ничего не хотел о Карфагене. Он был уверен, что никто не осмелится напасть на Тартесс.

— Слышал я, будто Аргантоний помер не своей смертью. Верно это?

— Кто тебе сказал?

— Слух такой ходит.

Павлидий почесал кота за ухом, кот блаженно шурился.

— Укруф, — тихо произнес царь, — вели своим людям прочистить уши. Шептунов — хватать и лишать свободы. Пусть глашатаи прокричат мой указ: у распространителей недозволенных слухов будут вырваны языки.

— Исполню, Ослепительный.

Тордул живо встал перед Павлидием.

— Отец, ты обещал, что твое правление не будет жестоким.

— Да, обещал. Но сейчас военное время. Ты еще не искушен в государственных делах и не знаешь, что жестокость бывает вынужденной. Многие подданные сами не знают, чего им надо, и, когда языки у них слишком развязываются, правитель обязан примерно их наказать. Без этого никак нельзя. — Павлидий пощекотал кота под мордой. — Но ты не беспокойся, сынок, как только в Тартессе станет спокойно, я сделаю все, что обещал тебе.

— Ты бы мог уже сейчас отменить лишние титулы.

— При первой возможности я это сделаю.

— И улучшить пищу для рабов.

— Обязательно, сынок. Сразу же по окончании войны.

Тордул схватил кота за хвост, дернул. Кот озлился, завопил нехорошим голосом.

— Зачем мучишь животное? — Павлидий легонько ударил сына по руке.

— Кош-щечка, — прошипел Тордул сквозь зубы. — Не надо кричать, а то я оторву тебе хвостик.

Он круто повернулся, выбежал из царских покоев.

— Немножко горяч, — сказал Павлидий. — Я бы хотел, Укруф, чтобы ты почаще с ним беседовал. Ты и Кострулий.

— Кострулий, как и все ученые, недостаточно терпелив, — ответил Укруф. — Я сам займусь Тордулом. Мысли его опасны. Малейший слух об отмене титулов может вызвать брожение в умах. Это расшатывание Основы Неизменяемого.

— Мальчик перебесится и станет спокойнее. Как думаешь, не следует ли его женить? Впрочем, ты не...

— Да, я далек от этих забот. Но полагаю, что семейная жизнь отвратит его от вольнодумства.

Между тем Тордул, бормоча проклятия, несся через зал Серебристого Овна. Навстречу, гремя доспехами, шел военачальник, за ним мелко семенил, трясая козлиной бородкой, пожилой оборванец. Он удивленно глянул на Тордула, его гибкая спина почтиительно согнулась.

— А, Козел! Так это ты перебежчик? — небрежно бросил Тордул на ходу.

— Вслед за тобой... — Козел взглянул на серебряные пряжки Тордула. — Вслед за тобой, блистательный...

Тордул в сердцах плюнул Козлу под ноги и победоносно пошел дальше.

Непрерывно кланяясь, Козел вошел за военачаль-

ником в царские покои, распластался на полу и пополз к Павлидию.

— Можешь встать, — сказал Павлидий, поднося к глазу стеклышко. — Кто ты такой?

— Разве ты не узнаешь меня, Ослепительный? — сладчайшим голосом проговорил Козел, умиленно глядя на царя. — Меня, недостойного раба твоего, зовут Айнат...

Тонкие губы Павлидия сжались в нитку. Некоторое время он внимательно разглядывал Козла.

— Значит, ты остался в живых, — медленно сказал он не то вопросительно, не то утвердительно. — Не знал я, не знал...

— Только с помощью богов, Ослепительный. — И, уловив нечто в выражении царского лица, Козел поспешно добавил: — Я давно уже ничего не помню, клянусь карающей рукой Нетона!

Павлидий сбросил кота с колен, потянулся к треножнику с горящим углем, потер внезапно озябшие руки.

Когда-то, в давние годы, оба они были жрецами при храме — Айнат и Павлидий. И случилось так, что на одном из праздников Нетона верховный жрец — мужчина отменного здоровья — упал мертвым, испив жертвенного вина. Тогда-то Павлидий и стал верховным жрецом и правой рукой царя Аргантония. Айнат же, обвиненный в отравлении, был приговорен к смерти. Видно, и впрямь благоволили боги к Айнату, если вместо него на казнь повели другого...

«Как же это я проглядел? — подумал Павлидий. — Ведь знал же, как хитер и изворотлив Айнат...»

А вслух сказал:

— Это хорошо, что ты помнишь о карающей руке

Нетона. Известно ли тебе, где бунтовщики прячут самозванца?

— Как не знать, Ослепительный! В загородном доме твоего придворного поэта.

— Значит, в доме Сапрония. — Павлидий задумался. — Вот что. Если ты окажешь мне услугу, будешь щедро награжден.

— Сочту за счастье, Ослепительный, исполнить твою волю.

— Так вот. Сегодня ночью ты должен проникнуть в этот дом...

— Не утруждай себя, Ослепительный. Я все понял, — сказал Козел, сладко улыбаясь.

-Б оюсь, что вашему Тордулу не удастся склонить папашу к реформам в Тартессе. Не тот папаша.

— Не тот.

— Я был лучшего мнения о Тордуле. Жаль, что вы заставили его изменить дружбе с Ретобоном и перебежать в лагерь противника. Самое печальное — когда друзья перестают понимать друг друга.

— Мы бы и сами хотели, чтобы Тордул был рядом с Ретобоном, но...

— За чем же дело стало? Странные вы люди, авторы: хотите одного, а делаете по-другому. Я не только о вас — это относится ко многим вашим братьям по перу. Литературные герои сплошь да рядом поступают, с моей точки зрения, просто абсурдно, а у вас это называется — логика движения характера или что-то вроде этого.

— А вы, читатель, всегда поступали в жизни согласно законам формальной логики?

— Во всяком случае, стараюсь давать себе отчет в собственных поступках.

— Это похвально. Но вообще-то людям свойственно ошибаться.

ГЛАВА 16

Снова в доме Сапрония

Был ли Молчун всамделишним царем Тартесса или нет — над этим Горгий не очень задумывался. Рабов-тартесситов, видно, сильно будоражила история о том, как некогда верховный жрец Аргантоний не дал взойти на престол законному наследнику, юному Эхиару и, лишив его имени, бросил на рудники. История эта, переходя из уст в уста, расцветчивалась необыкновенными подробностями. Говорили, что боги за долгие муки даровали Эхиару бессмертие; что тайный знак у него на груди наливается кровью всякий раз, как Тартессу грозит беда; что только он один, Эхиар, знает древнюю тайну голубого серебра.

Для Горгия Эхиар был пос-

ледней надеждой. Если старик и в самом деле сядет на трон Тартесса, то он, Горгий, спасен. Они с Диомедом смогут безбоязненно жить на воле и ожидать удобного случая для возвращения в Фокею. Не век же будет продолжаться война с Карфагеном. Надо полагать, царь Эхиар велит вернуть ему, Горгию, корабль. Да, это будет первое, о чем он попросит царя. Такие корабли на улице не валяются: шутка ли, целых двести талантов свинца пошло на обшивку днища...

Ну, а если война с Карфагеном затянется, то на худой конец и здесь, в Тартессе, можно будет прожить. Царская милость в любом государстве украсит жизнь.

Поначалу все шло хорошо: триумфальный поход на Тартесс, стремительный прорыв в город. Было похоже, что Эхиар вот-вот войдет — вернее, вльется на плечах восставших рабов — в царский дворец. Но потом богам стало угодно даровать военную удачу Павлидию. Повстанческое войско таяло. И вот они оказались окруженными в лесочке севернее крепостных ворот. Молчуна (язык все еще не поворачивался называть его царем Эхиаром) поместили в загородный дом того самого поэта, толстяка Сапрония, на которого он, Горгий, извел столько дорогих благовоний, сколько хватило бы на добрых две дюжины гетер. Их обоих, Горгия и Диомеда, Ретобон определил в охрану Эхиара. Хоть то хорошо, что не надо драться там, у повозок. Не любил Горгий махать копьём — не купеческое это дело. Что до Диомеда — хоть и задиристый он, да теперь с отбитыми внутренностями — какой из него вояка, с каждым днем слабеет...

В доме Сапрония все носило следы поспешного бегства хозяина и бесчинств дворовой челяди, оставшейся без надзора. Из ларей и сундуков все было повытаскано и разбросано по комнатам. В пиршественном зале дорогие скатерти были залиты вином, пол загажен, со скамей содраны узорные ткани. Кошек кто-то выпустил на волю, они как угорелые носились по дому, копошились в помойных ямах, точили когти о деревья во внутреннем дворе.

Иные из сапрониевых рабов попросили оружие и примкнули к повстанцам, защищавшим лагерь. Но десяток рабов-музыкантов, как только убежал Сапроний, вытащили из погреба господское вино и пили до тех пор, пока оно не пошло из них обратно. Перепуганные танцовщицы заперлись, затаились. Пьяные музыканты, шляясь по дому, обнаружили их убежище, стали с хохотом ломиться. Женщины подняли такой визг, что у коновязей тревожно заржали, забили копытами лошади. Дверь затрещала, рухнула. На шум прибежали воины из охраны Эхиара, с ними и Горгий.

Так-то и свели снова всемогущие боги Горгия с Астурдой. Без разбора тыча древком копья в пьяные морды и потные тела, Горгий проложил себе дорогу, вывел Астурду во двор.

Как бы не веря своим глазам, Астурда провела ладонью по щеке Горгия. Он поймал ее руку, задержал — и тогда она несмело улыбнулась ему.

— Ты поседел, — сказала она. — Я слышала — в городе говорили про тебя плохое.

— А ты и поверила? — усмехнулся Горгий.

— Я плакала. Боялась — не увижу тебя больше. Ты теперь свободен?

Она засыпала его вопросами, а он не знал толком, что ответить. Вроде бы свободен, а далеко не уйдешь. И опять она заговорила про свое племя, про стада своих родичей с мудреными именами, про кочевую жизнь на приволье.

Он пытался объяснить ей, что идет война и сейчас никуда из окруженного лагеря не уйти. Но разве что втолкуешь перепуганной женщине?

Он взял ее за руку и повел во внутренние покои. Им навстречу выскочил Диомед. Прищурился на Астурду, сказал:

— Где тебя носит, хозяин? Иди скорее, с Молчущим неладно.

Эхиар смеялся. Он сидел на груди мягких подстилок в спальне Сапрония, раскачиваясь из стороны в сторону, и слезы текли по его щекам, по спутанной бороде. Смеялся, тряс головой, а глаза у него были тусклые, мертвые. Нехороший это был смех. Хоть и не работал он на руднике голубого серебра, но много лет подряд выплавлял его по крупичкам из очищенной руды, и горные духи, видно, настигли Эхиара здесь, вдали от его потайного горна.

Горгий поцокал языком, сказал:

— Принеси воды.

Астурда выбежала во двор, к бассейну, вернулась с кувшином. Эхиар вертел головой, вода не попадала ему в рот, лилась на белую одежду. Астурда опустилась на колени, гладила его по голове, как ребенка, приговаривала что-то ласковое. И понемногу старик успокоился, взгляд его, устремленный на женщину, прояснился. Смех перешел в икоту, потом Эхиар

повалился на подстилки, затих. Дыхание его было хриплым, прерывистым.

— Кто этот дедушка? — спросила Астурда. — Что с ним?

Горгий пожал плечами. А Диомед проворчал:

— Веселая болезнь.

Со двора донесся сердитый голос Ретобона — он распекал рабов за бесчинства, угрожал кому-то плетью. Тяжелые шаги, звон оружия — Ретобон, сопровождаемый помощниками, вошел в спальню. Его худое лицо помрачнело, когда Горгий рассказал о болезни Эхиара.

— Никому об этом ни слова, — распорядился Ретобон. — Ты, грек, отвечаешь головой. Никого сюда не пускать. — Он посмотрел на Астурду, отрывисто спросил: — Что за женщина?

Горгий ответил не сразу. Потом решился:

— Моя жена... — И, встретив недоуменный взгляд Ретобона, добавил: — Она умеет ухаживать за больными.

К вечеру Эхиару полегчало, разум его прояснился. Он стоял у зарешеченного окна, глядел на темнеющий лес, прислушивался к голосам воинов, ржанию коней, воплям дерущихся котов. Горгий подошел к старику, стал объяснять, где они находятся, и чей это дом, и что происходит вокруг.

— Хочу посмотреть на Тартесс, — сказал Эхиар. — В какой он стороне?

— Отсюда не увидишь. С крыши, может быть...

— Проведи меня, — властно сказал Эхиар.

Вдали, за верхушками деревьев, розовея в закатном солнце, сверкал серебряный купол храма. Чуть левее вырисовывался многозубчатый верх башни

Пришествия. Опершись темными, в синих переплетениях вен руками на перила, Эхиар долго смотрел на вершины тартесских святынь. Глаза его слезились — должно быть, от ветра.

Горгию наскучило торчать на крыше.

— Пойдем вниз, — сказал он. — Астурда хочет напоить тебя кислым молоком. А то ты уже третий день...

Он умолк, прислушиваясь к бормотанию Эхиара, пытаясь разобрать слова. Но, видно, Эхиар говорил не по-тартесски. Речь его, изобилующая шипящими, напоминала звук весла в кожаной уключине. Молится, что ли, подумал Горгий и, присев на корточки, стал терпеливо ждать. С огорчением подумал, что давно не приносил жертвы богам — нечего было жертвовать да и негде. Не мог же привлечь обоняние богов запах жалкой рабской похлебки. Надо бы пошарить по дому — не осталось ли чего подходящего для жертвы...

— Какой нынче день? — спросил Эхиар, не обращившись.

— Я веду счет времени по-гречески, — ответил Горгий, поднимаясь. — Но слышал от ваших, что через три дня будет праздник Нетона, или как там вашего главного бога зовут...

— Нетон — великий бог богов, — резко сказал Эхиар. — Имя его надо произносить со страхом.

Горгию стало обидно за своих богов.

— Наш Зевс Керавногерет * главнее всех богов, — сказал он. — Он может такую грозу наслать, что...

— Замолчи, неразумный младенец, — прервал его

---

* Зевс Керавногерет — собиратель молний (греч.).

Эхиар. — Откуда вам, грекам, знать, как ужасен гнев Нетона... как вспучивается и разверзается земля, поглощая дворцы и города... как вырываются из недр огненные реки, сжигая, испепеляя целые царства... как уходят в морскую пучину огромные острова и только волны выше гор ходят там, где прежде была земля...

Горгий воззрился на старика.

— Где ты видел такую катастрофу? — недоверчиво спросил он.

— Никто из ныне живущих не видел. Это было много веков назад. — Эхиар простер руку в ту сторону, где за деревьями пылал пожар заката. — Там лежали эти земли. В Океане. Когда-то им принадлежал весь мир.

— Чем же они разгневали Нетона?

— Ненавистью.

— Ненавистью? Они возненавидели своего бога?

— Ты задаешь глупые вопросы. — Эхиар вытер полой слезящиеся глаза. — Нетон дал им все, чего мог пожелать смертный. Их земли процветали, их женщины были прекрасны, а рабы искусны и послушны. Их оружие было непобедимо. Их мудрецы научились копить голубое серебро и старались проникнуть в его суть, ибо Нетон вложил в голубое серебро великую тайну. Но в своем тщеславии они преступили черту дозволенного. Они накопили голубого серебра сверх меры и стали украшать им не только храмы, но и оружие. Царство пошло войной на царство, посевы были вытоптаны и залиты кровью, и люди обезумели от крови и ненависти. И тогда Нетон жестоко покарал их. Великие царства погибли от огня и погрузились в Океан. Позже других погибла земля, что

лежала недалеко отсюда. Спаслась лишь ничтожная горстка людей.

Эхиар умолк надолго. Небо на западе стало меркнуть, с моря повеяло вечерней прохладой. В лесу зажгли костры.

— Они приплыли к этому берегу, — сказал Эхиар, — и подчинили себе племя здешних иберов, которое поклонялось Черному Быку и даже не знало, что зерно, брошенное в землю, прорастает и дает новые зерна. Они научили диких иберов строить дома и корабли, и добывать металл, и возделывать посеvy. Так возник Тартесс. С тех пор прошли века, и сыны Океана стерлись из людской памяти. Только цари... только цари Тартесса, которые ведут от них свое происхождение... — Эхиар вдруг схватил Горгия за руку. — Видишь башню напротив храма?

— Вижу, — сказал Горгий, осторожно высвобождая руку. — Мне говорили, это башня Пришествия. В нее нет хода...

Эхиар засмеялся, и Горгий невольно отшатнулся: уж не начинается ли у старика опять веселая болезнь? Но Эхиар резко оборвал смех.

— Через три дня, — пробормотал он озабоченно.

— Послушай... царь Эхиар, — с запинкой сказал Горгий. — Если ваш бог покарал за ненависть великие царства, то... почему же люди не помнят об этом?

— Забыли люди. Все забыли... ничего не хотят помнить...

От непривычно долгого разговора старик изнемог. Тяжело опираясь на Горгия, спустился вниз, в сапрониеву спальню, растянулся на подстилке.

- Где ты научилась ухаживать за больными?
— Разве этому учатся? Просто мне его жалко.
Он такой старенький и несчастный...
— Он знаешь кто? Законный царь Тартесса.
Астурда тихонько засмеялась.
— А я царица Тартесса.
— Не веришь? У него на груди царский знак.
— Ах, Горгий! Ты слишком много говоришь
о царях.
— Ладно, — усмехнулся он. — Поговорим лучше
о поэтах.
— Ты злой. Я же не виновата, что меня купил
поэт. Меня мог купить и мясник и кто угодно.
— Не знаю, удаются ли ему стихи, а благовоний
он изводит чересчур много.
— Он не злой человек. Только очень не любит
чужеземцев. А стихи он знаешь как сочиняет? На-
пишет два слова и три часа отдыхает. Мне даже жалко
его, так мучается человек.
— Ты всех жалеешь. Меня тебе тоже жалко?
— Сейчас, когда темно, — нет. А днем смотрю на
тебя — жалко. Глаза у тебя грустные, и седых волос
много стало... Почему люди мучают друг друга?
— Не знаю. Так всегда было.
— Вот бы превратиться в птиц и улететь куда
глаза глядят... А, Горгий?
— Боги всемогущи.
— Ты похож на моего старшего брата. Слышал
бы ты, как он поет! Почему ты не хочешь бежать со
мною? Тебе не нравится мое племя?
— Как убежишь? — с тоской сказал Горгий. —
Я ж тебе толкую, что мы окружены со всех сторон.
— Вечно вы, мужчины, воюете. Что вам надо?

- А тебе нравится быть рабыней?
- Я устала. Я хочу домой.
- Домой? У вас, как я понял, и города своего нет. Живете в повозках, то здесь, то там...
- Ненавижу город! Тесно, душно, всюду каменные стены, и люди подстерегают друг друга...
- Выходит, и ты ненавидишь.
- Обними меня, — сказала она, помолчав.

У ворот дома Сапрония Козла остановил рослый повстанец. Приблизив секиру к самому носу Козла, лениво осведомился:

- Куда прешь, убогий?
- К царю Эхиару, котеночек, — ласково сказал Козел. — Велено мне доставить ему хорошую пищу.
- А ну покажи. — Воин потянулся к мешку, что был у Козла за плечом.
- Нельзя, котеночек. Все куски считаны.

Все же после недолгого препирательства Козлу пришлось раскрыть мешок. На разговор подошло еще несколько воинов. Щупали, нюхали, качали головами: пища и впрямь была хороша, особенно еще теплый, духовитый пирог с тыквой.

— Ну, иди, — сказал рослый повстанец и, вздохнув, добавил: — У меня жена была мастерица такие пироги печь.

У дверей царской спальни Козла ожидала неприятная встреча: на пороге сидел Диомед, строгал кинжалом палочку. На сладкие уговоры Козла отвечал одно: «Мешок передам, а сам проваливай, пока цел». Тут выглянул Горгий, хмуро выслушал Козла, мотнул головой: «Проходи».

Диомед вошел вслед за Козлом, молча отнял мешок, аккуратно выложил царский харч на стол. Тем временем Козел тихонечко направился к двери, что вела в соседнюю комнату, приоткрыл. Горгий мигом подоспел, оттер любопытного от двери.

— Нельзя к царю, — сказал он. — Сами управимся. Астурда!

Козел удивленно посмотрел на молодую длинно-косую женщину, выбежавшую из царской спальни.

— Посмотри, что он там принес, — сказал Горгий, кивнув на стол.

Не понравилось это Козлу. Уже и бабу к самозванцу приставили, не проберешься к нему. А пробраться надо...

— Обижаете меня, — жалобно протянул он. — Не чужой я ему... Эхиару нашему. Много лет мы с ним на рудниках душа в душу...

Никто не ответил ему. Астурда, со вниманием осмотрев еду, певуче сказала:

— Пирог ничего, а мясо пережарено. Поставь, Диомед, в холодильник. На ночь дам ему кусок пирога с кислым молоком.

— На ночь кислое молоко — в самый раз, — подхватил Козел. — Где оно у тебя, красавица? Дай-ка отнесу, не чужой я ему человек. Сколько мы одной похлебки вместе...

— Не чужой человек, — передразнил Диомед. — Знаем мы тебя, на рудниках жить не давал. На Молчу... на Эхиара наколдовал болячки, а теперь к нему же и подлизываешься.

— Неправда! — тонко выкрикнул Козел, пятясь от наступавшего Диомеда. — Я его всегда как родного отца любил. А вот ты, рыжий, откуда..

Он не договорил. Из-за двери раздался хриплый хохот с подвыванием. На пороге спальни появился Эхиар. Был он без верхней одежды, всклокочен, глаза безумно расширены. Сутулясь, пошел он прямо на Козла, перемежая лающий смех бормотанием: «Огонь от земли... Еще немного... Еще немного...» Горгий и Астурда кинулись к нему, подхватили под руки, Диомед забегал в поисках кувшина с водой.

И только когда старика водворили на место и Астурда, ласково поглаживая его по голове, шептала успокоительные слова, — Горгий с Диомедом заметили, что Козел исчез.

— Нехорошо получилось, — сказал Горгий, поцокав языком. — Про веселую болезнь никто не должен знать.

Диомед сорвался с места, побежал к воротам.

— Э, да его и след простыл, — ответил караульный на вопрос и махнул секирой в сторону леса. — Я думал, вы его кипятком ошпарили.

Диомед закашлялся, побрел в дом.

В лесу Козел отдышался, осмотрелся. Снял с шеи тугой кожаный мешочек, висевший на шнурке. Боги помогли обойтись без снадобья. Да и как было подсыпать, когда его, Козла, и близко не подпустили к Молчуну. А заранее отравить пищу Козел побоялся — могли и самого заставить попробовать. У Молчуна веселая болезнь, долго он не протянет...

Козел закопал мешочек в землю, притоптал ногой. Жаль снадобья, нелегко его приготовить, но если с ним попадешься... Кто сам осторожен, того и боги берегут.

Он достал из-за пазухи помятый кусок тыквенного пирога и съел, не просыпав ни единой крошки. Потом залег в кустарнике и стал терпеливо дожидаться темноты, готовя в уме разговор с Павлидем.

Как только стемнело, Козел выждал момент, когда повстанцы занялись вечерним варевом, бесшумно прополз между повозок и, пригибаясь и подобрав полы, побежал на ту сторону. Раз или два колючие ветки кустов больно хлестнули его по лицу.

— Стой!

Тяжело дыша, Козел остановился перед широкими лезвиями двух копий.

— А, это опять ты, козлиная борода, — сказал один из стражников, присмотревшись. — Дождешься, что тебя проткнут насквозь.

— Придержи язык! — прикрикнул Козел. — Проведи меня к начальнику, живо!

— Живо можно и по морде, — буркнул стражник.

Однако не стал спорить: старший велел пропустить лазутчика туда и обратно беспрепятственно. Стражник высморкался и повел Козла по трескучей от сухих веток тропке к северным крепостным воротам, где был раскинут шатер начальника.

Военачальник, сидя на мягких подушках, ел рыбу, зажаренную целиком. Зубы его ходили по рыбьей спине от хвоста к голове и обратно — будто на дудке играл, — жир стекал по бороде на желтый нагрудник, на серебряные пряжки. Возле масляного светильника двое телохранителей играли в кости.

— Ну что? — Военачальник взглянул на вошедшего Козла. — Укокошил самозванца?

— Считаю, что он готов, — небрежно ответил

Козел. — У него веселая болезнь. Завтра помрет, самое позднее — к вечеру.

Военачальник перестал жевать.

— Веселая болезнь? Ты уверен?

— Подвинься, — сказал Козел и, усевшись, поднес к носу пузатый пифос с медовым вином. — Доброе вино! — Он сделал несколько больших глотков, крикнул, обтер ладонью усы и бороденку. Военачальник ошалело хлопал глазами. Телохранители перестали играть в кости. — Доброе вино, — повторил Козел, — давно не пивал.

— Может, дать тебе закусить? — Военачальник вдруг развеселился. Не каждый день увидишь такого нахального раба.

Телохранители, ухмыляясь, подошли ближе.

— Так вот, — сказал Козел. — Веселая болезнь — это посильнее, чем порошочку подсыпать. Завтра самозванец окочурится. Подбери слюни, начальник, и посылай крикунов — пусть прокричат бунтовщикам, что ихний царь помирает.

Военачальник отшвырнул рыбий скелет, хлопнул себя жирными руками по нагрудным пряжкам, гаркнул:

— Будет исполнено, почтиблестательный!

Телохранители заржали. Зрелище было хоть куда.

— Ах ты, котенок мой, — снисходительно проговорил Козел. — Скоро ты будешь подползать ко мне на брюхе. Царь Павлидий, Слепительный, уж подберет для своего старого приятеля Айната хорошую должностишку. Ну ладно. — Он не спеша поднялся, хрустнув суставами. — Поговорили, и хватит. Вели этим жеребцам проводить меня во дворец. Я сам доложу Слепительному.

— Верно! — Военачальник тоже встал, почесал под мышкой. — Как раз такое повеление я и имею. Эй, вы! Проводите почтиблестательного во дворец. Да смотрите у меня — чтоб с почестями! Дорогу перед ним расчищайте!

Козел вышел из шатра, телохранители двинулись за ним. Военачальник подозвал одного, коротко бросил:

— Удавить!

— **О** чем вы задумались, читатель?

— *Об Испании. Удивительная страна... Вот я сейчас подумал: что прежде всего приходит в голову, когда говорят — Испания?*

— *И что же?*

— *Да знаете, сразу наплывает многое. Колумб, бой быков, Дон-Кихот... инквизиция... Нет, нет, все не то...*

— *Послушайте, какой город стоит теперь на месте Тартесса?*

— *Да неизвестно же. Если принять гипотезу о том, что Тартесс стоял в устье Гвадалquivира, то там теперь неподалеку Сан-Лукар де-Баррамеда. Возможно, Тартесс был где-то близ нынешней Севильи или Уэльвы. Кстати, к северо-западу от Уэльвы и теперь есть маленький населенный пункт под названием Тарсис.*

— *Тарсис? Похожее название. Когда подумаешь, что в этом Тарсисе правит какой-то блистательный, назначенный Франко... Двадцать пять веков истории от Аргантония до Франко. А что изменилось?..*

ГЛАВА 17

Праздник Нетона

На рассвете лес огласился криками.

— Ваш самозванный царь помирает! — кричали глашатаи.

— Боги покарали его веселой болезнью!

— Сдавайтесь, бунтовщики! Царь Павлидий помилует тех, кто бросит оружие.

Воины Павлидия начали штурм. Их встретил град камней и стрел, но кое-где повстанцы дрогнули: что толку сопротивляться, если тот, на кого они надеялись, умирает от веселой болезни? В образовавшиеся бреши хлынули стражники. Рубили наотмашь, не щадили и тех, кто побросал оружие. Ретобон сам повел в бой отряд, оставленный про запас.

— Не верьте желтым собакам! — кричал он, срывая голос. — Царь Эхиар жив! Клянусь Черным Быком!..

Кровавая сеча в лесу шла до полудня. Потом бой притих. Пронесся слух, что карфагенские корабли прорвались к гавани и осыпают причалы камнями и горшками с горя-

чим снадобьем. И еще говорили, что гадирские воины перешли Бетис и устремились к мостам, ведущим в Тартесс.

Лес был полон встревоженных голосов, дыма костров, звона оружия.

Солнце клонилось к закату, когда у шатра военачальника остановились носилки, богато изукрашенные серебром. Из носилок вылез Павлидий, хмуро глянул сквозь зеленое стеклышко на военачальника, упавшего ниц. В крик голос не повышал, но пообещал отделить голову военачальника от плеч, если тот не покончит до темноты с бунтовщиками. И еще тише добавил: «Или, может, ты ожидаешь поутру гадирцев?» Нехорошо стало военачальнику от таких царских слов. Тут же разослал он гонцов по отрядам с грозным повелением возобновить бой и закончить его лишь тогда, когда последний бунтовщик будет поднят на копья.

И снова в лесу загремело оружие. Начальники остервенело гнали воинов вперед, чтобы быстрее сломить оборону повстанцев. Повстанцы отходили, цепляясь за чащобы, где легче задержать противника. А задержать надо было во что бы то ни стало. Ретобон, понимая, что сражение проиграно, послал часть людей на берег — резать камыш, вязать большими пучками, готовиться к переправе на материк. Сам же он с кучкой отборных бойцов отчаянно пробивался к дому Сапрония, чтобы вывести к берегу Эхиара. И уже пробились к опушке, уже увидели за деревьями белые стены — и поняли, что опоздали: перед домом суетились стражники в желтом, бухали тяжелым бревном в окованные медью ворота.

Не пробиться, в отчаянии подумал Ретобон и велел возвращаться.

В лесу сгустились сумерки, трескучими кострами пылали опрокинутые повозки. Мимо пронеслась обезумевшая лошадь, из бока ее торчала густо оперенная стрела. Тут и там, прикрывая отход к берегу, повстанцы из последних сил отбивались от наседавших воинов Павлидия.

Задыхаясь от быстрого бега, Ретобон сквозь заросли камыша выскочил на берег. Переправа уже началась. Вцепившись в камышовые связки, бойцы наискось пересекали широкий рукав Бетиса. Ретобон остановился, ожидая Нирула. Тот ковылял, тяжело опираясь на копье, волоча раненую ногу.

— Быстрее! — Ретобон шагнул ему навстречу.

В камыше зашуршало. Замелькало желтое. Ретобон рывком взвалил Нирула на спину и, увязая в песке, пошел к воде. Просвистели метательные копья. Ретобон ощутил, как вздрогнул Нирул. Послышался хриплый стон. Вода резанула холодом. Ретобон поплыл, загребая одной рукой и поддерживая другой неподвижное тело поэта.

— Он весь горит, — сказала Астурда и беспомощно взглянула на Горгия.

Лицо Эхиара налилось кровью, рвота сотрясала тело.

Горгий понимал, что возмущенная многими горестями кровь старика сгустилась, а печень не может ее вместить, и кровь распирает все естество. И он решился. Вынул кинжал, обтер лезвие полкой, велел

Астурде подать чашу. Затем он обнажил костлявую руку старика, пригляделся к переплетению синих вен на сгибе.

— Держи его руку крепче, — кинул Диомеду.

Кончиком лезвия он осторожно надрезал набухшую вену. Брызнула черная кровь, Астурда поспешно подставила чашу.

Старик дернулся, застонал, но потом дыхание его стало легче, лицо посветлело. По знаку Горгия Астурда перевязала ранку. Потом она выбежала во двор и вернулась со спелым плодом граната.

— Это заменит ему потерянную кровь...

Она мяла гранат, пока он не перестал хрустеть под пальцами, потом прокусила красную кожуру и выдавила в чистую чашу темно-красный сок, заставила Эхиара выпить его.

Горгий поднялся на крышу, ноздри его сразу ощутили запах гари. Он осторожно выглянул. По поляне перед домом перебегали воины. Стражники в желтом теснили повстанцев, отжимали к лесу. У самых ворот шла яростная схватка. Горгий опроретью кинулся вниз.

— Надо уходить! — крикнул он. — Астурда, есть еще какой-нибудь выход из дома?

— Можно через погреб, — испуганно ответила женщина. — Это у задней стены сада.

Горгий с Диомедом приподняли старика с ложа.

— Оставьте меня, — ясным голосом сказал Эхиар.

— Сейчас в дом ворвутся люди Павлидия, — нетерпеливо сказал Горгий. — Они убьют тебя!

— Не все ли равно... Сегодня или завтра...

— Завтра праздник Нетона — ты хотел дожить до этого дня!

— Праздник Нетона?.. — пробормотал старик. — Праздник Нетона...

Он умолк. Опираясь на плечи греков, поднялся. Следом за Астурдой они вышли в сад. Дом гудел и сотрясался от ударов: воины Павлидия, перебив охрану Эхиара, ломались в ворота. Было слышно, как они орут и обещают Эхиару такую казнь, какой еще не видывали в Тартессе, и у Горгия от этих обещаний похолодело в животе.

Погреб был в дальнем конце сада, у самой стены, возле помойных ям. Астурда стала осторожно спускаться в прохладную темноту и вдруг отпрянула со слабым вскриком: из погреба одна за другой выскочили три кошки, одна из них держала в зубах крысу. Натыкаясь на бочки и ящики (почти все они были пусты и перевернуты), беглецы пересекли погреб и поднялись по крупным каменным ступеням к наружной двери. Потихоньку Горгий отодвинул скрипучий массивный засов, чуть-чуть приоткрыл дверь.

Здесь, на задворках, было тихо. Белела в сумерках тропинка, уходившая влево. Сразу за тропинкой начинался пологий откос. По этому откосу, цепляясь за кусты шиповника, они скатились в овраг. Прислушались. Диомед шепотом ругался, шупая ткань гиматия, разодранную кустом (гиматий был новенький, просторный, не иначе как с плеча самого Сапрония). Горгий цыкнул на матроса. Крутил головой, прислушиваясь к отдаленным звукам боя. Куда пойти? Как разыскать Ретобона в этом окаянном лесу, набитом озверевшими воинами? Может, лучше затаиться в овраге, в густом кустарнике, выждать, пока кончится бой и лес опустеет, а уж потом тайком выбрать-

ся... Выбраться — но куда? Тут он вспомнил Полморды: еще в начале сражения, когда повстанцы с ходу ворвались в квартал горшечников, Полморды решил, что с него хватит; он честный гончар, а не драчун какой-нибудь, и у него есть здесь, в родном квартале, жена, и если она его еще не забыла, то приютит и спрячет до более спокойных времен; и вообще царь Павлидий может вполне на него, Полморды, положиться, он как раньше законы, все до одного, исполнял, так и дальше будет. «Видишь за тем углом колодец? — сказал он перед бегством Горгию. — От него наискосок моя мастерская. Если захочешь, приходи, горбоносый, и рыжего своего прихвати...»

Эхиар вдруг выпрямился, задрал голову к темнеющему небу (свалявшаяся борода торчала унылыми клочьями), но звезд не увидел — низкие облака медленно плыли над Тартессом.

— В какой стороне море? — спросил Эхиар.

— Там, — сказала Астурда.

Старик встал, хватаясь за кусты, ноги плохо его держали, но все-таки он сделал несколько шагов.

— Погоди, — остановил его Горгий. — В той стороне идет бой, не слышишь разве? Ты хочешь найти челнок и переправиться на материк?

— Мне нужно на берег. Там скалы. Я выведу вас в безопасное место.

Однако осторожный Горгий решил дожидаться полной темноты. Ночь наступила быстро. В просвете меж облаков прорезался тоненький полуободок новорожденной луны. Горгию вспомнилось, как

неудачно он соврал Литеннону по прибытии в Тартесс, что прошел Столбы безлунной ночью. «С этого то вранья и начались все мои горести», — сокрушенно подумал он. Но разве мог он подумать, что тартесские властители окажутся такими подозрительными и будут взвешивать каждое его слово? В торговом деле без вранья не обойдешься, это и боги знают, не наказывают. Для Гермеса, покровителя торговцев, хорошее вранье — услада...

Овраг кончился. Горгий первым выбрался наверх, осмотрелся. Прямо перед ним, в пяти плетрах*, чернела крепостная стена. Такая близость была опасна — с башен могли заметить дозорные.

Пока Горгий раздумывал, Эхиар с кряхтением выбрался из оврага и, согнувшись, опираясь на подобранный по пути сук, побрел направо, вдоль стены.

— Что стоишь? — шепнул он, проходя мимо Горгия. — Теперь я знаю дорогу, иди за мной.

Не прошли они и полусотни шагов, как сзади послышались голоса и звон оружия. Видимо, павлидиевы воины, закончив сражение, направлялись в крепость через северные ворота. Пришлось залечь, переждать. На Диомеда напал кашель, и он давился, зажимал рот горстью.

Потом до самого берега густо пошли кусты. Встречный ветер донес до слуха беглецов звук воды, разбивавшейся о скалы. Здесь крепостная стена круто поворачивала на юг, вдоль берега. На повороте стены высилась угловая башня. Смутно доносились голоса стражников.

---

* П л е т р — около 25 метров (греч.).

Берег здесь был высок и скалист. Повернувшись к башне спиной, Эхиар начал спускаться к узкой полоске песка у самой воды.

Откуда в нем силы берутся, подумал Горгий, переступая вслед за стариком с камня на камень и поддерживая Астурду под локоть. Не иначе, бог Океана ему покровительствует.

Спустились. Горгий с наслаждением вдохнул запах моря, водорослей и выброшенной на берег рыбы.

— Это и есть Океан? — произнес у него за спиной Диомед. — Смотри-ка, пахнет, как наше море! Еще бы наш корабль сюда...

— И нашего Неокла, — тихо добавил Горгий и положил руку на плечо матроса. Они стояли, обнявшись, как братья, и смотрели на темную воду, и слушали, как шипит у их ног белая пена накатывающихся на берег волн, и никак не могли насмотреться, послушаться, надышаться...

Астурда стояла рядом. Ночное море ее пугало, и она обеими руками держалась за руку Горгия. Они не сразу заметили, что Эхиар исчез. У Горгия дух захватило при мысли, что Океан унес старика. Да, так оно, наверно, и было, бог Океана взял его к себе, недаром старик так спешил сюда. Астурда тихонько заплакала.

— Может, по нужде отошел? — сказал Диомед. — Пойду посмотрю.

Он разглядел черные вмятины следов в плотном мокром песке, они вели к скалистому мыску, врезающемуся в море. Эхиар ползал по расщелинам, вид у него был такой, будто он что-то потерял и теперь

разыскивает. На вопросы он не отвечал, только бормотал, как обычно, себе под нос. Вылез на самый край мыска, здесь шумела вода, разбиваясь о камень и обдавая брызгами.

Все-таки он чокнутый, подумал Горгий, ведь свалится сейчас со скалы — и душа вон. Он пробрался к старику и потащил его назад. Диомед разыскал меж камней место, достаточно защищенное от ветра и брызг. Некоторое время беглецы сидели молча, отдыхая. Горгий пытался представить себе, далеко ли отсюда до того рукава Бетиса, через который перекинуты мосты на материк. Там, как он помнил, густые камышовые заросли. Нарезать камыш, сделать связки потолще — и переправиться на них на тот берег. А дальше? Уйти с Астурдой к этим... как там... ну, к ее соплеменникам...

— Новая луна, — сказал вдруг Эхиар. — Сегодня море уйдет далеко.

Горгий посмотрел на старика. В темноте не различишь лица, да Горгий и без того знал, как тусклы и вроде бы мертвы глаза Эхиара. Отчего богам было угодно свести его, Горгия, с этим странным человеком — не то рабом, не то царем?

— Завтра, — сказал Эхиар. — Завтра праздник Нетона.

«Разговорчивый стал, — подумал Горгий. — А ведь днем почти помирал. Веселая болезнь — говорят, от нее никто не выживает... Тишина какая... Всех рабов, наверно, перебили...»

— Хозяин, — сказал Диомед, — ты, когда в Фокею вернешься, пойди на улицу Дикого Кабана, там дом стоит винодела Анаксилая — может, знаешь?

— Знаю. А что?

— Ему в доме женщина прислуживает — Кайя. Ты ей скажи: мол, Диомед, матрос, кланяется и просит... и просит, чтоб вспоминала иногда.

— Перестань, — строго сказал Горгий. — Сам ей привет передашь.

— Не, — Диомед замотал головой. — А если у тебя найдется десяток лишних оболов, ты ей купи, хозяин, украшение какое-нибудь. Очень она украшения любит. Скажи — от Диомеда...

Холодно было здесь, у моря. Астурда продрогла в легкой своей одежде, свернулась клубочком, прижалась к Горгию, он прикрыл ее полой гиматия.

Ясное дело, надо идти по берегу в сторону, противоположную крепости, обогнуть холм — там, должно быть, и есть северный рукав Бетиса и заросли камыша. Горгий стал излагать свой план.

— Нет, — сказал Эхиар. — Скоро море отойдет, и я проведу вас в безопасное место. — И, помолчав, добавил: — Мы увидим все, а нас никто не увидит.

Истинно как царь сказал он это — не допуская возражений. Горгий и сам не понимал, что заставляет его подчиняться старику. Ладно, подумал он, может, и впрямь выведет в безопасное место.

Между тем начинался отлив. Волны, набегая на скалы, уже не так высоко взметывали пенные гребешки. Вода отступала, обнажая камни и песок, еще недавно принадлежавшие Посейдону. Или Нетону? — подумал Горгий. Ведь, если верить старику, над Океаном властен ихний бог, Нетон...

Эхиар поднялся, снова полез на каменный мысок. Бродил, пригнувшись, среди мокрых камней, отыскивал что-то. Со стороны крепости донеслось отдаленное протяжное завывание — это переключались дозорные на сторожевых башнях.

— Идите сюда, — позвал Эхиар.

Они подошли к нему, оскользаясь на водорослях. У самой кромки воды было нагромождение камней, и Эхиар указал на один из них, велел сдвинуть с места. Камень был тяжел, не сразу удалось Горгию и Диомеду приподнять его. Из-под камня хлынула вода, спеша соединиться с морем. Когда она сошла, Эхиар нагнулся к черному зеву, открывшемуся под камнем.

— Идите за мной, — сказал он и полез в дыру.

Несколько скользких ступеней вели вниз, в крошечную тьму, в пронзительный застоявшийся холод. Под ногами хлюпала, чавкала жижа. Медленно шли они узким лазом, то сгибаясь в три погибели, то с трудом протискиваясь меж сырых каменных стен. Впереди Эхиар, следом за ним Горгий, потом Астурда, крепко вцепившаяся в его руку, последним — Диомед. Подземный ход свернул вправо, стало суше и немного просторней, можно было идти в рост, лишь наклонив голову. Стены были неровны и шершавы, воздух — затхлый. Диомед мучительно закашлял, жутким лаем отдавалось эхо, било по ушам. Горгий вначале считал шаги, потом сбился со счета.

Так они шли час или больше, пройдя, по расчету Горгия, добрую дюжину стадий.

— Далеко еще? — спросил он.

Эхиар не ответил, и Горгий повторил свой вопрос громче. Ему вдруг показалось, что старик ведет их куда-то в Океан, откуда нет выхода, ведь старик-то был чокнутый, но тут же он подумал, что ход постепенно поднимается, значит не может вести под океанское дно. Тут Эхиар остановился, и Горгий с ходу налетел на него.

Эхиар шарил в темноте по стенам. Глухо прозвучал его голос: «Лезьте за мной... сюда, вправо». Один за другим они пролезли на четвереньках в дыру и поняли, что подземный ход кончился. Теперь крутыми зигзагами шла вверх лестница, зажатая меж тесно сдвинутых каменных стен. Поднимались долго, Эхиар часто останавливался перевести дух, лица у всех были мокрые от пота.

— На небо, что ли, лезем? — проворчал Диомед. — Мне туда не надо...

Немного посветлело, становилось легче дышать. И вот подъем кончился. Они вылезли на небольшую квадратную площадку, огороженную зубчатой стеной, над ними распахнулось ночное небо — безлунное и беззвездное, но все же показавшееся светлым после долгой слепой темноты. Тучи плыли над самой головой.

Подошли к стене, выглянули из-за каменных зубцов.

— Вот это да, клянусь рогами коровы Ио! — вырвалось у Диомеда. — В самую середку попали!

Внизу под ними была широкая храмовая площадь. А вот и серебряный купол храма, он вобрал в себя весь слабый свет ночи и тускло поблески-

вал. Мрачно чернела поодаль громада царского дворца...

Башня Пришествия — вот куда Эхиар привел их!

— Как же так? — изумился Горгий. — Мне говорили, что в эту башню нет хода.

— Верно, — откликнулся Эхиар. — Ход в башню известен только царям Тартесса.

— Значит, ты действительно царь, — тихонько сказала Астурда.

А Диомед крепко почесал голову и заметил:

— Знала бы моя покойная мама, как высоко забрался ее сын... с царями в обнимку ходит...

Внизу, возле дворца и храма, расхаживали стражники с факелами. Им и невдомек было, что с башни Пришествия на них глядит важный государственный преступник. А если б они и знали — как достанешь? Близо ухо, а не укусишь.

Далеко на севере, за мостами, клубился в красном отсвете дым — что-то там горело. Видно, гадирцы перешли-таки Бетис, под самым Тартессом разбили боевой лагерь. А на юге, если присмотреться, можно было различить в море тусклые огоньки — то, верно, горели факелы и плошки с маслом на карфагенских кораблях, осадивших Тартесс.

Город спал. Ворочались на мягких ложах блистательные. Храпели в своих кварталах купцы и моряки, рыбаки и ремесленники. Чмокал во сне Полморды, честный гончар, твердо вознамерившийся пережить любые события в Тартессе.

Спал великий город. Он разгромил восставших рабов, он двинет поутру свежие силы на гадирские отряды, он попытается отбросить за Геракловы

Столбы карфагенский флот — и опять без помехи поплывут его корабли тайным путем на Оловянные острова, на очень далекие Касситериды...

А он, Горгий, не спит, и душу его гложет тревога. Полжизни прошло, а он так и не знает ни семьи, ни собственного дома. В его возрасте люди имеют сыновей — крепконогих юношей, допущенных к кулачному бою и метанию дротика; имеют дочерей, умеющих играть на кифаре и готовить пищу в помощь матери. А его, Горгия, мотает судьба по ойкумене из конца в конец. Что нужно ему на чужбине, в очень далеком Тартессе? Всюду видит он вражду и кровь, ненависть и обман... Да что же это вы, милосердные боги, никакой жалости нет у вас к сыну человеческому?..

Он ощутил тепло прикосновения, легкая рука легла на его плечо. Астурда! Он притянул ее к себе, крепко обнял, зажмурил глаза. Одна только ты и осталась у меня, чужеземка...

Половину башенной площадки занимало какое-то сооружение. Диомед ходил вокруг него, трогал холодный металл, цокал языком — у Горгия перенял смешную привычку. Низко над головой шли тучи, и казалось, что не тучи, а башня плывет по океану ночи, не имеющему берегов.

Хорошо, что Горгий перед уходом велел Диомеду припасти побольше гранатов. Теперь пригодились. Диомед развязал мешок, каждому дал по гранату. Мяли дивные плоды пальцами, высасывали терпкий кисло-сладкий сок, утоляющий и жажду и голод.

— Зачем ты привел нас сюда? — спросил Горгий.

Эхиар ответил не сразу. Он отбросил выжатый гранат, прислонился спиной к стене.

— Вы мне больше не нужны, — тихо сказал он наконец. — Сейчас уже поздно, море скоро начнет прибывать... А завтра в час отлива вы уйдете. Сделай как хотел. Нарезь камыш. Переплывете Бетис.

Старик говорил с трудом, язвы на теле причиняли ему боль.

— А ты? — спросил Горгий.

— Я останусь здесь. Хоть я и не закончил свое дело... Нетон сжалился над последним царем Тартесса... позволил перед смертью увидеть праздник...

— Ты проживешь еще долго, Эхиар. Ты пойдешь с нами.

— Нет. Спасибо, чужеземцы... за доброту ко мне.

— О каком деле ты говорил?

— Тебе не понять. — Эхиар помолчал, а потом забормотал: — Еще немного... еще немного — и было бы сверх меры... свершилась бы моя месть...

— Ну, не надо, дедушка, успокойся! — воскликнула Астурда. — Ой-ой! — она смутилась. — Я говорю «дедушка», а ведь он царь...

— Он не слышит тебя, — сказал Горгий. — Боги затмевают ему разум.

Площадка башни не лучшее место для сна, если воздух по-зимнему холоден и под утро моросит дождь.

Как только стало светать, Горгий поднялся, захо-

дил по площадке, хлопая себя руками по груди. Голова была тяжелой от бессонья, зуб на зуб не попадал от холода. Астурда протянула ему гранат. Лицо у нее было бледное, глаза — огромные, тревожные.

Эхиар не спал. Сидя на корточках, вертел в руках длинную черную палку — откуда только он ее взял.

Медленно светлело небо на востоке. Над кварталами ремесленников поплыли дымы ранних очагов. Тусклой желтизной обозначились рукава Бетиса, обнимавшие остров. Горгий смотрел на гавань, пытался в слабом свете серенького утра различить среди десятков кораблей свой. Цел ли он?.. Странно и страшно было представить себе чужую команду на его палубе... чужого человека в дощатой каютке...

Он обернулся, хотел позвать Диомеда — у матроса глаз зоркий, быстрее высмотрит. Диомед лежал, накрывшись с головой, возле непонятной махины, занимавшей полплощадки. Его била дрожь. Горгий тронул матроса за плечо.

— Попей сок граната, легче станет. Слышишь, Диомед?

Рыжая голова матроса высунулась из складок гиматия. На торчащих скулах красные пятна, в глазах (тех самых, которые Горгий привык видеть прежде озорными и нагловатыми) — пугающая тоска.

— Помираю, хозяин...

— Не дури! — прикрикнул Горгий, а у самого сердце захолонуло.

Помял гранат, заставил матроса выпить сок.

Дождь, слава богам, перестал. Развиднелось и немного потеплело. Гелиос сегодня вроде бы не соби­рался взглянуть на Тартесс (можно его понять, по­думал Горгий). Пасмурный день рождался, не празд­ничный.

— Теперь поспи, и полегчает тебе, — сказал Гор­гий. — А вечером уйдем из Тартесса.

— Не, — прошептал матрос. — Вы с Астурдой бе­гите. А я уж здесь, к богам поближе... — Он опять накрыл голову мокрой от дождя тканью.

Эхиар, шаркая, вышел из-за махины, в руках у него была не палка, как раньше показалось Гор­гию, а стрела. Тут только Горгий заметил, что еще несколько черных стрел, бронзовых с виду, лежало у массивной стойки махины. Он поднял одну, поди­вился ее тяжести. Такая самому Гераклу была бы в пору...

Повнимательнее осмотрел он махину — и вдруг догадался. Погоди-ка, сказал он самому себе, да ведь это катапульта! Ну да, вот поперечные доски — перит­реты с пучками веревок... вот бронзовый желоб си­ринкса... почему-то он смотрит не вверх, а склонен к низу стены.

Немало видывал Горгий стрелометных машин на своем веку, но такую огромную увидел впер­вые.

— Для чего здесь катапульта? — спросил он Эхиара.

— Это орудие царского возмездия, — ответил тот, и по его голосу Горгий понял, что старик чем-то взволнован. — Плохо, плохо... — Эхиар озабоченно разглядывал обрывки веревок меж перитретов. — Все сгнило...

— А ты что — собираешься стрелять? — Горгий потрогал станок катапульти. — Ничего у тебя не выйдет. Она не поворачивается.

— Ей не нужно поворачиваться, — последовал странный ответ. — Катапульта нацелена навечно.

Горгий поднялся по ступенькам, вделанным в бронзовый антибасис — заднюю опору катапульти. Посмотрел в прицельную щель... Вот оно что! Опущенный сирикс, оказывается, смотрит в квадратное отверстие в ограде. Катапульта и верно нацелена... Она нацелена, как уразумел Горгий, на ступени храма... Нет, выше... Вон меж двух центральных колонн возвышение, за ним в храмовой стене ниша, закругленная сверху. Ну да, катапульта как раз на эту нишу нацелена...

— В кого ты хочешь стрелять? — спросил Горгий.

Эхиар сидел, прислонясь к стойке катапульти, руки были устало опущены, стрела валялась рядом.

— Ременные пучки сгнили, — сказал он. — Стрелять нельзя.

Горгий посмотрел вниз, на площадь. Перед храмом суетились люди в черных одеждах. Расстилали на ступенях ковер. Устанавливали треножки с курильницами. Выносили из боковых дверей храма какие-то деревянные колоды. Прошел к восточным воротам отряд стражников.

— Выпей... господин... — Астурда протянула Эхиару гранат.

Старик не шевельнулся. Он неподвижным взгля-

дом смотрел на нее, и девушка смущенно отвернулась.

— Подойди ко мне, цильбиценка, — сказал вдруг Эхиар. — Сядь.

Он схватил ее за косы. Астурда испуганно вскрикнула, выставила перед собой тонкие руки.

— Не бойся. Твои волосы длинные и крепки. Отрежь их.

— Ни за что! — Астурда вскочила дикой кошкой, выдернула косы из руки Эхиара, отбежала к стене. — Не приходи — брошусь вниз!..

Через восточные крепостные ворота по коридору, образованному двумя шеренгами стражников, тек народ на храмовую площадь — на праздник Нетона. Вначале пропустили купцов побогаче, потом пошли прочие — ремесленники, рыбаки, погонщики быков. Матросов не было видно: сидели на кораблях, готовые схватиться с карфагенским флотом.

Стражники, тыча древками копий, теснили толпу подальше от храма, отжимали ее к башне Пришествия. Люди вытягивали шеи, глядя на торжественный выход высокорожденных. Шли они по порядку, с женами и без жен, и каких только не было украшений на их многоцветных одеждах! Блестательные расположились лицом к толпе на нижних ступенях храма. Повыше встали сверкающие. Место светозарных пустовало: еще не успел назначить их новый царь.

Грянули приветственные крики: по ковру подни-

мался на верхнюю ступень царь Павлидий, Слепительный, в белой одежде с золотыми изображениями бога Нетона. Его сопровождали ближайшие придворные.

Младшие жрецы зажгли курильницы, в безветренное небо потянулись белые столбы благовонного дыма.

Павлидий поднялся на возвышение перед нишей, обернулся к толпе...

Площадь ликующе заревела.

— Щит Нетона! Щит Нетона, бога богов!

— Сла-ава царю Павлидию!

Тонкие губы Павлидия растянулись в улыбке. Щит, висевший у него на груди, был невелик, но тяжел, ремни врезались в шею, но Павлидий заставлял себя стоять прямо. От щита шло тепло. Щит из голубого серебра всегда был теплым на ощупь — знак того, что он угоден Нетону.

Павлидий улыбался. Он мог себе позволить довольную улыбку. Бунтовщики разгромлены. Освободившиеся отряды, конные и пешие, двинуты на помощь воинам, сдерживающим гадирцев. Сегодня гадирцы будут отброшены за Бетис, их погонят на восток, за пределы Тартессиды; и если карфагеняне не успеют прислать им подмогу, то надо с ходу ворваться в Гадир. Надо, наконец, стереть с лица земли этот город — занозу в глазу великого Тартесса. А потом придется дать решительный бой карфагенскому флоту. Трудное это будет сражение. Добраться бы только до их кораблей, завязать рукопашную — и тогда тартесские чернобронзовые мечи и секиры сделают свое дело.

Нетон, бог богов, получит сегодня хорошую

жертву — было бы странно, если бы, приняв ее, он не даровал своим верным тартесситам военной удачи.

Павлидий улыбался, глядя, как ликует народ Тартесса при виде святыни — щита Нетона, щита из голубого серебра. За долгое царствование Аргантония сделан этот щит — крупца за крупцей. Второй, наполовину меньше, тоже вынесен к народу, его держит Укруф, стоя ступенькой ниже. Пусть знают тартесситы, что их правители не сидят сложа руки, что они неутомимо ведут Накопление, выполняют священные заветы предков.

— Слава-а тысячелетнему царству!

— Бог богов Нетон, помилуй нас!

Павлидий простер руки — крики на площади умолкли. Он стал выкрикивать слова молитвы — слова, которых люди не понимали, потому что они принадлежали древнему языку сынов Океана.

А когда молитва была сотворена, настал черед жертвоприношению. Из восточных ворот потекла длинная вереница оборванных испуганных людей. Крепко привязанные друг к другу, они бежали, подгоняемые стражниками, на площадь, на расчищенное место между ступенями храма и толпой горожан. Сбились в кучу. Стражники отделили от них десятка три обреченных, связанных особой веревкой.

Снова заговорил Павлидий, и глашатаи зычными голосами повторяли каждое его слово. Это презренные бунтовщики, поднявшие оружие на великий Тартесс, сейчас их главари будут принесены в жертву Нетону, богу богов, а остальные — отправлены на рудник голубого серебра.

К деревянным колодам подошли палачи, поигрывая топорами.

Площадь орала неистово. Крики негодования слились в протяжный рев. Обреченные вжимали головы в плечи. Лишь один из них, долговязый, с изрытым оспой лицом, стоял прямо и спокойно. Он в упор смотрел на одного из царских приближенных — молодого, в лиловом гиматии, с серебряными пряжками на груди.

И Тордул, ощутив на себе пристальный взгляд, забеспокоился. Он повел глазами — и встретился с ненавидящим взглядом Ретобона. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом Тордул опустил глаза. Вдруг он встрепенулся, побежал, расталкивая придворных, вниз по ступеням храма. Он что-то кричал, но голос его тонул в реве толпы...

Горгий и Эхиар плели тугие пучки из длинных каштановых волос. Астурда сидела у стены и плакала, уткнув лицо в колени. Она стыдилась своих остриженных волос, не достигающих затылка, и голова ее была покрыта.

Не устояла, поддавалась уговорам Горгия: у греков бывало, что молодые женщины отдавали свои волосы для тетивы катапульта. Так вот всегда: мужчины дерутся, а женщинам — слезы...

Эхиар был необычно возбужден.

— Не плачь, цильбиценка, — говорил он, скручивая прядь волос. — Ты поклоняешься другим богам, но есть бог богов, и ему угодна твоя жертва... Ты увидишь сейчас... увидишь, как падет недостойный...

Только истинным царям известно орудие возмездия. Бывало и в прошлом, что верховные жрецы пытались завладеть тронem, и тогда мудрый царь поставил на башне катапульту... Раз в году верховный жрец подставляет сердце карающей стреле... ни о чем не ведая. — Хриплый смех вырвался у Эхиара. — Я хотел уйти в могилу вместе с Тартессом, но мне не удалось... не удалось накопить голубого серебра сверх меры... сверх той меры, за которой начинается гнев Нетона... Пусть так... Но зато я увижу, как падет недостойный... Павлидий — так его зовут? Ах-ха-ха-а...

От его лихорадочной речи, от жуткого смеха Горгию было не по себе. Сейчас он хотел лишь одного: пусть скорее выстрелит катапульта, пусть будет все, что угодно богам. Вечером он спустится на берег, и они с Астурдой уйдут... доберутся до гор... и пусть, пусть кочевая жизнь — только бы жизнь...

Четыре пучка волос попарно натянуты меж перитретов. Эхиар поднялся по ступенькам, нагнулся к прицельной щели.

— Ага, стоишь на месте... на правильном месте... Стрелу сюда! — крикнул он Горгию. — Не ту! Вот эту!

Горгий повиновался. Положил тяжелую стрелу в желобок эпитоксиса, зацепил спусковой крючок.

Снизу, с площади, доносился рев толпы. Горгий выглянул меж каменных зубцов. Море голов... Каких-то связанных людей тащат к деревянным колодам... Павлидий в белой одежде стоит перед нишей — той самой, на которую нацелена катапульта...

— погоди! — крикнул Горгий Эхиару. — У него

щит на груди! Это тот самый? Из голубого серебра? Его не пробьет стрела!

— Замолчи, грек! Не видишь разве, что у этой стрелы наконечник тоже из голубого серебра?

Горгий уставился на массивный тускло-серый наконечник стрелы. Так вот оно какое...

— Берись за ворот! Быстрее!

Горгий завертел рукоятку. Со звенящим скрипом закручивались волосы. Эпитоксис со стрелой, оттягиваясь, пополз по бронзовому ложу сиринкса.

— Так! Ну, а теперь...

Безумный хохот потряс Эхиара. Он потянул рукоять. Крючок освободился, и вся сила, сжатая в волосах Астурды, рванула рычаги... Стрела понеслась вниз, к храму...

Горгий не видел мгновенного полета стрелы, но знал, что она сейчас с силой врежется в щит Павлидия. Пробьет ли?..

Последнее, что он увидел, было сияние солнца, небывало ослепительное... будто Гелиос приблизил светлый лик к самой земле...

В дальнем дворе для проезжих на берегу желтого Бетиса купец-массалиот потребовал у хозяина еще вина. Хоть был он уже пьян, хозяин не стал перечить: знал крутой нрав массалиота. И когда только уберется отсюда этот упрямый осел со своим товаром? Сидит, выжидает, пока в Тартессе станет покойно. Одним богам ведомо, какого спокойствия ему нужно для торговли... и бывает ли оно на свете...

Тяжкий грохот — будто земля разверзлась — заставил массалиота выскочить из комнаты. Грохот

шел со стороны Тартесса. Там поднималось в небо невиданно-огромное грибовидное облако. Медленно расширяясь, оно плыло сюда.

Массалиот от страха мигом протрезвел. Он выбежал на дорогу, теряя плохо привязанные сандалии, и во весь дух помчался прочь, прочь... подальше от Тартесса...

*Войскунский Евгений Львович
и Лукодянов Исай Борисович.*
ОЧЕНЬ ДАЛЕКИЙ ТАРТЕСС. Фанта-
стич. роман. М., «Молодая гвардия», 1968.
272 с., с илл. («Б-ка советской фанта-
стики».)

P2

Редактор *Б. Клюева*
Художник *А. Полещук*
Худож. редактор *Г. Позин*
Техн. редактор *Л. Коноплева*

Сдано в набор 9/IV 1968 г., Подписано
к печати 17/X 1968 г. А04288. Формат
70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Печ. л. 8,5 (усл. 11,9). Уч.-изд. л. 9,9.
Тираж 65 000 экз. Цена 29 коп. Т. II.
1968 г., № 225. Заказ 736.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Москва, А-30, Су-
щевская, 21.

Уважаемые читатели!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания авторам и издательству.

Укажите ваш адрес, профессию и возраст.

Пишите по адресу: Москва, А-30, Суццевская улица, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».